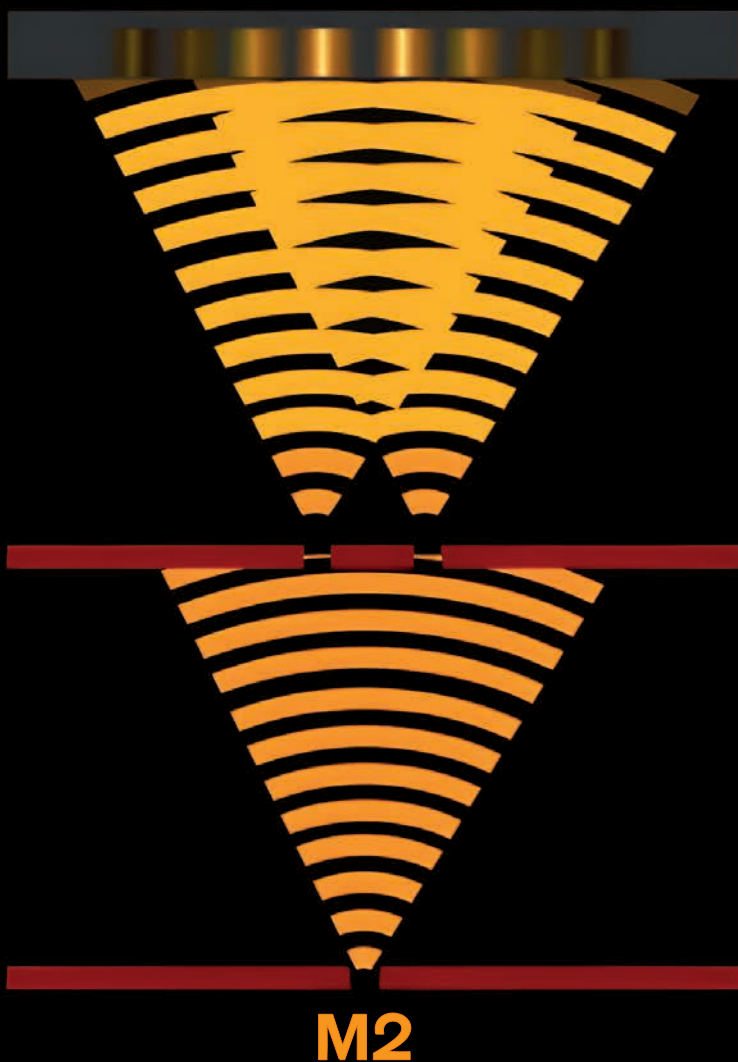

ДАРЬЯ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

6'2025

M2

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

* * *

WWW.DARIAL-ONLINE.RU

*Журнал «Дарьял» и компания «Интернет-провайдер
M2 Connect» представляют специальный выпуск
по результатам третьего сезона конкурса
кавказской фантастики «Система знаков»
и поздравляют его победителей!*

Номинация «РАССКАЗ»

- 1-е место: **Адам Салаханов.** Ультрадольмен
2-е место: **Артур Омаров.** Новый мост;
Ольга Харитоновна. Совпадение частот
3-е место: **Мурат Гелястанов.** Пойдешь — не вернешься

Номинация «МИНИАТЮРА»

- 1-е место: **Валерия Мадинова.** Город мертвых
2-е место: **Аделина Камбегова.** Кто вернулся?
3-е место: **Соня Бойцова.** ЭКАМИИ;
Илья Лукошкин. Земная жизнь

В Л А Д И К А В К А З
2 0 2 5

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
РЕСПУБЛИКА СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ

* * *

ВЫХОДИТ С 1991 ГОДА

16+

Главный редактор

А. И. ЦХУРБАЕВ

Зам. главного редактора

О. Э. ТОТРОВА

Редакционный совет:

И. Г. ГУРЖИБЕКОВА

М. С. ДЗАСОХОВ

В. О. КОЛИЕВ

Т. А. САЛАМОВ

И. А. ТАБОЛОВА

Ф. С. ХАБАЛОВА

Б. Р. ХОЗИЕВ

А. Л. ЧИБИРОВ

В. Т. ЧШИЕВ

Адрес редакции:

362040, г. Владикавказ, ул. Маркуса, 1

Телефоны: (8672) 53-60-30

(8672) 53-58-10

(8672) 54-38-04

e-mail: darial@darial-online.ru

http: www.darial-online.ru

Свидетельство

о регистрации средства массовой
информации

ПИ №ТУ 15-00144 от 22.05.2017

Выдано Управлением Федеральной

службы по надзору в сфере связи,

информационных технологий

и массовых коммуникаций

по Республике Северная Осетия-Алания

Учредитель и издатель:

Комитет по делам печати и массовых
коммуникаций Республики Северная
Осетия-Алания

Адрес: 362040, Республика

Северная Осетия-Алания,

г. Владикавказ, ул. Димитрова, 2, офис 202

Телефон: (8672) 33-33-69

Рукописи не возвращаются
и не рецензируются

Мнение редакции не всегда
совпадает с мнением авторов

Выход в свет 30.12.2025

Формат бумаги 60 x 90^{1/16}

Бум. офсетная

Гарнитура шрифта MyriadPro

Печать офсетная

Усл. п. л. 16

Заказ № 423

Тираж 600 экземпляров

АО «Осетия-Полиграфсервис»

362015, г. Владикавказ,

проспект Коста, 11

Телефон: (8672) 25-97-94

Цена свободная

6'2025 (191)

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

СОДЕРЖАНИЕ

© ДАРЬЯЛ № 6'2025

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

- 4 История кавказской фантастики

«СИСТЕМА ЗНАКОВ»

- 12 Адам САЛАХАНОВ
Ультрадольмен. *Рассказ*
- 20 Валерия МАДИНОВА
Город мертвых. *Миниатюра*
- 26 Ольга ХАРИТОНОВА
Совпадение частот. *Рассказ*
- 34 Артур ОМАРОВ
Новый мост. *Рассказ*
- 58 Аделина КАМБЕГОВА
Кто вернулся? *Миниатюра*
- 62 Мурат ГЕЛЯСТАНОВ
Пойдешь — не вернешься.
Рассказ
- 82 Соня БОЙЦОВА
ЭКАМИИ. *Миниатюра*
- 86 Илья ЛУКОШКИН
Земная жизнь. *Миниатюра*
- 90 Сергей ВЛАДИМИРОВ
Эффект наблюдателя. *Рассказ*
- 104 Таймураз ДЗЕБОЕВ
Нана. *Рассказ*
- 118 Олег КЦОЕВ
Суперпозиция Хайрага.
Рассказ
- 130 Алёна ЗАЙКА
Кси-6-минус. *Миниатюра*
- 134 Магомед ДАЦАЕВ
Чума-2300. *Рассказ*

- 146 Ольга СОЛОВЬЕВА-НАГИБИНА

Башня в тумане. *Рассказ*

- 156 Софья СОЛОМОНОВА

Пять миллисекунд, которые изменили все. *Рассказ*

- 164 Курбан ДУБУРЛАН

Квантовая душа. *Миниатюра*

- 168 Алексей ЖИХАРЕВИЧ

Димон. Кавказская быль. *Рассказ*

- 184 Залина ЛУКОЖЕВА

Сын медведя. *Рассказ*

- 206 Ильмир АМИРОВ

Эпос наследника. *Рассказ*

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ

- 222 Аркадий и Борис СТРУГАЦКИЕ

Частные предположения.
Рассказ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И КРИТИКА

- 238 Василий ВЛАДИМИРСКИЙ

Задача решения не имеет

- 244 Диана ГАМИ

Автостопом через тернии к звездам. *Эссе*

- 252 АВТОРЫ НОМЕРА

- 254 СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА
«ДАРЬЯЛ» 1–6'2025

ИСТОРИЯ КАВКАЗСКОЙ ФАНТАСТИКИ

*ЛЕТОПИСЬ О БУДУЩЕМ
ИЗ ЛЮБВИ К ИСКУССТВУ*

*Текст подготовлен совместно
с онлайн-изданием «Чернозём» в рамках
спецпроекта о кавказской фантастике.
Больше материалов об этом читайте
на сайте издания по QR-коду:*

Быть исследователем произведений о будущем — профессия, достойная отдельного сюжета, вполне подходящего для фантастического жанра. Тем более что путешествия во времени для номера «Дарьяла» о фантастике — вещь вполне привычная. Пригай в кротовые норы любого из произведений да исследуй миры. А посему (согласны, слог совсем не подходящий для фантастического будущего, но, кажется, обязательный в лексиконе порядочного летописца) без лишнего удивления давайте попробуем вспомнить, как примерно шесть лет тому назад в осетинскую историю стали входить рассказы о будущем, которое нам еще предстоит достичь. И посмотрим, как поиски искусства в далеком будущем открыли в литературе притаившуюся кавказскую фантастику.

* * *

Первые фантастические произведения можно отыскать у кавказских авторов, писавших сто и больше лет назад. Но если говорить о новой волне этого явления, то тут все началось в 2019 году, когда художник Ростан Тавасиев приехал из Москвы во Владикавказ — поработать над совместным проектом «Искусство в воображаемом будущем» с осетинскими художниками. Участникам он тогда предложил придумать, какими в фантастическом будущем могут быть художественные произведения. Отвечая на вопросы анкеты, они формулировали некую воображаемую реальность и в ее условиях предполагали, каким в ней может быть искусство.

Тему проекта выбрали не случайно — на тот момент Ростан уже несколько лет исследовал место искусства и художника в

фантастическом будущем. И если авторы-фантасты в своих произведениях, в своем воображаемом будущем, проецировали наши страхи и желания сегодняшнего дня, то художников в будущее не собирались брать в принципе. Ведь в самых разных фантастических мирах никто практически не думал об искусстве: не писал книг, не снимал фильмов, не рисовал картин. На космических кораблях или в небоскребах киберпанка предметам искусства обычно не уделяли даже эпизодического внимания.

В то же время Ростану было важно понять, оценить масштабы деятельности, которой он занимался сам. Дотронуться рукой до «потолка» воображения, если у него оно вообще есть. Свое увлечение искусством в будущем художник сравнивает с любопытством путешественника, который во время странствий заходит во дворец с прекрасным парком вокруг. Хочется забраться на самую высокую точку и посмотреть на все сверху, изучить каждый уголок.

* * *

Во время собственного странствия Ростан создал анимационный арт «Капля креацина» — «фантастический сериал про искусство», как он сам говорит, в который вошли графика и живопись. Восемь серий о том, как в середине XXI века всю творческую и научную деятельность человечество отдало искусственному интеллекту. Тот, в свою очередь, решил не тратить энергию на производство идей, образов и смыслов, а вместо этого стал просто комбинировать уже существующие. В результате человек утратил способность к творчеству, но ИИ тоже исчерпал возможности комбинировать образы. Чтобы преодолеть творческий кризис, машину с творческим модулем интегрировали в произведение искусства, созданное человеком в прошлом.

Объект осознал себя и стал вырабатывать креацин — сильнейший стимулятор творческих способностей, который разошелся по Вселенной и стал основным ресурсом, одинаково нужным как политикам для изменения реальности, так и военным для создания оружия. А художественные выставки оказались главными источниками вещества. Сам Ростан объясняет замысел «Капли креацина» тем, что хотел через сюжет посмотреть, какое будущее ждет мир искусства, если в нем проявится искусственный интеллект.

В своих поисках Ростан был не одинок. Предметы искусства в фантастических произведениях помимо него изучали писатель

Джон Терни (Jon Turney), дизайнер Дэвид Бенк (David Benque) и художник-концептуалист Гарет Оуэн Ллойд (Gareth Owen Lloyd). Они искали упоминания об искусстве в западной фантастике и располагали их на таймлайне. Получалась своего рода история искусства, но обращенная не назад, а вперед. Проект получил название AlterFutures — его можно увидеть на сайте garethowenlloyd.com. Там всего 21 арт-объект, при том что выборку составили фильмы и литература с 1960-х до 2000-х годов.

Похожее исследование провел и Ростан вместе с пользователями сайта о фантастике fantlab.ru. Свои «раскопки» они провели в русскоязычных произведениях, и, по словам Ростана, вместе с проектом AlterFutures суммарно у них получилось всего лишь 60 арт-объектов, придуманных фантастами.

* * *

Чтобы восстановить справедливость, Ростан стал развивать программу «Искусство в воображаемом будущем» и работать над темой с художниками из разных регионов — от Владивостока до Калининграда. Случилась она и во Владикавказе в Национальной научной библиотеке, с чего мы и начали нашу летопись. Блуждая тогда между книжными стеллажами, художник захотел узнать больше о местных фантастах, но во всем многотысячном фонде нашлось всего шесть книг осетинских авторов-фантастов.

Как рассказывает Ростан, сперва он решил, что, возможно, у осетин есть некий культурный запрет и они не могут писать о будущем. Предложил собрать круглый стол, позвал на него художников и писателей. В ходе обсуждения выяснилось, что никакого табу вовсе нет. Даже больше — местные авторы с удовольствием смотрят голливудскую фантастику, им нравятся ее сюжеты и создаваемые миры. Нет только персонажей, с которыми можно было бы себя ассоциировать в полной мере. Купер из «Интерстеллара» или Тор из «Мстителей» не очень гармонично вписываются в осетинский контекст.

В ответ Ростан стал рисовать афиши к несуществующим фантастическим фильмам, как бы снятым на Кавказе. Он не ставил перед собой задачу придумывать целый сценарий, но у каждого из этих вымышленных фильмов был полноценный сюжет — и к ним он создавал постеры. На этих иллюстрациях традиционные осетинские каменные башни оказывались космическими кораблями, джигиты противостояли Годзилле, а борцы укладывали на лопатки лавкрафтианских чудовищ.

Идея дошла до Алана Цхурбаева, главного редактора журнала «Дарьял». По его словам, в тот момент он осознавал, что в Осетии и в соседних республиках есть некое количество авторов, пишущих в жанре фантастики, но на которых местные литературные журналы не обращали никакого внимания. Так возникла идея пробного специального номера, полностью посвященного фантастике. Он вышел в декабре 2021 года. На обложке — снимок астрофотографа и альпиниста из Северной Осетии Валерия Сабанова, который за год до этого погиб, сорвавшись с большой высоты в горах. В тот номер вошли тексты разных авторов, но самым главным материалом Цхурбаев называет перевод с осетинского языка рассказа осетинского писателя Хоха Тлатова «Сон». Он был написан в 1911 году и считается первым фантастическим произведением в осетинской литературе. Таким образом, по словам Цхурбаева, удалось перекинуть временной мост длиной более чем в сто лет — между писателями разных эпох, но объединенных одной темой: мыслями о будущем.

Следующим шагом стал полноценный конкурс фантастики. Так как финансовую сторону конкурса обеспечивала местная компания «Интернет-провайдер M2 Connect», название тоже искали связанное с коммуникациями. Так возникла «Система знаков» — первый в истории литературный конкурс, посвященный фантастической прозе о Кавказе. В нем есть только одно строгое условие — все тексты должны иметь кавказский сеттинг.

«Я всю жизнь пребывал в иллюзии, что фантастика — это низший вид литературы, что-то несерьезное, — рассказывает Алан Цхурбаев, — но, оказавшись на месте главреда толстого литературного журнала, я много чего пересмотрел в собственных взглядах, постарался открыть себя шире всему, на что я когда-то смотрел свысока. В этом контексте одним из решающих моментов для меня стала короткая статья писателя и литературоведа Алана Кубатиева “Фантасты занимаются настоящим”, где очень тезисно объясняется, как вообще работает фантастическая проза».

Конкурс «Система знаков» позволил не только посмотреть на темы и образы, которые стали бы создавать местные авторы, но и понять, есть ли вообще у живущих на Кавказе людей запрос на фантастику, на фантазию о будущем и своего места в нем.

Формат конкурса выбрали еще и потому, что толком не знали, к кому из писателей обращаться — нужен был максимально широкий охват. По мнению Ростана Тавасиева, благодаря открытому приему работ и удалось найти конкретных авторов, которые теперь регулярно публикуют свои фантастические произведения.

В первый год на конкурс прислали несколько десятков текстов — в основном из Осетии. На второй год подключились авторы из Чечни, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Ставропольского края, Адыгеи. В 2025 году конкурс провели уже в третий раз, и с каждым новым сезоном участников становится только больше, а география произведений расширяется. Стилистический разброс тоже очень широкий: от традиционной научной фантастики и магического реализма до мрачного техно-панка и философских притч о будущем.

* * *

Присланные в «Систему знаков» работы оценивает жюри, и каждый из экспертов делает это по-своему. Например, Ростан завел отдельную табличку с 10 критериями, по которым выставляет баллы от 0 до 10 каждому прочитанному рассказу. По его словам, ему важно посмотреть на произведение с разных сторон: насколько сильно его эмоциональное воздействие, каким языком написано, было ли интересно читать. Ко всему прочему, отдельно он оценивает «кавказскость», то есть степень того, что принято называть «национальным сеттингом». Это достаточно тонкая материя, которая и должна отличать кавказскую фантастику от любой другой. Будут ли это только имена героев и место действия, особая роль местного фольклора и мифологии или нечто еще более сложное — вопрос подхода каждого отдельного автора и его индивидуального стиля.

Для Ростана это важный момент: аудитория по всему миру уже прекрасно знает, как в далекой-далекой галактике поведут себя американцы; постепенно по набирающей обороты китайской фантастике что-то уже понимает о китайцах. Что же будут делать в дождливой вселенной киберпанка или светлой научной утопии осетины — мы еще только присматриваемся. Одним из самых интересных с точки зрения сеттинга рассказов последних лет Ростан считает «Лали» (см.: Дарьял. 2024. № 6). В рассказе, по его мнению, герои не подчиняются жанровым клише, а ведут себя нетипично, но при этом вполне характерно для осетинского менталитета.

Кроме того, каждый год на конкурсе «Система знаков» заявляется конкретная тема, но писатели абсолютно свободны в ее трактовке. В 2024 году ждали рассказов, посвященных туризму, но вместо них весьма многозначно получили постапокалиптические сюжеты. В этот раз авторы размышляли о космических путешествиях и квантовой физике. Тема не случайна — научное сообщество отмечает в

этом году 100-летие квантовой физики. 2025-й объявлен Организацией Объединенных Наций Международным годом квантовой науки. «Система знаков» не осталась в стороне. По этому случаю в жюри в качестве почетного члена удалось привлечь настоящую звезду российской науки — физика и математика, телеведущего Алексея Семихатова. Экземпляры его книги с именными подписями получили все лауреаты конкурса этого сезона.

* * *

Работая над проектом «картин» из планетарных туманностей — гипотетическими арт-объектами, которые в далеком будущем люди смогут создавать в космосе, — Ростан Тавасиев тоже решил написать цикл фантастических произведений. Он использовал фантастику в «технических целях», чтобы для начала в рамках художественного повествования представить, с какими проблемами и последствиями столкнется создатель такого масштабного произведения (Ростан рассчитал, что на сегодня сумма на реализацию такого проекта составляет несколько триллионов рублей). Возможно ли избежать воровства на такой масштабной стройке, как на нее отреагируют инопланетяне, а что еще более важно — повлияет ли планетарная туманность на стоимость жилья, из окон которого будет виден арт-объект?

Как говорит художник-фантаст, прошивку искусства надо все время обновлять. Ведь даже если мы располагаем идеальным устройством, объясняющим реальность, эта самая реальность все время меняется, хотим мы того или нет. Когда Рембрандт создавал картины, они были очень важны для его современников — в первую очередь потому, что художник хорошо интерпретировал реальность, в которой жил, и помогал другим в ней освоиться. Но сейчас нам нужна новая оптика, новое видение и программное обеспечение, чтобы не теряться в окружающем мире. Рембрандт тут не подойдет. Необходимо искусство, которое будет говорить с нами на одном языке, в том числе и о самых поверхностных, бытовых вещах, которые актуальны здесь и сейчас.

Таким искусством с каждым годом все больше и больше становится и кавказская фантастика. В номере, который вы держите в руках, собраны произведения финалистов третьего сезона «Системы знаков», но список авторов-фантастов на них не заканчивается — в конкурсе этого года участвовало ровно 100 текстов от 75 писателей. Число, придающее уверенность, что конец истории кавказской фантастики наступит совсем не в ближайшем будущем.

Чернозём x Дарьял

СПЫШАЛИ ЧТО-НИБУДЬ ПРО КАВКАЗСКУЮ ФАНТАСТИКУ?

да!

тогда пойдем сразу с
постмодернистских козырей

**«ПРЕЗЕНТИЗМ: ИНДЕКСАЛЬНАЯ
ТРАКТОВКА; ПОЧЕМУ
"ОН ИМ ПОДОШЕЛ"»**

АДАМ САПАХАНОВ

Ух, давайте лучше
старую добрую
научную фантастику

**«ГЕЛИК УХОДИТ
В НЕБО»**

СОСПАН ХЕТАГУРОВ

а есть что-то постарше?
не из наших дней?

конечно! считается
первым фантастическим
рассказом осетинской
литературы - 1911 год

«СОН»

ХОХ ТПАТОВ

а если утопия,
но не про социализм?

«ТРОПАМИ ПРЕДКОВ»

ТИМУР АПИЕВ

нет :(

тогда постараемся
вас впечатлить

«КОШАРА»

НИКИТА ПИСОВОЙ

А покороче?)

«КОРАБЛЬ ТЕСЕЯ»

ЭЛИНА АГУЗАРОВА

ну как в этом всем
оставаться
человеком и жить
дальше?

Круто! Хочу еще!

«МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ»

МАРИНА МАЗУРЕНКО

теперь хочу еще
про будущее
и технологии!

«ПРОПАСТЬ СТАРОСТИ»

ЗАПИНА ПУКОЖЕВА

а что-то типа
киберпанка будет?

**«ПОСПЕДНЯЯ ИСПОВЕДЬ
АНАРХА ХАОСА»**

АРТУР ОМАРОВ

«ПОСПЕДНИЙ ГАЗЫРЬ»

РУСПАН БЕТРОЗТИ

а есть прям
классический
постапокалипсис?

«ТУМАН СПУСКАЕТСЯ С ГОРЫ»

МУРАТ ГЕЛЯСТАНОВ

«330 КИЛОМЕТРОВ»

ДЕНИС ДЫМЧЕНКО

медиа
о трансформации
коренного мира
«Чернозём»

УЛЬТРАДОЛЬМЕН

Reviews
by: [blank]
as phone editor
[blank] & [blank]
[blank] and [blank]
[blank] [blank]
[blank] [blank]

*Feels like I'm lost in a moment,
I'm always losing to win.
Can't get away from the moment,
Seems like it's time to begin¹.*

Kasabian "Underdog"

Если вы это читаете, то я, скорее всего, обрел бессмертие. И ответ на вопрос «как?» идентичен ответу на вопрос «почему?» — хотя и растянут на пять листов формата А4. Разумеется, все начинается с моего любопытства — когда я забредаю в эту лесистую горную глушь и обнаруживаю одну из хижин отшельника, того самого, что повстречал с братишками однажды у реки. Смею полагать, что она его. Помню, сельчане говорили, что иногда видели его там — чаще всего в дождливую погоду, что является подтверждающим фактом в пользу моей версии. Подобных лачуг в нашем лесу лично я насчитал с полдюжины. Но меня привлекла именно эта — неприметная, издалека казавшаяся наростом. Вблизи хижина походила на деревянный протез у подножия северной горы, спуск с которой был «ампутирован» в ходе некоего природного катаклизма. И теперь «культю» каменного гиганта затыкал этот муляж из дерева площадью пять на три. Внутри хижины егерский минимализм: стул, столик, койка и одна огромная этажерка для книг. Все самодельное, из лесных материалов. Кроме керосиновой лампы в углу, канистры с остатками солярки и десятка парафиновых свечей. Поживиться нечем. Разве что книгами. Почти вдоль всей северной стены — у той самой части горы, от которой, как от буханки хлеба, ровно отрезан край — тянутся книжные полки. Массивные, сколоченные из дубовых досок, сдвинуть их в одиночку, даже без книг, кажется нереальным. Видимо, он соорудил их прямо тут же, на месте, из толстенных сырых досок, почти до самого потолка. Вес такой, что кажется, шкаф врос в пол и прилип к каменной стене. Любопытство вдохновляет меня поставить рядом самодельный стул и взобраться на него, чтобы разведать, есть ли чего годного на самой верхней полке. Но кроме пыльных бумажных листов и прищепок ничего интересного не вижу. Даже встаю на цыпочки. И тут же слышу треск ножки стула и чувствую усиление гравитации — назад и

¹ Кажется, я затерялся в этом мгновении, / Я всегда проигрываю ради победы. / Не могу найти выход из этого мгновения, / Кажется, пришло время начать.

вниз. Хватаюсь за верхнюю полку. Стул уходит из-под ног, а я пови-
саю, зацепившись за полку, но только на одну секунду, спустя кото-
рую понимаю, что шкаф отошел от стены. Отпускаю его. Валюсь на
спину. Попытка метнуться в сторону заканчивается ударом колена
по раздолбанному стулу, который отлетает к двери (а был бы хоро-
шей страховкой, лежи я не рыпаясь!). Не успеваю ни за ушибленное
колени схватиться, ни выставить руки перед несущейся на меня тя-
желенной громадой. Успеваю только отвернуть голову вправо, что-
бы мне не расквасило морду. Накрывающая темнота рождает
мысль: так, наверно, чувствовали себя мелкие зверьки и птички,
которых я и мои братья когда-то ловили с помощью коробки, дер-
нув предварительно за веревку с привязанной к ней деревянной
подпоркой, как только наша жертва отвлекалась приманкой. Но в
моем случае эта темнота сокрушительным ударом чуть выше лево-
го уха впечатывает голову в пол с такой силой, что все мое естество
свертывается в густой, вязкий, словно мазутное болото, мрак...

Станным я нахожу не только то, что мне посчастливилось вы-
жить под таким (пускай и деревянным) прессом, но и вновь вклю-
чившееся восприятие. Боль мгновенно растекается из головы по
телу — до самых кончиков пальцев рук и ног. Какой-то мелкой му-
рашковой дрожью обволакивает все тело — гусиная кожа во вла-
сти музыкального фриссона. Приступаю к эвакуации блаженного
тела. Сантиметр за сантиметром выдавливаю на свет божий из-
под этой громадины. Чувствую себя слизняком, экс-улиткой, вы-
ползшей из рудиментарной раковины. Полки тем не менее как бы
застывают на весу, не касаясь пола. Видимо, из-за вывалившихся
книг. В комнате немного потемнело. Хорошо, что телефон в карма-
не не разбился, но плохо, что связи здесь нет. Несмотря на сумерки
и стремное освещение, вдруг замечаю черный квадрат — на том
самом месте на стене, где только что стоял шкаф. Похоже на пятно
от печной гари. Или на след, оставляемый за мебелью после скуп-
го косметического ремонта с реставрацией обоев. Подхожу ближе.
Подбираю один из упавших сверху листов. Проигнорировав свечи
на столе и лампу в углу, поджигаю его, оправдав свой вандализм
мыслью, что так будет ярче. Но нечто странное творится со светом
от пожирающего лист пламени. Падая на этот «квадрат», свет будто
бы всасывается внутрь. Словно пар или дымок в вытяжку на кухне.
И иллюминирующими искрами разлетается где-то уже внутри него.
Мгновенно угасая на периферии, перманентный фонтан искр заме-
чается только в той части, где фокусируется мой взгляд. Постепен-
но понимаю, что это потайная комнатка. Примерно полтора метра
на полтора, вырубленная прямо в скале. На ее полу, стенах и потол-

ке заметна сетка. Хотя я и в курсе о репутации этих лачуг как «проклятых», любопытство все же толкает шагнуть внутрь. Нарастающая теплота в руке заставляет подобрать еще один листок. И за несколько сантиметров до ожога пальцев цепляю его концом огонек и швыряю догорающие остатки первого листа на пол. Перешагнув порог и оказавшись в потайной комнатке, чувствую странную перемену — как будто произошло понижение температуры в атмосфере. Но на этот раз то ощущение, что я называл «гусиной кожей», фриссонами или мурашками, словно впитывается в мою кожу. Заряжая энергией, которая эйфорично вдохновляет взяться за кирку и пробить эту комнату до конца, туннелем, сквозь всю гору. Вижу, что свет от горящего листка в руке спокоен. Чего не скажешь о моем внутреннем состоянии. Все мышцы как натянутые струны, тело словно пружина, а голова наэлектризована так, что я чувствую буквально каждый нейрон. Оглядываюсь в основную комнату с мыслью вылететь наружу в поисках выхлопа этой энергии. Применить ее куда-нибудь — по необходимости и без. Но вдруг замечаю очередную странность: источник света — лист бумаги, который должен был догореть — не только не догорел и не погас — он застыл. Язычки пламени просто замерли. Как фотография. Вид из потайной комнаты в основную подобен картинке. Я осторожно делаю шаг в это полотно. Встаю рядом с опрокинутым шкафом и вижу, как застывший было листок с огненным гребешком тут же начинает догорать. От удивления я рефлекторно делаю шаг назад. Вновь вхожу в потайную комнату, и только мои ноги ступают на ее пол, огонек снова замирает. Слово пол потайной комнаты — это кнопка паузы...

Первые два предположения, что это галлюцинация или сон, развеялись вместе с дымом от бумажки, которую я швыряю на пол, сопровождая бранными пожеланиями. Обдывая обожженные пальцы, я проделываю подобный эксперимент еще трижды. Только на этот раз положив горящий лист на опрокинутый шкаф, а не стоя с ним в руке, как охреневший истукан. «Три листка спустя» я убеждаюсь, что идиотские па — шаг в комнату, шаг наружу — не есть магический танец или пассы. Прикидываю даже версию, что я, возможно, умер. Но наличие телефона отмечает и ее. Я кладу его на опрокинутую полку, включаю секундомер и на счете 3:57 переступаю порог потайной комнаты. Как я и ожидал, отсчет останавливается. Шаг в основную комнату — и понеслась: 4, 5, 6-я. На 7-й секунде я опять делаю шаг назад, и цифры замирают. Доведя счет межпороговой азробикой рывками до одной минуты, останавливаю секундомер. Почти убедившись теоретически, что феномен этой комнатки ближе к научной фантастике, чем к вышеперечисленным вариантам,

перевожу телефон в режим съемки. Включаю запись. Ставлю телефон объективом к потайной комнате. Зажигаю теперь уже свечку и вместе с ней захожу в чудо-комнатку. Тусуюсь там, не спеша рассматривая каждый узор металлической сетки: на стенах, полу и потолке. В потолке замечаю какой-то кусок троса. Потом снова выхожу в основную комнату, останавливаю съемку и включаю запись. В полутемной комнате слышен шорох спичек. Потом вырастает свет и появляется чувак в белой рубашке, черных штанах и с горящей свечкой в руке. Но как только он делает шаг в этот черный квадрат, потайная комнатка вспыхивает переливами всех цветов радуги, психоделическим деграде, и в следующее мгновение, как будто ошибся комнатой, чувак со свечой вышагивает обратно. Подходит к объективу, поднимает его, резко разворачивает, и изображение пропадает. Включаю еще раз. Со второй попытки ловлю запись за секунду до моего шага в чудо-комнату. В замедленном режиме подобравшись к моменту светового взрыва в потайной комнате, вижу, что в одно это мгновение я нахожусь везде. Точнее, комнатка полна моих копий, которые разглядывают каждый ее дециметр. С того момента потайная комната нарекается мной «лазейкой». Ибо я прихожу к выводу, что это вневременная лазейка — относительно внешнего мира. Второй вывод: кем бы ни являлся ее создатель, он здесь бывает только в дождливые дни, а значит, информацию о ней следует искать здесь же. Скорее всего, в книгах. Вытаскиваю из-под завалившейся полки парочку научных трактатов. Смотрю на количество страниц: до фига и больше. Смотрю направо, в окно: почти стемнело. Смотрю налево: вневременная лазейка. В итоге третий вывод: кретин я тот еще... Находясь в этой лазейке, от энергетики которой каждый нейрон начеку, читаю каждую страницу чуть ли не за несколько секунд, перелистывая их синхронно с морганием. Да еще и вникаю в суть прочитанного. И главное, снаружи, с момента моего входа в лазейку, не прошло и секунды. Выгребаю из-под шкафа следующие порции чтива и надежно вникаю в выворачивание теории суперструн, лукавство квантов и отреченность относительности — с легкостью ироничной улыбки, от идиотизма похищения мозга автора главной теории. Следующие порции оказались работами русского классика, и поведали они мне о процессе оголения совести русской литературы, со всем его срамом, в виде экзистенциализма. Далее ирландский квартет вместе с латиноамериканским трио, при поддержке американской шайки, продемонстрировали азы лингвистической магии. Но про природу лазейки ничего конкретного. Заметив, что за окном все-таки стемнело и ночевать придется здесь, ибо вдали слышится гроза, я

прикидываю еще один эксперимент. Съемку «из» лазейки. Включив режим съемки, фиксирую телефон между сеткой и стеной в потайной комнате, направив объектив в основную комнату. Выхожу из лазейки. Обхожу лежащий шкаф. Подхожу к столу. И в следующее мгновение синхронно с громом молнии в спину мне ударяет мощный свет. Словно вспышка гигантского фотоаппарата. Наполняя всю комнату ослепляющим сиянием...

После очередной активации восприятия свет как будто выветрился наружу хижины. Или просто рассвело. От той вспышки в голове стали мелькать какие-то детали электроники... Никогда не виденные мной инструкции гаджетов. Сборки, программы, приложения и их функции. Так что приходится мысленно пролистывать флешбэковый поток этой сумбурной информации. Но еще больше вгоняет меня в ступор то, что телефон мой исчез из потайной комнаты. Неужели я был в такой отключке, что не заметил, как кто-то проник сюда и стырил мобилу? Вспоминаю гром. Был дождь. И значит, постоялец или хозяин, в общем, отшельник тот, чудила, был здесь и прибрал гаджет. Злость заряжает адреналином, и я пускаю этот прилив энергии в ход. Первым делом собираю остатки стула и поднимаю книжный шкаф ровно настолько, чтоб кое-как подпереть под него пару деревянных ножек. Далее выгребаю все книги и листы из-под него. Выбив ножки, возвращаю полку обратно в горизонтальное положение. И когда я с первой охапкой книг заскакиваю во вневременную лазейку, пыль вокруг шкафа так и застывает коричневым облаком в воздухе, не успев осесть. Я пошел на принцип: разгадать секрет этой лазейки. Из одиннадцати книг американского антрополога, этнографа и мистика я узнаю: неважно, веришь ты в существование североамериканского шамана и учения индейцев племени яки или нет, лишь бы эзотерическое солнце микрокосма заряжало твою батарейку / точку сборки. Не менее питательной оказалась история дольменов, что берет свое начало аж за несколько веков до нашей эры. Межвременной медиативной трансляцией она осветила параллели данной лазейки и древних сооружений так, что блеснул вопрос: неужели и здесь все дело в размере? Но с других страниц, помимо камня, его размера и духовной трактовки, свою линию гнула и физика. Уж слишком много книг про микроволны, камеры обскура, чертежи молниеотвода и измерение мощности молнии. И да, стало мне известно, что сила тока в разряде молнии составляет 10 миллионов вольт, 20 тысяч ампер; мощность РР разряда превышает 200 тысяч, более миллиона ватт, 10–500 тысяч ампер, если я ничего не путаю. Из психологии и биологии заплетается косичка, ведущая к искусственному савантизму,

путем стимуляции левого полушария мозга, с одной стороны, и вербального моделирования — на ускоренное саморазвитие путем нейролингвистического программирования — с другой. Задумываюсь, дар это или проклятие? Повредив левое полушарие мозга, некто стал гением-саваном, который в любой момент может точно ответить на вопрос, сколько секунд он живет. Насытившись этой информацией, я отрываю взгляд от очередной книги и, приступив к перевариванию, вновь замечаю тот кусок металлического троса в связке с сеткой. Выскочив из лазейки, вылетаю из лачуги. Замечаю стол и некую странность: за целые сутки никакой мысли о еде. Неужели поток информации насытил меня? Скорее уж энергетические волны лазейки. Оттуда же, видимо, и аутизация, которую осознаю, уже карабкаюсь на крышу лачуги. Действительно, ориентировочно от самого потолка лазейки сквозь скалу наверх тянется толстый кабель. Взбираясь по нему, я вроде как слышу крики. Кого-то зовут. Очень знакомое имя. Чуть ли не мое собственное. Поднявшись на вершину, вижу, что кабель заканчивается вертикальным металлическим стержнем. Так и есть — молниеотвод. На полпути обратно опять слышу какие-то звуки — голоса, похожие то ли на плач, то ли на вой шакалов. И снова то же имя. Хотя я и понял механизм лазейки, атмосфера мне нравилась все меньше и меньше. А еще до меня вдруг дошло, что мое суточное (?) отсутствие вряд ли осталось незамеченным для домашних. Спустившись с горы, не заходя в хижину, я ускоряю шаги по направлению к дому...

И вот я снова в хижине. Размышляю о границе между знанием и невежеством. Между гениальностью и безумием. Между временем и бесконечностью. Между прекрасным и ужасным. Между любовью и ненавистью. Между правдой и ложью. Между добром и злом. Между жизнью и смертью. Между микро и макро. Между всем, что имеет границы, и попытками людей сублимировать эти границы в порталы — на ту сторону, к неведанному и, скорее всего, вечному (или, как минимум, прекрасному). Я разгадал секрет этой лазейки. Но только тогда, когда она создала новую границу. Когда я, подобно тому персонажу из книги, стал неузнаваемым для родных и близких. Никакого общего языка. Примитивизм прилагательных и бессмыслица глаголов. Словно лингвистическая дуэль мертвого языка и современного сленга. Непонятные звуки, называемые именами, к которым я потерял не только интерес, но и способность восприятия. И вот я пришелец — не просто из лачуги, а прямо с другой планеты. Интроверт и фрик в одном идиоте. Тот случай, когда вместе с невежеством ты лишаешься чего-то ценного, родного. И вместе со

знаниями получаешь побочный эффект — в виде вечно увлажненного, сквозного взгляда и сочувственной улыбки тех, кто тебе дорог. И ты не станешь цитировать того англо-ирландского сатирика, типа: «О появлении истинного гения можно узнать, когда все дураки объединяются против него». Ибо все эти псевдодураки — твои близкие. А главный дурачок для них — это ты. Еще в первый день дома я замечаю текст на рубашке, на всю спину: описание, инструкция и состав моего телефона. И сейчас сожалею, что сжег те пять листков. Ведь на них явно были процеженные книги. Конструктор лазейки в грозу появлялся здесь именно для их проецирования на эти листы бумаги. То есть что-либо помещенное во вневременную комнату отпечатывается в виде текста на листах, развешанных на веревке у входа с помощью прищепок. Как в случае с моим телефоном после грома снаружи и ослепительной вспышки мне в спину. Итог: минус телефон плюс роспись на рубашке равно... «Лес и/или тот отшельник лишили нас сына». У каждого свое видение границы. Главное, никого ни в чем не виню и ни о чем не сожалею.

*Пусть опрокинет статуи война,
Мятеж развеет каменщиков труд,
Но врезанные в память письма
Бегущие столетия не сотрут.*

«Жалюзи» из пяти листов формата А4 ровно развешаны у входа в лазейку. Названия той штуке — симбиозу микроволновки, камеры обскура и сканера — я так и не нашел. Но вот я дождался дождя и жду сигнала, по которому шагну внутрь. Сигнал этот весьма доходчивый, и его ни с чем не спутаешь. Он раздается подобно камнепаду, нарастающему грохоту над самой горой. Дважды по такому сигналу вступаю в лазейку и, поняв, что разряд прошел мимо, выхожу. На третий раз ловлю ее. Под оглушительный гром заскакиваю во вневременную комнату — и контакт происходит.

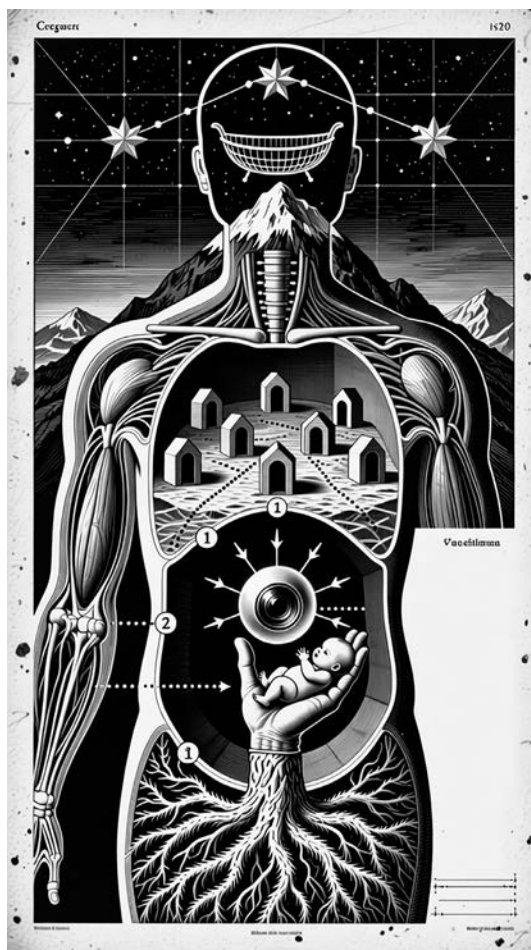
С первого мгновения я ощущаю пронизывающую насквозь волну энергии, через которую буквально вижу, что в это же самое мгновение с неба на громоотвод сияющей трещиной опустилась молния. И по кабелю скользнула вниз, прямо в сеть из специального состава. Энергия молнии, застывшая снаружи относительно этой лазейки навечно, не просто расщепляет мое естество. Я чувствую, как проецируюсь вспышкой на листы бумаги, словно текстовые отпечатки пальцев... Как стадия семиотической магии — излучения информации в сознание посредством лингвистического сканирования глазами. Ибо любой физический процесс начинается с мыслей, которые возникают в голове.

Ничего личного — просто круговорот...

Валерия МАДИНОВА

ГОРОД МЕРТВЫХ

МИНИАТЮРА

Марьям никогда не умела читать намаз, она просто молилась. Просила все что хотела, смотря на кирпичные склепы-домики, как будто именно там сидел маленький Бог, которого она в тайне от дедушки представляла в виде горного доброго гномика. С длинной бородой и в шубе, слишком похожий на Деда Мороза. В конце своей молитвы и в самом начале она добавляла фразы, которые всегда слышала от дедушки: «бисмилляхи рахмани рахим» и «амин».

Дедушка читал намаз по-настоящему, не как она. Сначала он брал омовение, доставал из-под кровати потертый в местах, где касаются земли колени, ладони и морщинистый лоб, коврик и начинал читать. Делал он это пять раз в день и каждый раз, перед тем как расстелить коврик, искал солнце.

Марьям в эти минуты смотрела в окно из своей комнаты. Ей нравилось, что она может видеть восьмиугольные крыши каменных домиков. Бабушка всегда рассказывала ей разные истории, но Марьям решила верить в ту, где души мертвых поселялись в сооружениях, чтобы оставаться рядом с родными. Именно поэтому ведь место называли Городом мертвых.

Марьям успела соскучиться по своим молчаливым соседям за те месяцы, что провела в мужнем доме. Он жил в городе, далеко от гор, в непривычной низине, которая давила ей на уши. Из окон их комнаты были видны только машины, магазины и детская площадка, состоящая из одной железной горки и турника, которым пользовались все, кроме детей.

О своих молитвах Марьям впервые задумалась, когда на седьмом месяце беременности дочь, испугавшись чего-то, больно забилась в стены маминого живота. Ночью после этого события, когда Марьям по своему обычаю переоделась в длинную цветастую сорочку и встала у окна, она увидела алмасты¹.

Марьям сразу его узнала, хоть стоял он далеко, у самого края, где склон медленно переходил в гору. Слишком часто бабушка рассказывала ей о нем, пела колыбельные, предостерегая от чужовища. Не молоко матери, а руки бабушки крепко и прочно вложили в ее глаза и сердце страх.

Марьям тут же задернула шторы, которые до этого бездельно свисали с карниза, снимаемые только для того, чтобы еще раз постираться и мокрыми тряпками повиснуть обратно в ожидании, что время распрямит все складки. Марьям забралась на кровать, укрылась одеялом и руками обняла круглый живот, приговаривая: «Не плачь, милая, не плачь, родная».

С той ночи каждый вечер в окне появлялся алмасты, напоминающая, что день рождения дочери обречен стать последним ее днем.

Марьям стала вслушиваться в молитвы дедушки, следила за тем, как двигаются его губы, и пыталась в эти движения вложить знакомые звуки.

Сказать ему прямо о случившемся она не решалась. Дедушка уже нес на себе тяжелое бремя «возврата невесты» из мужнего дома. Он сам забрал ее, вывел за руку из стен, еще не остывших от празднования свадьбы и никаха, после первого же синяка. Но потом он сам стал реже выходить на улицу. Может, стыдился, что внучка (которую всегда звал дочкой) теперь со своей еще не родившейся дочерью остались одни, или что позволил ей уйти туда, где ей оказались не рады. Не смог дед выполнить единственную свою задачу, миссию, возложенную на него Аллахом, — беречь свое дитя. И дитя своего дитя. Как не уберег сына, так не уберег и дочь.

Марьям всячески пыталась облегчить его жизнь, снять вину, лежавшую на нем тяжелой черной буркой. Всегда улыбалась и никогда не говорила о том, что самый первый синяк получила еще в брачную ночь. И ни разу не обмолвилась обо всех остальных синяках, которыми ее успели одарить в мужнем доме. А дед и не спрашивал, мучаемый уже своими страданиями.

¹ Алмасты — снежный человек.

Чем ближе подходило время, тем нетерпеливее становился алмасты за окном. Теперь он не просто стоял, а переминался с ноги на ногу, дергал мохнатыми плечами, скалился тупыми зубами. А самое страшное — каждый день делал еще один шаг к ее дому.

Марьям теперь никогда не выпускала живот из рук. Гладила дочку и говорила с ней еще ласковее, еще чаще. Но ни молитвы, ни слезы не могли отдалить срок.

В ночь предопределения сразу после заката, когда дедушка сделал три глотка воды и съел три финика, у Марьям отошли воды. Все в доме — и дедушка, и Марьям, и неродившийся ребенок — чувствовали, как сильно сейчас им не хватает бабушки. Никто без нее не знал, что нужно делать.

Прибежала соседка, увидела мокрый пол и мокрые лица, убежала, чтобы сказать мужу завести машину.

Марьям кричала:

— Нет! Нет! Не забирайте ее!

Но дочка сама уже лезла наружу. То руками, то мягкими плечами, то, наконец, головой.

Перед тем как потерять сознание, Марьям успела увидеть только дедову спину, которая дрожала в коридоре, не смея повернуться, раскрасневшееся лицо соседки, которая то ли просила ее тужиться, то ли тужилась сама, и черное тело алмасты, подошедшее так близко к окну, что можно было разглядеть широкие брови, засохшие от жажды губы и глубокие складки у носа.

Проснувшись Марьям в белой комнате. В такой она была лишь однажды, когда ей только исполнилось двенадцать и они с дедушкой поехали навестить бабушку. Та сломала бедро и несколько месяцев лежала в больнице.

На секунду Марьям подумала, что тоже сломала бедро, потому что не могла пошевелить тазом, но, напрягшись и собравшись с силами, ей удалось приподнять голову, а затем и сесть. Она сразу посмотрела на свои ноги, медленно, с болью и с большим трудом, но они зашевелились. Марьям не успела порадоваться, взгляд ее упал на живот. Он больше не выглядел как надутый упругий шар. Теперь это был пустой и помятый мешок. Он еще не вернулся в свои размеры, но стал заметно меньше и грустнее.

Даже не это беспокоило Марьям. С момента как открыла глаза, она чувствовала холод, липший к спине и рукам. Она огляделась.

Деревянные окна городской больницы были чуть приоткрыты, но с улицы в палату проникал только теплый летний воздух. Холод шел как будто изнутри.

Вдруг Марьям громко и по-младенчески заплакала. На звук прибежала, вернее пришла, с трудом перебирая отеками от бесконечных дежурств ногами, медсестра. Она неожиданно ласково погладила Марьям по голове, вколола что-то прозрачно-усыпляющее и грустно вышла из палаты.

В следующий раз пришел уже дедушка. Но Марьям снова заплакала и плакала так долго, смотря на молчаливое старое лицо дедушки, что потеряла сознание.

...А очнувшись уже в своей комнате. Шторы были раскрыты настежь. Домики-склепы пуще прежнего тянулись к небу, деревья тихонько покачивались от ночного ветра, и нигде не было и тени алмасты.

Марьям продолжала плакать. И никак она не могла понять, из-за чего именно. Она не чувствовала, что потеряла дочь. Наоборот, дочь она чувствовала так же, как ощущается ожог крапивы на коже — ярко, остро, по-настоящему.

Но что-то все равно заставляло ее плакать до всхлипов, она забывала слова и все буквы, забывала заученные с детства «бисмилляхи» и «амин», только кричала и плакала. Пока спустя еще три месяца за окном снова не появился алмасты. Он пришел не один. Его руки были странно сложены на груди, как будто прижимали что-то сквозь толстую шерстяную броню прямо к сердцу. Это была ее дочь.

Дочка плакала так же, как Марьям. Или Марьям плакала, как дочка. Но, когда Марьям увидела дочку, ее сердце тут же потеплело. Сверток в руках алмасты замолчал и так же ярко заулыбался. Как будто закрытыми глазами прямо из леса увидел и узнал — мама.

Алмасты стал приносить дочь к окну по ночам. Марьям знала, когда он придет. Если весь день у Марьям болел живот, значит, ночью она точно увидит за окном алмасты, или если весь день у нее ноют зубы, как будто вот-вот вырастут по второму ряду, значит, ночью алмасты принесет дочку. Марьям больше не боялась алмасты, не потому что он стал краше или добрее, а потому что она его не видела за пухлыми щеками дочки, за ее растопыренными пальчиками ручек и ножек, за ее красным от слез носиком.

Когда дочке исполнился ровно год, Марьям приготовила лакумы². От них шел густой пар в открытое окно, прямо к зеленым скалам. Она очень ждала, что скоро ее дочка скажет свое первое слово. И тайно надеялась, что это будет «мама». Ей не просто хотелось услышать это, она мечтала, чтобы слово звучало само по себе, заполняло буквами и звуками ее опустевший живот и бетонные стены дома.

Но алмасты пришел один. Он жадно вдохнул запах лакумов и белого сыра, а затем заговорил:

— Теперь я ее заберу. А ты знай: заплачешь — она заплачет, будешь печалиться — она будет печалиться, смерти захочешь — и она захочет.

Алмасты ушел, не дождавшись ответа.

Марьям заплакала. Она плакала много часов, пока не поняла, что это плачет дочка. Ей хотелось обнять ее, погладить ее тонкие волосы, поцеловать ее мокрые глазки, спеть колыбельную, но она не могла до нее никак дотянуться.

Поэтому Марьям улыбнулась, потом засмеялась, а затем и во все попыталась почувствовать счастье.

² Лакумы — черкесское блюдо, представляющее собой обжаренные в масле пышки.

Ольга ХАРИТОНОВА

СОВПАДЕНИЕ ЧАСТОТ

РАССКАЗ

Горный экспресс «Эльбрус» плавно скользил по магнитному тоннелю, едва нарушая тихим шелестом тишину. Мурад Ибрагимов, молодой физик Квантового Института Москвы, прижался лбом к холодной поверхности умного стекла. Внизу, метрах в десяти под вагоном, мелькала желтая степь, щетка кустарников, выжженная солнцем трава, серая лента трассы, изредка — темные фигуры коров, многие из которых разлеглись прямо на проезжей части. Рассветало.

За два года отсутствия Мурада родные горы изменились. Склоны, когда-то дикие и поросшие ковылем, теперь опоясывали ровные террасы агроферм, а на вершинах поблескивали зеркальные панели орбитальных ретрансляторов, отражая солнечные зайчики в небо.

Мурад вздохнул. Два года. Он не был дома два года — с тех пор, как исчезла Джания.

Тонкая, легкая, темноволосая, но с удивительно светлыми глазами, она понравилась Мураду еще в школьном детстве. Нет — он влюбился, но так и не успел ей ничего сказать. Пока сдавал экзамены, пока уезжал поступать в столичный вуз, его старший брат Цамук уже посватался к Джании.

«Следующая станция Кичи-Гамри, 600 метров над уровнем моря», — пропел синтетический голос.

Мурад сдернул рюкзак с полки, двинулся между рядами к выходу.

Два года назад он так же приезжал в родное село на свадьбу. Не представлял, как выдержит вид Джании в белом платье рядом с другим. Мучился, собирался танцевать до одури — чтобы ныли ноги, а не сердце. Но... Накануне свадьбы Джания исчезла.

Никто ее не видел. Гаджеты отследить не удалось. Ни с кем она не поделилась планами. Мурад поначалу обрадовался — вдруг это ради него? Может, только ему она оставила где-то записку, намек, и вот-вот тайно выйдет на связь? Но дни шли, а весточки не было. Да и откуда бы Джания узнала о чувствах Мурада?

И он уехал в Москву. Уехал и с головой ушел в работу. А теперь вот Цамук подыскал себе новую невесту.

Кичи-Гамри медленно проступало из утреннего тумана, крыши домов ступенями спускались в долину. Оно встретило Мурада слабым ветром, пахнущим полынью. Мурад зашагал вниз по желтой дороге, поднимая пыль. Мимо строгих двухэтажных домов, веранд, утопавших в широких листьях, лестниц, оплетенных цепкими стеблями. Под подошвами туфель скрипели сухие камни.

Дом его родителей снаружи почти не изменился — все те же каменные стены, увитые зеленью, но теперь над двором светился купол атмосферного стабилизатора, защищающий праздник от дождя.

— Входи, ученый, — раздался из комнаты хриплый голос отца. — Или ждешь особого приглашения?

Мурад прошел в дом, обнял отца и мать, они тепло улыбались. «Баркал», — тихо ответили на подарки. Цамук встретил радушно: «Братский салам!» Будто они с Мурадом и не расстались в соре.

— Что ты голову морочишь? — отмахнулся он тогда. Джанию искали, но не нашли. — Ушла и ушла, — сказал Цамук. — Может, сбежала с кем-то! Плевать!

Но Мурад знал: не сбежала, не из таких. И все же — правда, не нашли. Джания словно растворилась в воздухе. Цамуку тоже было больно, но он не показывал виду.

Теперь дом готовился к новой свадьбе. Все село готовилось. Воздух тяжелел от запахов — острый лук и пряности смешивались со сладковатым дымом жарящегося мяса, дрожжевым духом пирогов, сладостью разложенных на подносах фруктов. Тянуло старой тканью от извлеченных из шкафов рядов.

На летней кухне к плите поставили подаренного Мурадом дрона-повара, в его программе было аж три рецепта: слоеный, кукурузный, аварский хинкал.

Во дворе между домами соорудили арку, повесили большой яркий ковер, зацепили по краю цветные шары. На широкой лестничной площадке разместился музыкант с синтезатором, приладил микрофон ко рту. Зазвучал частый танцевальный ритм. Позади приглашенного музыканта, тяжело опустившись на стул, устроился дядя Гамзат со своей зурной. Вскоре старик уже вытирал потный лоб и время от времени приподнимал кепку, чтобы промокнуть лысеющую макушку — день выдался знойным.

Мураду не хотелось веселиться. Ему все казалось, что не было этих двух лет. Вот-вот приедет Цамук, держа под руку безропотную прекрасную Джанию. И это случится — чужая свадьба случится, а Мурад наконец увидит то, чего так боялся и не хотел.

— Иди танцевать! — хлопнул Мурада по плечу дядя Гамзат. — Я сегодня как последний раз играю! Помру — вспоминать будешь.

Он ушел в дом, вернулся умытый, с мокрыми волосами и каплями на лице, рукой поманил за собой под купол. Его зурна ныла, словно душа из нутра, — и сладко, и больно, тонко так.

Мурад когда-то любил танцевать, хорошо танцевал. В юности даже выступал в детском ансамбле «Дубура», лихо вертелся в красном бешмете, заботливо сшитом матерью.

Почти такой же детский коллектив — пятеро мальчуганов в традиционных костюмах — встретил теперь прибывших на празднество Цамука с новой невестой. Мальчишки отплясали ритуальный танец, четко проходя даргинским шагом — гасмой, ювелирно делая падебаск, проводили молодых к их почетному месту у ковра, затем снова пустились в пляс перед новобрачными. К ним постепенно присоединялись гости.

Мурад осмотрел костюм брата, черный галстук с красным узором, пристально разглядел незнакомку в белоснежной фате. Высокая, строгая, с огромными, абсолютно черными глазами, словно поглощающими все длины волн видимого спектра... Ее пышное платье расходилось колоколом, а кружева на рукавах и корсете сияли серебром.

Она не имела ничего общего с Джанией — ни в чертах лица, ни в манере держаться, ни в этом нарочито-торжественном выражении, застывшем на лице.

Мурад с новой силой ощутил пустоту — отсутствие Джании, ее нет рядом. Ему вдруг захотелось почувствовать свое горящее тело, оно немело от печали и словно постепенно растворялось в воздухе. Но музыка прервалась.

Новый танец все не начинался, минуты тянулись мучительно долго.

Вот молодых поздравили родители. Вот молодые вышли к гостям и торжественно встали перед столом. Наконец заиграла музыка, и гости принялись танцевать, бросать в танце монеты и купюры на платье невесты.

Тогда Мурад резко поднялся из-за стола и ринулся в толпу.

Танцевали все: двигались по кругу или же разбивались на пары. Перед молодыми то отплясывали мужчины, мальчишки, старики, то кружились женщины и девушки. Каждый танцевал от души — обычную произвольную, свадебную лезгинку, то ли в чечено-ингушской, то ли в кумыкско-чеченской манере с дагестанскими элементами: ковырялками, выбросами.

Мурад танцевал быстро-быстро, чтобы завертеться, забыться. Выбрасывал в воздух руки, ноги, резко и яростно. Голова закружилась, совсем опьянела.

И тут среди гостей он увидел ее.

Джания танцевала, плавно двигая по сторонам изящными кистями. Медленно, неясно, как дрожащий маревом воздух над раскаленным камнем. На ней было ее любимое светлое платье и красный платок.

Мурад продолжил танец. Он танцевал все быстрее, точнее, будто пытаясь поймать ритм, при котором видение могло бы стать четче и живее, чтобы он мог приблизиться и прикоснуться к Джании. Ближе, ближе. Джания посмотрела на Мурада и словно вправду увидела его. А потом снова исчезла.

Мурад, вдруг испугавшись, остановился. Музыка еще гремела, гости смеялись и хлопали, но он уже не слышал ничего, кроме собственного сердца, бьющегося в висках и горле.

— Цамук! — Мурад подбежал и схватил брата за горячую руку. — Ты видел ее? Ты видел?

— Кого? — Цамук нахмурился, посмотрел на супругу рядом.

— Джанию! Она здесь! Танцует!

Брат глянул на Мурада с жалостью и досадой.

— Забудь Джанию, — сказал он жестко. — И мне не напоминай.

Черноокая невеста медленно пошла по кругу, раскачивая купол-платье, ее руки поплыли по воздуху. Мужчины кружились в танце вокруг нее, чуть не наступая на белый подол.

Мурад замер в нерешительности. Джания только что была рядом. Она проявилась посреди толпы так отчетливо, что теперь казалось, люди проходят сквозь нее.

«Ты хочешь сказать, что она застряла между мирами?» — спросил себя Мурад-мужчина. И Мурад-ученый ответил: «Не между мирами, а в пространственно-временной складке».

Мужская часть его натуры металась, тянулась к любимой душой. А ученый анализировал, искал рациональное объяснение. Обосновать явление Джании по науке не имеет смысла, родня скажет только: «Этот ваш квантовый шайтан наделает плохого! В Коране про такие вещи не написано!»

«Но если Цамук тоже ее увидит — значит, я не схожу с ума», — решил Мурад.

— Пойдем, пойдем, посмотрим, кто лучше танцует! — Он схватил брата за руку, когда его невеста, завершив круг, остановилась. — Только быстрее!

Цамук не отнял руки.

Они вышли в центр, стали танцевать. Гости ритмично хлопали и выкрикивали похвалы. Цамук двигался быстро, по-хозяйски, но смотрел на молодую жену, танцевал для нее и для всех, кто еще не понял, чья она теперь.

Мурад вглядывался в пустоту, ища Джанию. Он танцевал и быстрее, и резче брата, но не для того, чтобы победить его.

Она появилась. Мурад не стал привлекать внимание брата — боялся, что Джания пропадет. И вдруг услышал испуганный голос Цамука:

— Джания! Я вижу!

Цамук, потрясенный увиденным, тут же остановился. А Мурад, убедившись в реальности видения, продолжил танец.

Джания мерцала и шла волной, как мираж. Мурад искал и не мог найти нужный ритм, чтобы совпасть с ее частотой, проявить ее, успеть выхватить — догонял, но руки проходили сквозь тело в платье. Пришлось кружиться быстрее.

— Хватит, хватит! — попытался остановить его кто-то. — Зашибешь!

— Там Джания! — слышался голос Цамука. — Брат знает, что делать!

Мурад не знал. Чувствовал, что нужно танцевать, что мир плывет, что рубашка намокает и горячо липнет к груди, по вискам течет пот.

Вдруг он увидел себя частью странного ансамбля — пять его отражений кружили в танце, мерцая, как на неисправном экране. Один Мурад внезапно состарился, другой превратился в мальчишку, только учившегося танцевать. Чужие частоты, не те временные слои...

Внезапно двойники исчезли, а реальное время ускорилося.

Перед Мурадом промелькнули обрывки свадьбы: кто-то танцует на поднятом над толпой стуле, жениха подбрасывают на руках, невесту обходят хороводом, двор усыпан монетами и блестками конфетти, дядька Умар лезет к микрофону, чтобы вне очереди спеть песню, но его отталкивают, начинается потасовка... Гости расходятся, в домах гаснет свет...

Мурад устал. Ощущал, что ноющие ноги вот-вот подведут, он, наверное, танцевал много часов подряд. Джания все кружилась рядом, скользя призраком, глядя на него с тихой грустью, словно прощаясь.

Мир качался, кружилось ночное звездное небо, солнце несколько раз проходило по небосклону. Мураду, показалось, что он явно почувствовал то, что зовется даргом, свое нутро как ядро, свою суть вокруг точки в пространстве.

И вдруг — на мгновение — Джания обрела плотность. Мурад рванул вперёд, схватил ее за локоть и, собрав последние силы, дернул на себя. Они рухнули на горячие камни вместе.

— Совпали... совпали... — сухими губами прошептал Мурад.

Он приподнял Джанию, прижал к груди: живая, плотная, здесь и сейчас! Она вздохнула, как человек, вынырнувший из глубины. Ее светлые глаза, широко раскрытые, были полны ужаса и изумления.

— Где я? Где я? — все повторяла она.

Потом долго рассказывала, как обессилила: танцевала и не могла остановиться, как потеряла надежду остановиться, уже мечтала умереть. Вскоре она вспомнила имя Мурада, она была очень рада ему.

Старейшины собрались на рассвете. Они сидели в кругу, суровые, как сами горы, и слушали Мурада. Дядя Азамат и дядя Умар смотрели одобрительно.

Мурад пытался рассказать им простым языком про квантовые ловушки, про то, как Джания могла застрять между мирами, когда ее мысли и желания вступили в противоречие.

— Она не хотела исчезать, — говорил он. Помолчав немного, предположил: — Но она и не могла выйти за Цамука. Ее душа колебалась, и реальность вот так ее выручила. Заперла.

Старейшины переглядывались. Потом самый старший из них, седобородый Магомед, поднялся.

— Если она вернулась через твой танец, значит, ты ее чувствуешь. Ты нашел ее, когда другие не могли. Кажется, дух Куне хочет вам счастья.

И все старейшины закивали. Подул густой теплый ветер, наполнив воздух терпким запахом полыни. Ретрансляторы на склонах замелькали солнечными зайчиками.

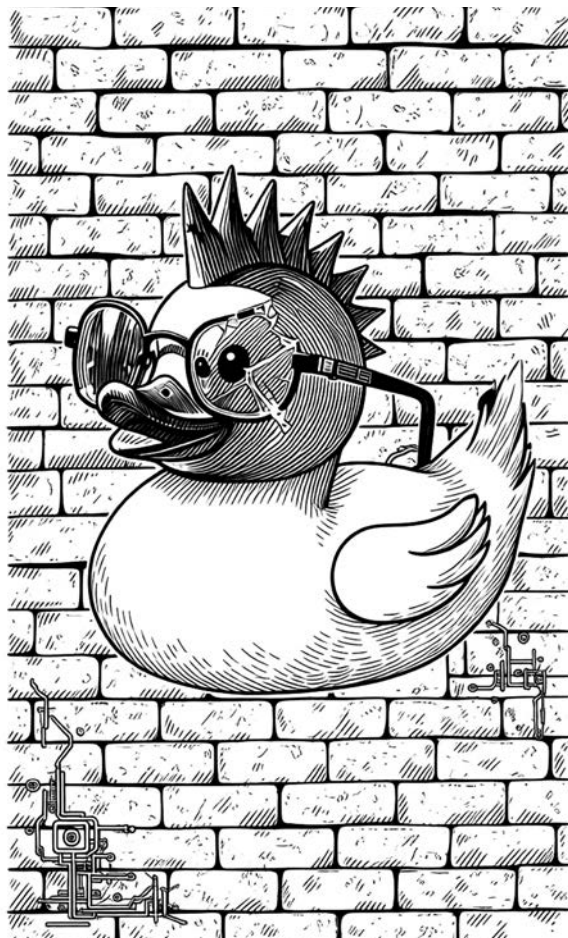
Мурад молчал. Потом счастливо и благодарно кивнул. Кажется, в Кичи-Гамри снова будет свадьба!

Артур ОМАРОВ

НОВЫЙ МОСТ

РАССКАЗ

[01] девочка с «уокменом»

— Если зайдешь на форум, минуя прокси, на котором крутится хронодвижок, то увидишь вот такую картину. — Каз разворачивает ко мне ноут.

«Сайт отключен или еще не создан», — читаю я на экране.

Хата на первом этаже в доме напротив института принадлежит то ли отцу Каза, то ли Катиным родителям. Мы с Казом сидим у окна за столом, заваленным всяким компьютерным барахлом, а Батик с Сосиком на диване пытаются что-то настроить в ноуте, гудящем, как пылесос. Стену над диваном скрывает ковер, в который задумчиво втыкает Даня, сидя в кресле напротив. От удушливой жары спасает только лениво крутящийся на комодке вентилятор. Через тонкую дверь в прихожую слышно, как из колонок компа на кухне негромко играет ремовская *Losing My Religion*. Придушенно пиликает дверной звонок, и в прихожей слышны легкие Катины шаги.

— Если же все сделаешь по уму, чел, то будет вот так. — Каз щелкает по клавиатуре, и на экране ноутбука загружается черная страница с бирюзовыми ссылками веток.

Катя болтает с кем-то в прихожей. Мне кажется, я узнаю голос Лины.

— Крупнейшая торговая площадка для межвременных транзакций в даркнете, чел.

За дверью слышны решительные шаги, а затем она распахивается, грохнув о стену.

* * *

Впервые я увидел Лину в прошлом июле на новом мосту. Она устроилась между торчащих клыков ржавой арматуры на железобетонном блоке у самых перил, в стороне от тогдашней своей

тусовки, в которой я никого не знал. Пройдя чуть дальше, я остановился завязать неразвязавшийся шнурок и присел на широкий отбойник между полосами движения около шумной компании с пивом и гитарой.

Глаза Лины скрывали темные очки в белой оправе, по-кошачьи вздернутой к вискам, а в линзах-сердечках отражался необычно узкий наладонник в ее руках. Тонкие длинные пальцы скользили прямо по его экрану, и она то улыбалась, то закусывала нижнюю губу. Черный шнур тянулся от наладонника к обколупанному серому прямоугольнику размером с пачку сигарет на ее коленях.

Она качнула ногами, и за ее кедами мелькнул черно-бирюзовый знак бесконечности на сером бетоне.

* * *

— Где мой переходник? — с порога наезжает Лина на Каза. Длинная розовая прядь возмущенно выбилась из каштановых волос, небрежно подстриженных чуть выше плеч.

— О, Лина, здоров, — говорит Каз. — Это какой это?

— Тэтовский, с тайп-си на мультипин. Катя сказала, ты уже неделю как забрал его у Квазара.

Лина направляется к столу широкими шагами, я только и успеваю откатиться на стуле, чтобы освободить ей дорогу. На широкий ремень ее коротких джинсовых шорт с бахромой прикреплен старый плеер-кассетник. Логотип на пряжке ремня исцарапан до полной нечитаемости, как и все надписи на крышке плеера.

— Куда ты пропала? — Каз встает Лине навстречу и обнимает ее. — Сто лет тебя не видел.

— Ах, это я пропала. Ну конечно.

— Ты бы хоть на лекциях разок появилась, что ли.

— Зачем? Я все равно сдам все раньше тебя. Не переводи тему.

— Не кипишуй, я просто тестил твой переходник на своем гэлэкси.

Лина стучает его кулаком в плечо.

— Ай, больно!

— Тестил он...

— Батик, надо подгрузить другой мост, этот не работает, — жалуется Сосик, глядяваясь через толстые стекла очков в экран своего ноута. — Лина пришла, и все сломалось.

— А почему? — говорит Батик. — Потому что это имя значит «плохая весть».

Каз достает из ящика стола покоцанный планшет, отсоединяет от него кольцо, оцетинившееся странного вида разъемами, и отдает Лине.

— Ну, — говорит Каз, — вообще-то, полное имя Лины значит как раз...

— Еще одно слово, и я тебе врежу уже всерьез, — говорит Лина ровным голосом, вытаскивая из сумки один из своих странных наладонников. Этот весь, кроме экрана, обклеен черной изолентой — не видать ни логотипов, ни кнопок, если они вообще там есть. Ни разу не видел у нее в руках привычной раскладушки или хотя бы «фонарика».

Каз поднимает руки: все понял, мол. И садится обратно к ноуту.

— Я тут показывал Лехе «снейл-трейл». Вы ведь знакомы? На мосту по-любому виделись.

Лина неопределенно кивает в ответ. Она уже устроилась напротив вентилятора на стуле, свалив с него на пол какое-то компьютерное барахло, которое тут же испуганно подхватил Батик, и теперь возится с переходником, подключая через него наладонник к серому обколупанному прямоугольнику. Брендовые логотипы на оправе очков аккуратно, но безжалостно изуродованы до полной нечитаемости.

— Итак! — говорит Каз. — Серфить «снейл-трейл» весьма опасное занятие.

Лина закатывает глаза и закидывает загорелые длинные ноги на комод, поближе к вентилятору.

— Ало, ты слушаешь?

Я поворачиваюсь к экрану ноута.

— Типа можно вывихнуть пальцы, стуча по клавише?

— Типа среди тех, кто хакает скрипты, самый высокий процент несчастных случаев, чел. Нужно быть очень осторожным.

— Это откуда такая статистика? — спрашивает Лина, не отрываясь от экрана наладонника.

Я понимаю, что у девайса и правда нет кнопок — ее тонкие пальцы с ногтями, выкрашенными черным лаком, уверенно скользят прямо по экрану.

— Это мои личные наблюдения, — парирует Каз. — Есть, конечно, такие рискованные люди, которые лихо собирают на себе множество вещей не из своего времени. Как наша Лина.

Она не обращает на него внимания, пролистывая фиолетовые пузырьки с текстом на синем экране наладонника.

— Но у Лины, как у умной девочки, затерты все торговые марки на технике и срезаны все бирки на шмотках. Я уверен, даже на

потрохах «уокмена» вытравлены все логотипы и серийные номера, — говорит Каз. — Так что хроносканеры гектады скользят по ней, не задерживаясь.

— Какие сканеры? — Я чувствую себя выключенным из разговора. — Какой гекаты?

— Гектады, чел. Той власти, что следит, чтобы никто не добрался до по-настоящему важных скриптов... — Каз разводит руками. — Уж кто бы это ни был, чел. В момент, когда ты считываешь скрипт, ты тем самым уже изменяешь его. И не только ту часть, которая еще не произошла, но и ту, что осталась для тебя в прошлом.

— Ерунда какая-то, — говорю я. — Как может поменяться то, что уже случилось?

— А откуда ты знаешь, что оно уже случилось?

— Ну, блин, я же буду помнить об этом.

— Вот смотри, допустим, есть у тебя мечта прыгнуть с парашютом. И в своем настоящем садишься ты на самолет в будущее, а там, в этом будущем, прыгаешь с парашютом и приземляешься в прошлом — обратно в своем теле, которое садится в самолет, чтобы осуществить мечту.

— Никто не может физически переместиться во времени, — говорит Батик. — Органика не хронопортируется.

— Никто, кроме Инспектора Паранойя, — оживает в кресле Даня. — Но, возможно, Инспектор и вовсе не из органики.

— Данон, ну по-братски, а, — говорит Сосик, и Даня снова замолкает.

— Короче, — Каз поворачивается обратно ко мне. — По факту ты ведь оказался там же, где был. Как тут доверять своей памяти? Осуществилась твоя мечта или еще нет, чел?

— Конечно, осуществилась. Помню, не помню — пофиг, мне достаточно просто это знать.

Каз и Батик смотрят на меня с жалостью, как на человека, который доказывает академику, что Земля плоская.

— Объясните лучше, как эти ваши скрипты работают.

— Там все завязано к квантовой первооснове, — говорит Каз, — но с этим лучше к Лине. Вот скажи, ты что об этом прыжке думаешь, Лина?

— Думаю, что вам бы забить на квантовую первооснову, — говорит Лина, сдувая с лица розовую прядь. — Первооснова от этого, понятно, никуда не денется, но вам, народ, будет чуть полегче.

Каз оборачивается на шум машины за окном.

— Короче, один тип, Теплов, изобретет штуку, которая называется «хронодвижок». Ею можно буквально взболтать время, заставив скрипты работать так, как тебе нужно.

Каз пытается открыть ящик комода. Лина ноги не убирает, и ему приходится тянуться поверх.

— Теплов не сделает ничего, кроме доказательства теории ретропричинности, — говорит Батик. — Тупо тем, что перешлет себе собственные наработки.

Лина еле слышно фыркает.

— Каз, там Квазар с Мирой приехали, — кричит Катя с кухни. — Выйди к ним, а.

— Вижу, — кричит в ответ Каз. — Лина, ну по-братски.

Лина лениво убирает ноги, Каз выуживает из ящика пухлый бирюзовый пакет и выскакивает из комнаты.

Даня наконец отлепляет взгляд от ковра.

— Опасные, опасные дела Каз нынче ведет с Квазаром.

— Данон, завязывай, — говорит Батик.

— Я тоже слышал, — говорит Сосик тихо. — Насчет Квазара. Хронотрафик нелегальной информации. Поговаривают, даже межвременные поставки оружия.

— Ага, из барыги еще не снятыми киношками в Эскобара доморощенных хронокартелей, — говорит Лина нарочито громко.

— Видит меня Инспектор Паранойя четко сквозь черные скрипты? — монотонно бубнит Даня. — Или мутно, будто сквозь тусклое стекло?

Лина надувает большой пузырь жвачки и громко лопает его.

— Я пойду подышу воздухом.

* * *

Я нахожу ее на крыльце перед дверью подъезда. Она сидит на прохладной выщербленной ступеньке, уткнувшись в наладонник.

— Что за Инспектор Паранойя? — Я сажусь на крыльцо рядом.

Лина качает головой.

— Глупые городские легенды с форума.

В тусклом свете лампочки над козырьком подъезда ее глаза кажутся темно-синими.

— Ты правда веришь в то, что сказал там у Каза?

— Во что именно?

— Что тебе хватило бы знания о том, что случилось, даже если ты этого не помнишь?

Я киваю.

— Ну вот тогда представь, будто знаешь, что уже переспал со мной где-то в паутине скриптов, просто не помнишь об этом, и переставай на меня пялиться.

Она отворачивается к экрану наладонника.

— Угадайте, что тут, — Каз запрыгивает на крыльцо, и я вздрагиваю. В руках у него огромный квадрат пластика с дыркой посередине.

— Новая шокирующая статистика? — спрашивает Лина.

— Сниффер хронотрафика, — торжествующе отвечает Каз.

— Да камон, — говорит Лина. — Нормально вы с Квазаром скорешились, я погляжу.

— Завидуешь, что у меня целая восьмидюймовка, а?

— Асушники, — говорит Лина. — Все-то вам диаметром своих дискет мериться. У тебя хоть есть, на чем это прочитать?

[02] такое бывает

— Отвези меня, пожалуйста, к мо-о-осту, — напевает Лина в открытое окно «шестеры» отца Каза. — Ближе, бли-иже...¹

Она сидит впереди, ветер треплет ее волосы, и розовая прядь ритмично вспыхивает в свете проносящихся мимо уличных фонарей.

— Зде-есь я дышу-у-у¹...

— Это капец, ребята, — говорит Батик. — Вы ненормальные.

— Да ладно, мы глянем одним глазком, и ничего нам за это не будет, — говорит Лина.

— Батик, не ссы, — Каз проскакивает пустой перекресток на красный. — Там этот клад лежит уже года четыре.

— Да хоть двадцать, — говорит Батик. — Меньше суток осталось, как его должны забрать.

Пот льется по его лицу, и он вытирает его ладонью, ладонь обтирает о футболку, а учитывая, что на заднее сиденье мы набились вчетвером, то попутно и об меня.

— Мы быстренько глянем, что там заныкано, и вернем все как было, — говорит Лина. — Как будто тебе самому неинтересно.

¹ Лина напевает «Блюз» Земфиры Рамазановой (признана в РФ иностранным агентом).

* * *

Мы столпились за плечом Каза в маленькой полутемной кухне, заставленной техникой разной степени ветхости. Лина небрежно привалилась к косяку двери с бутылкой пива. Дисковод застрекотал, и по экрану пузатого монитора рывками поползли бирюзовые строчки сплошного текста без единого пробела.

— Кто тут говорил, что Лина значит плохая весть? — Каз обвел нас сияющим взглядом и воздел руки, изображая техногуру, благословляющего свою паству.

— Даже не смей, — сказала Лина.

— Наша благая весть, Евангелина! — он ловко увернулся от брошенной бутылки, и по темным обоям у двери в прихожую растеклось пятно.

— Лина, ну твою мать, — сказала Катя, но Лина уже протиснулась к столу, растолкав нас, и звонко постучала ногтем по выпуклому экрану.

— Смотри, Каз, это прямо здесь, на новом мосту.

— Даже не зашифрована, — Каз всмотрелся в экран. — Метнемся туда-обратно?

Лина улыбнулась, и ее глаза на мгновение сверкнули бирюзовым, поймав отсветы экрана.

* * *

В полутьме под разбитым фонарем два мутных типа оглядываются на шум мотора. Один носатый и низенький, другой тощий и длинный, с залысинами на непропорционально большой голове. Оба старые, за тридцать, и совсем не похожи на обычную публику, которая тусуется на новом мосту. Они провожают взглядом нашу помятую «шестеру» с реющей из окна розовой прядью.

Каз паркуется у ряда железобетонных блоков, преграждающих въезд на мост, и со скрежетом глушит мотор. Лина одним прыжком перемахивает через заграждение и ловко лавирует по широкой проезжей части между пестрых компаний, приветственно отбивая подставленные кулаки.

Меня затягивает в водоворот молодых загорелых тел, разноцветных волос, футболок с принтами «Нирваны», чулок в крупную сетку и кожаных курток со сверкающими заклепками. У перил кому-то прокалывают язык, напихав полный рот салфеток, а

напротив, на встречной полосе, полдюжины парней и девушек несинхронно танцуют под хрипящий бумбокс. Звучит он так, будто тяжелая механическая штука безуспешно пытается взлететь, и под этот эпилептический бит танцоры совершают умопомрачительные пассы руками, то и дело прогибаясь в мостик. Я уворачиваюсь от скейтера в бензиново-зеркальных очках, и чуть не спотыкаюсь о ноги чувака, который сосредоточенно подбирает бридж *Losing My Religion* на гитаре.

— Пацаны, сюда! — машет над головами Лина с середины моста. — Нашла!

* * *

Железобетонный блок высотой мне по пояс и весит целую тонну по ощущениям. Лина, Батик и Сосик толкают, а мы с Казом тянем, ухватившись за клыки ржавой арматуры.

— Поберегись! — кричит Лина, и блок с глухим «тум» падает на бок. Мы с Казом едва успеваем отскочить.

— Слушай, ты меня пытаешься убить уже второй раз за вечер, — говорит Каз.

— Святой атом, какой тут кипиш, — говорит Лина.

В основании блока темнеет ряд неровных отверстий. Большие черные жуки выползают наружу и сердито суетятся в ярком белом свете из ее наладонника. Лина пихает Батика локтем и кивает на крайнее слева отверстие, в глубине которого что-то желтеет.

— Ни за что, — объявляет Батик. — Я даже второй сайлент не могу пройти, где надо руку в дырку в стене совать.

Я приседаю рядом с щербатым краем блока, на котором кто-то нарисовал граффити черно-бирюзовой восьмерки, и засовываю руку в отверстие. Нащупываю что-то гладкое и податливое.

— Если оно шевельнется, кричи, — говорит Лина прямо над моим ухом.

Я чувствую ее дыхание на коже, чувствую, как ее волосы касаются моей щеки, и краем уха слышу какой-то галдеж на конце моста со стороны школы, пока осторожно веду кончиками пальцев по изгибу мягкой ровной поверхности. Чувствую что-то выступающее и твердое.

Клюв?

Вытаскиваю из отверстия желтого резинового утенка для ванн. На макушке у него черный ирокез, а на ярко-красный клюв нацеплены нелепые очки с двойным мостиком.

— Ну, невдохновляюще, — выпрямляется Лина со вздохом. — Панк-утка.

Правая дужка резиновых очков утенка отломана. Я провожу пальцами по неровному краю, и в этот момент асфальт прыгает мне прямо в лицо, протягиваясь к горизонту лентой пустынного шоссе.

У обочины припаркована темная фура. Фары и габаритные огни не горят, прицеп вздымается к низкому ночному небу металлической стеной, и в ней зияет черным провалом распахнутая дверь.

Но прежде чем я шагну внутрь, что-то прохладное касается моей щеки, и я открываю глаза. Лина склоняется надо мной, и ее лицо совсем рядом с моим. Огромная убывающая луна выглядывает меж двух облаков, будто исполинский глаз в упор разглядывает нас с Линой, одних на огромном пустом новом мосту, протянувшимся от горизонта до горизонта в звенящей тишине.

— Земля — майору Тому, — говорит Лина и легонько похлопывает меня по щеке прохладными пальцами. Ее глаза в лунном свете кажутся бледно-зелеными.

— Скорее уж тогда «Человек, который упал на землю», — отвечаю я хрипло, и она улыбается уголками губ.

Из-за ее плеча выглядывают Каз, Батик и Сосик. Резко возвращаются звуки и ощущения. Под затылком — шершавый асфальт, еще горячий после дневного пекла. Я лежу рядом с перевернутым железобетонным блоком, сжимая желтого утенка в руке. Суета на конце моста со стороны школы нарастает.

— Что там такое? — Батик оглядывается.

Даня близоруко щурится в ту же сторону.

— Мусора-а-а! — ветер доносит до нас звонкий девчачий голос.

— О, по-братски, — говорит Каз. — Вот щас, да?

— Инспектор Паранойя! — кричит Даня, разворачивается и с неожиданной прытью бросается бежать. Налетает на Сосика, сшибая с него очки, отскакивает вбок, чуть не заехав мне по лицу грязной кроссовкой, выбивает утенка из моей руки, и тот улетает к перилам, жалобно попискивая при каждом ударе о мост. Даня поскальзывается на пустом пластиковом флакончике и падает лицом вниз, невнятно мыча что-то в асфальт.

Я вижу, как далеко внизу в темной воде мелькает крохотное желтое пятнышко, увлекаемое в темноту быстрым течением.

— Разделяемся, — говорит Каз. — Батик, забей на эти очки, завтра найдем, мне все равно за машиной возвращаться. Бери Сосика и валите. Лина, на тебе Леха, а я возьму Даню.

— Я его нянькой нанялась, или что? — она убирает руку с моего лица, и мне кажется, что луна погасла.

Каз пожимает плечами.

— Хочешь, бери Даню.

Лина молча протягивает мне руку.

* * *

До института полчаса пешком, и мы с Линой бредем по безлюдным преддвечным улицам мимо редких дворников, метущих обочины самодельными метлами, и светофоров, монотонно мигающих желтым на пустых перекрестках. Так тихо, что мне слышны отзвуки гитарных риффов из наушников Лины. Лишь изредка над нашими головами прорезаются пронзительные трели стрижей. Прохладный восточный ветер приносит откуда-то запах свежего хлеба, и он смешивается с резкими нотами бензина и горелой изоляции от трамвайных путей между полосами дороги.

Код на двери подъезда не срабатывает. Я стучу Казу в окно, и из него высовывается незнакомый лысеющий мужик в майке-алкашке.

— Че надо? Вы к кому?

От неожиданности я отступаю назад. За плечами мужика я вижу маленькую чистую кухню со светлыми обоями. Незнакомая полная блондинка возится у плиты, а над подоконником с любопытством выглядывает светловолосая девочка лет семи. Единственное, что портит картину, это свежее пятно на светлых обоях у двери в прихожую. Лина стоит за моей спиной, ковыряя мыском кеда каменную ступеньку, на которой мы вчера сидели, и скучающе оглядывается по сторонам.

— Доброе утро, а где Каз? — говорю я мужику. — Вы вообще кто ему?

— Валите отсюда, наркоманы сраные, — говорит мужик и захлопывает окно.

Я немо оборачиваюсь к Лине, но она лишь пожимает плечами.

— Такое бывает. Хорошо хоть переходник забрала.

— Такое бывает? Это все, что ты можешь сказать?

— Не переживай, скорее всего, они теперь парой этажей выше, — говорит Лина, решительно направляясь к выходу со двора. — Или в соседнем доме. Брызги после взбалтывания обычно далеко не разлетаются. Подождем, пока Каз зайдет на форум.

— Но они же не просто переехали, там целый ремонт!

— Так они и не переезжали, — говорит Лина. — С точки зрения Каза с Катей, ты с какого-то перепугу ломишься к незнакомым людям с утра пораньше, в хату, которую Катины предки и не покупали никогда.

У обочины тормозит черная «Волга» с синими номерными знаками. Дверцы синхронно открываются, и я узнаю двух типов, что ошивались вчера у нового моста.

— Вон она, — говорит Залысины, — с розовой лохмой.

— А пацана? — отзывается Нос. Под его кожаной курткой, которая не застегивается из-за выпирающего живота, я вижу кобурю с пистолетом.

— Тоже, вдруг игрушка у него.

— Беги! — Лина впивается ногтями мне в плечо, толкая назад во двор, и бросается поперек дороги прямо перед «газелью». Маршрутка с визгом тормозов сворачивает вбок, ударив черную «Волгу», и скрежет металла сливается с истеричной сиреной клаксона.

* * *

Я бегу, пока не спотыкаюсь о ржавый мост подвески, наполовину вросший в землю. Взмахнув руками, падаю на стену какого-то склада, протискиваюсь в пустую раму. Легкие будто покрыты изнутри стеклянной пылью, а уши заложены мерным гудением. Солнечные лучи пробиваются сквозь щели в заколоченных окнах, высвечивая голые бетонные стены с черными разводами и закрытую дверь. Пол усеян десятками белых кругляшей размером с апельсин.

Я понимаю, что гул исходит из-за моей спины, и оборачиваюсь. В стену утоплен корпус массивного металлического шкафа. Он покрыт причудливым узором из плесени и ржавчины. Черные разводы запечатывают шкаф в бетоне, закручиваясь вокруг него по стенам, полу и потолку огромной фрактальной спиралью.

Дверцы поддаются удивительно легко, без единого звука.

Десятки прямоугольников, закрепленных на металлических рейках, тускло вспыхивают в лучах солнца. Серебристые корпуса покрыты сколами и царапинами. Многие выглядят так, будто расплавились и растеклись в разные стороны длинными шипастыми иглами, а затем так и застыли.

Гудение становится громче. В него вплетаются далекие голоса и шепоты, клекот модемов и странные звуковые сигналы неведомых устройств.

А затем я слышу, как позади меня громко щелкает дверной замок.

[03] брошенные дома

Рядом с разбитым унитазом в углу — расколотая сливная труба. Она влажная и скользкая, и мне приходится обхватить ее пальцами обеих рук. Я поворачиваюсь к двери, замахиваясь, и меня охватывает сильнейшее дежавю.

— Даже не буду спрашивать, чем ты тут занимаешься, — говорит Лина.

Из трубы что-то льется на мои кеды.

— Как ты меня нашла? — я отбрасываю трубу и вытираю ладони о джинсы.

— Прислала себе сообщение на форуме.

— То есть как, прислала себе сообщение?

Ее взгляд падает на открытый ржавый шкаф.

— Святой атом! — она подходит ближе.

— Ты знаешь, что это?

— Темпоральный сервер. Я их никогда не видела, но очень похоже.

Она опускается на колени и заглядывает в пахнущую озоном глубину.

— Я читала о них, — говорит Лина и лезет рукой внутрь. — Тут должен быть служебный разъем для аварийного подключения.

Ее рука по плечо исчезает в тесном отверстии между проводов, и Лина нащупывает что-то в глубине, сосредоточенно высунув кончик языка между губ.

— Ага, вот он! Держу. Возьми у меня в сумке переходник. Выщелкни тройной пин. Не-а, следующий.

Она кивает на проем между рейками, достаточно широкий для моей руки. Крепко сжимая переходник с подключенным к нему шнуром, я пытаюсь нащупать пальцы Лины среди горячего металла, твердой гладкости проводов и неожиданно холодных корпусов серебристых прямоугольников.

— Чуть ниже, — говорит Лина. — Я тебя чувствую.

Я раздвигаю податливые пучки тончайших проводов и нахожу ее мягкие прохладные пальцы, сжимающие разъем.

Наши лица совсем рядом. В ее глазах сверкают изумрудные блики. Корица и лаванда, которыми пахнут ее волосы, сливаются с металлической свежестью озона. Пин соскальзывает с края разъема, и я задерживаю дыхание. Лина мягко направляет мои пальцы своими, беззвучно выдыхает полураскрытыми губами, и щелчок, с которым пин входит в разъем, отдается во всем моем теле.

Огоньки в темной глубине сервера мерцают чаще, и гудение становится громче.

Я громко выдыхаю.

— Тут прямой доступ к хронопотоку со «старттрейса»! — Лина смотрит на экран наладонника. — Подумать не могла, что такое увижу собственными глазами!

Символы бегут по экрану так быстро, что сливаются в бирюзовое мерцание. В потоке света из двери разводы на стене напоминают человеческий силуэт с неестественно длинными ногами, стекающими к полу тонкими остриями. Гул становится громче, и белые кругляши на полу вокруг нас еле заметно вибрируют.

— Лина, — говорю я. — Что-то происходит.

— Погоди, я знаю, как настроить удаленный доступ! — кричит она в ответ, и ее пальцы с огромной скоростью вбивают команды в сенсорный экран.

Гудение оглушает, и белые кругляши на полу яростно вибрируют, раздуваясь в размерах. Силуэт стал отчетливее, словно он проступает изнутри бетонной стены.

— Лина!

— Готово! — кричит она, прижав губы к моему уху. — Погнали, я умираю как есть хочу!

* * *

«Семерка» цвета сафари, которую Лина «взяла погонять у подруги», припаркована у смотровой площадки со сломанным ограждением. Внизу петляет горный серпантин, а еще дальше тонет в малиновом утреннем свете город. Дверцы открыты, и из магнитолы тихо играет кавер Нины Перссон на Losing My Religion.

— Те типы думали, что утенок у нас, — говорю я.

— Меня больше волнует, кто их нанял. Каз и компашка просто дети, которым в руки попала дорогая серьезная технология, —

она сердито выковыривает ломтик помидора из бургера. — Но в этот раз крепко влипли во что-то серьезное. На форуме ведь тысяч и крупные игроки.

— Типа Квазара?

— Ну, ему явно очень хочется, чтоб так оно стало.

— Откуда ты его знаешь?

— Я раньше кодила для них с Мирой кое-какой софт.

Она расправляется с ломтиком и принимается за сам бургер.

— Что теперь?

— Ну, теоретически, еще можно вернуть панк-утку на мост, и этот скрипт должен скорректироваться. Чуть меньше суток осталось.

— Как? Она сейчас плывет в Каспийское море.

— Вот это уже практический вопрос, — вздыхает она.

— Может, нам попросить помощи у Квазара?

Лина поворачивается ко мне, и по лицу ее расплзается улыбка.

* * *

Дом утопает в зарослях ежевики. Стены были выкрашены зеленой краской, но она почти вся облезла с темных досок.

— Что это за место? — спрашиваю я, пока Лина ковыряется отмычкой в навесном замке.

— Один из аварийных схронов Квазара, — отвечает Лина, и замок с грохотом падает на крыльцо.

— Блин, я не это имел в виду, — говорю я, когда Лина заходит внутрь, постукивая ногой по полу через равные промежутки.

— Не имел в виду что? — она приседает у окна и отдирает доски одну за одной, открывая нишу, выложенную кирпичами.

— Вломиться к нему!

— Да-а, вломиться была шикарная идея, ты молодец, — говорит Лина, доставая из ниши пухлую черную сумку. — Бинго!

* * *

Портативная спутниковая антенна сидит в траве, как диковинное экзотическое насекомое. Наладонник Лины соединен шнуром со странного вида нетбуком. Код разворачивается на экране черно-бирюзовым кружевом.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я.

— Взламываю темпоральный сервер, — говорит Лина.

На экране появляется логотип — ловец снов, стилизованный под фрактал Мандельброта.

— Это «скрипт-уивер», язык программирования для работы с хронодвижками.

— Ткач скриптов? Я думал, это эзотерический язык, чисто для прикола.

Лина поднимает бровь и смотрит на меня.

— Ты его знаешь?

— Батик прикалывал. Мне нравится иногда покодить на нем.

Лина протягивает мне нетбук.

— Покажи мне.

Клавиатура под моими пальцами упругая, будто кожа, сухая и шершавая. Лина наклоняется над моим плечом, вглядываясь в строчки на экране. Порой она тянется к клавиатуре, прижимаясь грудью к моей руке, сдвигает мои пальцы и сама подправляет код. Внутренняя логика «скрипт-уивера» такова, что проще показать, чем сказать. Я не всегда понимаю, что именно делают наши пальцы, но интуитивно чувствую возникающую под ними структуру.

Наконец Лина одобрительно хмыкает и скидывает мне следующий фрагмент кода.

* * *

Солнце уже в зените, когда она хлопает в ладоши, заставляя меня вздрогнуть, и поднимает руки в победном жесте.

— Что ты сделала?

— Отправила на форуме сообщение утренней себе. О том, где тебя искать сегодня днем.

— Что, ты все-таки хакнула сервер?

Она улыбается и подмигивает мне.

[04] все окей

Машин на дорогах непривычно много. Лина беззвучно шевелит губами, и на ее запястьях ритмично вибрируют часы с маленьким экранчиком вместо циферблата. Остаток дня она провела, что-то настраивая в них и всматриваясь в строчки на экране нетбука, и не сказала мне ни слова.

— Слушай, — решаюсь я наконец нарушить молчание. — Я что подумал. Почему ты просто не отправишь себе сообщение, чтобы мы вообще не ехали на новый мост?

— Раз я его не получала, то нет и смысла отправлять, — говорит Лина, вклиниваясь между двумя белыми джипами.

— Почему?

— Нельзя просто так взять и поменять только один элемент скрипта, — говорит Лина. — За ним обязательно притянется еще много всего ненужного. Приходится работать со всей системой сразу, а не отдельными ее частями.

— Как кубик Рубика? Где нужно учитывать положение всех граней?

Она корчит гримаску.

— Ну там поменьше алгоритмов сборки. Можно заучить все заранее и собирать его хоть вслепую.

Лина выкручивает руль, подрезая джип справа, но врубается красный, и она резко жмет на тормоз. Сзади заливается сигнал клаксона.

— В очко себе побибикай, — беззлобно говорит Лина не оглядываясь.

— Ты специально выбираешь самые забитые дороги?

— Это не я их выбираю. Они забиваются, когда я на них сворачиваю. На той дороге или на этой, но пробка была бы вокруг нас в любом случае.

* * *

Черные горы клинкера и трава, выгоревшая до цвета ржавчины, наводят на мысли о «Безумном Максе». Выщербленные ступеньки, погребенные под трухой многолетних слоев палой листвы, ведут вниз, к груде пустых бутылок, ржавых консервных банок и заскорузлого тряпья у толстой металлической двери с огромным штурвалом гермозатвора.

Бомбоубежище времен холодной войны.

Дверь застряла намертво, но щель достаточно широкая, чтобы протиснуться. За ней — прохлада и запах сырости. Свет из наладонника Лины выхватывает из тьмы куски большого пустого помещения. Остов несгораемого шкафа сдвинут, и в узкую щель видно неровное отверстие в стене.

Вдвоем нам удается подвинуть шкаф еще на несколько сантиметров, и когда я запускаю руку в темное отверстие, пальцы чувствуют знакомый изгиб.

Краска с ирокеза и клюва утенка стерлась, от очков осталась только левая дужка, а ярко-желтая резина покрыта царапинами и глубокими бороздами.

* * *

— Думаю, нет смысла спрашивать, как он оказался здесь, — говорю я. — Ретропричинность?

Лина молча разводит руками, поднимаясь по щербатым ступенькам лестницы, аккуратно ступая между прелых листьев и разбитых бутылок.

— Даже не представляю, что тебе пришлось сделать, чтобы все так сложилось.

— Да, — задумчиво отвечает она. — Я еще тоже не представляю, что мне придется для этого сделать.

Лина оглядывается на меня, встряхнув волосами. Ее рука задевает мою, и закатные лучи на секунду сплетают вокруг нее объемный фрактальный узор из чистого света. Отражаясь в ее серых глазах, он парит между нашими лицами бесконечной анфиладой отражений.

На короткий миг мне кажется, что я всегда знал все еще не сказанные друг другу слова, всегда помнил все еще не пройденные вместе пути.

Длинная тень падает между нами. Лина оборачивается, и сильный удар в лицо бросает ее на асфальт, в серую дорожную пыль.

Я перепрыгиваю оставшиеся ступеньки, но воздух сгущается и бьет меня в живот, бросая на колени в бетонную крошку. Не могу сделать вдох, только смотреть, как темнеют от крови разодранные штанины джинсов.

Горячий металл сжимает мои запястья, но я по-прежнему не могу двинуться. Только смотреть, как Залысины тащит безвольное тело Лины и бросает на заднее сиденье «Волги». Я вижу ее кровь на массивном серебряном перстне на его пальце, когда он придерживает дверцу для Носа, который толкает меня внутрь.

Очки-сердечки остаются в пыли на обочине. Правая дужка отломана, и солнце отражается в бисеринках крови на белой оправе.

[05] НОВЫЙ МОСТ

— И меня моя милиция, — напевает Лина, — за-бе-рет и не подавится...²

²См. прим. 1.

Ее руки скованы наручниками за спиной. Кровь тонкой струйкой стекает по подбородку из рассеченной губы, но серые глаза по-прежнему сияют.

Залысины роется у Лины в сумке. Достает бутылку воды, открывает и жадно пьет, затем кладет ее на торпедо и продолжает потрошить сумку. Вытряхивает томик в мягкой обложке — что-то из «Трилогии Моста» Гибсона, наладонник, шнур, серый прямоугольник. И наконец, желтого утенка.

— Нашел, — говорит он Носу, который выкручивает руль, обгоняя белый джип, и кладет желтого утенка рядом с бутылкой.

— Вы же не понимаете, да, с кем связались? — с жалостью говорит Лина. — Они даже не сказали вам, что за моей спиной — Инспектор Параноя.

— Завали, а, — говорит Нос.

На перекрестке он резко бьет по тормозам на красный. Бутылка перекачивается и почти падает ему на колени, но ее удерживает налепленная на пластик жвачка.

— И черные скрипты следуют за ним огненным адом безвременья, — тихо, но отчетливо говорит Лина. — Где никогда не затишают крики тех, кого ты оставил в каньоне.

Я вижу в зеркале заднего вида его встревоженный взгляд, а затем Лина свистит — два длинных, один короткий. Жвачка от бутылки отваливается, и вода течет вниз на магнитолу, в которой что-то искрит.

— Твою ж! — говорит Нос, тянется к бутылке и пропускает зеленый свет.

«Волгу» обгоняет белый джип, и в следующую секунду его сносит огромная неуправляемая фура, сплошной сверкающий поток скорости и огня, отчаянно сигнала и расшвыривая кругом осколки полыхающего металла.

В наступившей тишине я слышу, как часы на запястье Лины вибрируют почти непрерывно.

— Теперь дошло, надеюсь, — говорит Лина.

Из перевернутого белого джипа выбирается мужик в майке-алкашке, стирая кровь с лица, и ползет на четвереньках к обочине мимо покосившегося фонарного столба.

Залысины оборачивается к ней, занося руку с ярко блеснувшим на солнце ножом-бабочкой, и Лина снова свистит.

Два коротких.

Белый джип взрывается, в «Волге» с грохотом разлетаются оба боковых стекла, лобовое заливают кровью, Залысины дергает руч-

ку двери и выпадает из машины в град зеленых осколков, которыми взрывается светофор, и что-то со стуком падает на торпедо.

Нос подбирает и вертит в пальцах окровавленный мост с двумя зубами. Затем, вздрогнув, роняет его обратно.

Мужик у обочины причитает, пока языки пламени жадно поглощают остов белого джипа.

Я поднимаю голову. Сиденье усыпано каким-то белым крошевом.

Залысины встает на ноги, его глаза безумны, нижняя часть лица разворочена. Он оборачивается на светофор — окровавленный металлический болт, прошивший оба боковых стекла «Волги» и обе его щеки, торчит из разбитого зеленого фонаря. С металла капает густая кровь.

Лина снова свистит — длинный, короткий — за секунду до того, как Нос тянется за пистолетом под кожаной курткой, и столб фонаря на перекрестке падает на асфальт, обдавая его фонтаном битого стекла через разбитое окно. Осколки секут его лицо, Нос хватается за него руками и кричит.

— Только подумаешь, чтоб дернуться еще раз за стволом, и я всажу тебе следующий осколок стекла прямо в глаз, — говорит Лина. — Это понятно?

Нос бурчит что-то в руки, которыми держит лицо.

— Не слышу, — говорит Лина.

— Да, понятно, — он убирает дрожащие руки от лица. Его левая бровь болтается на тонком лоскуте, и кровь заливает глаз, над которым белеет кость.

Залысины стоит там же, у открытой пассажирской двери, и смотрит на Лину в ужасе, ощупывая нижнюю часть лица. Кровь льется у него сквозь пальцы на белую рубашку. Он пытается что-то сказать — в дыры на его щеках видно, как язык ворочается меж окровавленных беззубых десен, но слышно лишь бульканье.

Только сейчас я понимаю, что это за белые осколки по всему салону.

Над перекрестком стелется сизый дым, и в траве на обочине робко стрекочет одинокий кузнечик.

* * *

Не помню, чтобы хоть раз видел новый мост таким безлюдным.

Залысины засовывает желтого утенка в пустотку в железобетонном блоке. Нижняя часть лица закрыта бинтами, которые криво завязаны у него за ушами.

Вдвоем с Носом они, пыхтя, налегают на блок. С глухим «тум» тот встает на место, и черно-бирюзовая восьмерка снова превращается в бесконечность.

Лина машет рукой, и они торопятся к концу моста со стороны школы, где оставили «Волгу». Лина посвистывает им вслед — один длинный, один короткий, — и они, не оглядываясь, переходят на бег.

Лина выдыхает короткий смешок и покачивается. Я подхватываю ее и помогаю опуститься на отбойник. Сияние уходит из ее глаз, и я вижу, как сильно она устала.

— Ну у тебя и суперсилы, конечно, — только и могу сказать я. — Хотя бы предупредила, что ли.

— Даже ты поверил, да? Надо было мне идти на театральный, а не на физмат. — Рана на губе снова открылась, и Лина слизывает капельки крови языком.

— Какой театральный? Там весь перекресток разворотило.

— Это да, — говорит она с удовлетворением и сплевывает кровь на асфальт. — Там вообще полный месс был.

Я не свожу с нее глаз. Она поднимает взгляд и усмехается.

— Да брось, суперсилы только в кино бывают.

— А что же это было тогда?

— Помнишь, я говорила, что нельзя поменять только одну деталь? Ну вот из всего ненужного, что притянулось следом, я выкручивалась как могла.

Она колупает краску на сером прямоугольнике, и крохотные хлопья отваливаются, мерцая бирюзовой изнанкой на ее ногтях, покрытых черным лаком.

— Святой атом, я так боялась, вдруг что-то из памяти вылетит. Мне пришлось зазубрить весь основной скрипт целиком. Как собирать твой злосчастный кубик Рубика, только не три на три, а тысяча на тысячу.

— А Инспектор Паранойя, огненный ад?

Она фыркает.

— А ты пообщайся подольше с Даней.

— Все равно, надо было мне сказать. Я бы помог.

Лина смеется и качает головой.

— Ты мне запарывал скрипт, если был в курсе заранее. Но оно того стоило. Ты бы видел свое лицо, когда рвался меня спасать!

Я отхожу к перилам, смотрю на реку внизу. По воде пролегают длинные тени. Слышу, как часы Лины вибрируют.

— Успели впритык.

Я оборачиваюсь.

Одинокий черный силуэт бредет в алом мареве по пустынному мосту. Его ноги будто сужаются к асфальту узкими остриями.

Лина пытается подняться с отбойника, и я протягиваю ей руку. Она опирается на нее, нетвердо встав на ноги, и не отпускает, переплетая наши пальцы.

Так мы и ждем, рука в руке.

[кода]

Поверхность асфальта легонько колышется на ветру еле заметным фрактальным узором. Звуки полностью пропадают в этом странном закатном мареве, и черный силуэт двигается медленно, будто пробираясь через застывший алый кисель.

— Транзакция не была зашифрована, потому что ты взломала ее сегодня днем, — вдруг понимаю я. — Поэтому ты не стала писать себе сообщение с предупреждением не ехать на мост вчера вечером.

— Ну а смысл? Не хакни я сервер, транзакция осталась бы зашифрованной и мы бы так и так не поехали.

Вблизи странное искажение пропорций пропадает, и силуэт оказывается высоким худым парнем в черной мастерке, пожалуй, слишком теплой для этой жары. Под капюшоном смутно белеет лицо, черты которого не разобрать, как бы я ни вглядывался.

— Посмотри на блок, — говорит Лина.

Железобетонный блок лежит на боку. Косые лучи солнца ярко высвечивают восьмерку у края.

— Как это произошло?

— Тебя такие вещи еще удивляют? — спрашивает она в ответ, не отрывая взгляда от парня в черной мастерке.

— Да нет, — говорю я и понимаю, что это правда.

Уже не удивляют.

Парень приседает у блока, и маленькое желтое пятнышко исчезает под черной мастеркой. Когда он встает и разворачивается, мне кажется, что под капюшоном вовсе нет лица. Будто только большой белый кругляш.

— Эй! — кричит Лина, и я предостерегающе сжимаю ее руку. — Мы в расчете?

Он удаляется по пустынному мосту, залитому закатным маревом, не оборачиваясь, и мне вновь кажется, что неестественно длинные ноги вытягиваются к асфальту острыми кончиками.

— Видимо, это все, — вздыхает Лина.

— Слава яйцам, знаешь.

— Я ожидала чего-то поэффектнее, — она устало опускается обратно на отбойник, и я сажусь рядом. Лина протягивает мне наладонник. — Я сгенерила тебе инвайт на форум. Просто так на нем не зарегистришься, нужно приглашение от участника с высоким рейтингом. Сможем всегда найтись через «снейл-трейл», если скрипты опять взболтаются.

Сенсорный экран непривычно отзывчив под моими пальцами.

— Может, даже поработаем вместе, — добавляет Лина. — Я тебя подтяну в «скрипт-уивере». А с доступом к темпоральному серверу, ух, что можно проверить теперь. У меня как раз есть пара дел на примете.

— Только никаких желтых утят, окей?

— Договор. — Она заглядывает в экран над моим плечом, когда я вбиваю ник в поле ввода. — Лишний Час, м-м-м?

— Что? — я оглядываюсь на нее. — У меня этот ник еще со школы.

— Ничего, — она качает головой и улыбается. — Просто все будут над нами ржать, если станем работать вместе.

— Почему?

— Меня знают на форуме как Минуту. Все треды будут забиты подколами, что мы самая несовместимая по темпам пара за историю «снейл-трейла».

У нее вырывается смешок, и я тоже не могу удержаться. Нам вторит взрыв хохота со встречной полосы моста, а затем возвращаются остальные звуки. Ветер доносит до нас обрывки музыки, смеха и разговоров. Огромный алый диск солнца касается линии горизонта далеко на западе, и Лина наблюдает за ним задумчиво, пока я заполняю остальные поля на черно-бирюзовой странице.

— За время прыжка может многое произойти, знаешь ли, — говорит она, колупая черными ногтями серую краску на прямоугольнике, от которого тянется шнур к наладоннику у меня в руках.

— Ты про что? — я нажимаю «зарегаться».

— Про межвременной парашют Каза. Дело ведь вовсе не в том, можно или нельзя физически вернуться в прошлое. И даже не в том, помнишь ты, как мечта осуществилась, или нет, случилось это или еще только может случиться.

Я поворачиваюсь к Лине, чтобы отдать наладонник, и ее лицо оказывается совсем рядом. Когда она берет его, наши пальцы соприкасаются.

— Ты можешь вернуться в исходную точку уже совсем другим человеком после всего, что случится в полете, — говорит Лина, глядя мне в глаза. — И мечта у тебя будет уже совсем другая.

Она гладит мое запястье прохладными пальцами.

— Вот что об этом прыжке думаю.

В закатных лучах глаза Лины вспыхивают изумрудно-зеленым, и я целую ее в губы.

Она морщится от боли.

— Прости, — я торопливо отстраняюсь, чувствуя вкус железа на губах.

— Пожалуй, с поцелуем придется подождать, — говорит Лина, усмехнувшись, и кладет голову мне на плечо.

Дневная жара уходит, с реки дует прохладный ветер, и полосы нового моста вокруг нас наполняются пестрыми стайками парней и девушек. Парочка голубей устраивается на железобетонном блоке, прямо над черно-бирюзовой восьмеркой. Кто-то позади нас громко поет *Losing My Religion* под гитару, в ремовской манере, очень красивым голосом и с диким акцентом. Голубь широко раскрывает клюв, целиком обхватывает им клюв голубки, и так они замирают в алых закатных лучах, блаженно прикрыв глаза.

— Ну либо можем попробовать вот как они, — говорит Лина. Ее волосы щекочут мне шею, и я смеюсь.

Аделина КАМБЕГОВА

КТО ВЕРНУЛСЯ?

МИНИАТЮРА

— Она ушла.

Багаудин сидел на корточках у загона. В руках — нож, длинный и кривой, как горный серп. Металл скользил по точильному камню с монотонным, почти гипнотическим шипением. Шик... шик... шик... Звук врезался в гул ветра, бьющего с перевала.

— Куда ушла?

— Сквозь камень. Как обычно.

По склону бродили козы. Белые, рыжие. Черная была одна, как угольная крошка.

Я вспомнил вчерашний день. Интерферометр, ловящий колебания пространства. Сверхточный гравиметр. Датчики температуры и давления. Паутина проводов, мигающие индикаторы. Ни сдвига, ни сигнала, ни намек на аномалию.

— Сквозь какой камень? — переспросил я.

Багаудин сдул металлическую пыль с точила.

— Где лысая скала. Там, как ни смотри, угол странный — будто дверь.

— И она возвращается? — уточнил я, следуя взглядом за черной козой.

— Каждый раз. — Старик положил нож рядом, вытер руки о грубые штаны. — Только не сразу. И не совсем она.

Яркое солнце вдруг показалось недостаточно теплым.

— Что значит — не она?

Он долго смотрел на склон, на своих коз, потом медленно перевел взгляд на меня. В глазах — усталость, накопленная за долгие годы соседства с невозможным.

— У одной пятно появилось. У другой — шрам пропал. Последняя... как будто не узнает. Смотрит, будто чужая.

— Может, вы что-то напутали. Мало ли, показалось и... — Взгляд старика заставил меня замолчать.

Приборы. Аномалии. Сдвиги. Точки нестабильности на карте. Я приехал сюда не за козами. Одно из немногих мест на Кавказе, где устройства ловили временные сбои. Мелкие, почти погрешности, но они влекли меня, как огонек маяка.

А потом в архивах я наткнулся на обрывочные записи об этом селе и «исчезающей черной козе». Легенда, запутавшаяся в реальности, стала для меня навязчивой идеей.

Теперь я сидел здесь, под тяжелым взглядом старика. Чувствовал себя дураком и одновременно ощущал, как плывет почва под ногами.

Это случилось на третий день. Рассвет только начал золотить вершины. Козы неторопливо потянулись по узкой тропинке к пастбищу выше.

Черная отставала. Она подошла к скале, уперлась мордой в камень и... исчезла. Мгновение. Одна секунда — коза была, следующая — уже нет.

Я подавился. Воздух застрял в горле. Вместо меня взвыли приборы. Интерферометр выдал на экране хаотичную солянку линий, гравиметр зашкалил, стрелка давления дернулась как ужаленная. Сирены приборов слились в трехсекундный пронзительный визг. Следом — щелчок и мертвая тишина. Экраны погасли, а потом засветились снова — безупречные нули.

Шипение стихло так же внезапно, как и началось. В ушах звенело. Я слышал только ветер, далекое бление коз и собственное прерывистое дыхание.

— Ну? — тихо спросил старик.

— Это... невозможно.

— А она ходит.

Через сутки черная коза стояла возле загона. Мирно щипала траву у самого камня. Мое сердце колотилось. А Багаудин молча наблюдал. Я достал планшет и включил запись камеры у скалы.

На видео перед исчезновением у козы порвано левое ухо — старый шрам, бахромчатый, будто от зубов. Я поднял глаза. Оба уха были целыми. Ни шрама, ни надрыва.

— И вы просто живете с этим? — вырвалось у меня. — С этими... заменами?

Багаудин вздохнул, глубоко, будто поднимая тяжесть.

— Что ж делать? Она меня кормит. А я уже старый. Мне не привывать к замене. — Он посмотрел на черную козу, и в его взгляде мелькнуло что-то невыразимо сложное. — Здесь все... заменяется. Потихоньку.

Последние слова повисли в воздухе.

Позже я уехал. Данные с приборов — тот краткий безумный всплеск — были бесценны и одновременно бесполезны. Лица коллег, начальника отдела, рецензентов... Они казались красноречивее всяких слов.

— Санек, ну что за бред? Козы сквозь камни? — Старший научный сотрудник крутил пальцем у виска. — Может, у тебя не козы, а крыша гуляет? Или старик подшутил? Горцы они такие, любят байки для приезжих...

Я знал, что видел. Но это «что-то» не вписывалось ни в какие рамки. Оставалось только одно — вернуться.

Удалось это только следующей весной. Воздух был мягче, но ветер с перевала все так же резал лицо. Дом Багаудина, притулившийся к скале, казался пустым. Ставни закрыты. Ни дыма из трубы. Ни коз у загона.

У ограды рядом копался сосед. Бородатый мужчина посмотрел на меня без особого удивления.

— Багаудина ищешь?

— Да. Он где?

Мужик покачал головой, вытирая лоб.

— Умер. Почти год прошел.

— Как — умер? — холодный комок сжался в желудке.

— Вот так. Погнал скотину на выпас и не вернулся. Пошли искать — нигде. Только одна коза его нашла. Черная. Стояла у той скалы, еле отогнали.

В доме старика я нашел свою старую сумку с оборудованием, зарытую в углу под половицей — на случай быстрого отъезда. Там лежал жесткий диск с резервными копиями записей. И маленькая камера, которую я крепил на загон, чтобы снимать стадо. Батарея чудом еще держала заряд.

Я включил ноутбук. Хотел пересмотреть последние дни. Убедиться, что Багаудин был. Что его козы были. Что это не сон, не галлюцинация изолированного сознания.

На экране заиграла картинка. Вот я сижу на камне у загона. Смотрю в сторону. Молчу, смеюсь, разговариваю. Но в кадре я один. Старика нет.

Перемотал. Стоп. Пауза. Коза стоит рядом. Смотрит прямо в объектив. На боку у нее — белое пятно. Очень похоже на мое родимое.

Я машинально закатал рукава. Кожа была чистой.

Странно.

Мурат ГЕЛЯСТАНОВ

ПОЙДЕШЬ — НЕ ВЕРНЕШЬСЯ

РАССКАЗ

Майор Министерства государственной безопасности Константин Иванович Кротов прижался лбом к холодному стеклу иллюминатора. Аэродром состоял из трех взлетно-посадочных полос, пересекающих друг друга посередине. С высоты он напоминал огромную букву Ж. Майор подумал, что не хватает еще трех букв. И тогда получится название, которое подойдет этому месту куда лучше, нежели обманчивое «остров Возрождения». Возрождением тут и не пахнет. Скорее тленом и унынием.

В самолете было тесно и холодно. Майор не был избалован комфортом, но 12 часов в этой железной душегубке стали тяжелым испытанием. Весь полет он провел в небольшом закутке между ящиками, которыми был заставлен весь салон. Воняло всем на свете, а запах мочи в этой смеси был самым понятным и безобидным.

Майор ощущал усталость. Полет здесь был ни при чем. Как будто сама жизнь его утомила. Он чувствовал пустоту. Как неизлечимая болезнь, она пожирала его день за днем. А может, это и есть болезнь? Говорят, после войны много кто не смог вернуться к нормальной жизни. За пять лет службы в МГБ майор несколько раз проходил обследование. Физически-то он был здоров. А вот о том, что творилось у него в голове, предпочитал помалкивать. Словно подслушав мысли, в темном углу под потолком зашевелилось нечто.

— Вспомнишь говно, вот и оно, — пробормотал майор.

Клякса шустро сполз по ящику, ежесекундно меняя форму. Не сполз — перетек. Он всегда так передвигался. Сгусток черной и очень подвижной ртути.

— *Ай как некрасиво, Костик. С друзьями так не разговаривают.*

Майор не ответил. Он снова прижался к иллюминатору. В свете умирающего солнца поблескивало Аральское море.

Клякса выбрался на крыло и с интересом исследовал двигатель. Пройти сквозь стену для него раз плюнуть. И ветер ледяной не помеха.

— Не друг ты мне, — тихо сказал Кротов. — Тебя вообще нет.

В следующую секунду Клякса оказался снова в салоне. Обвинившись вокруг левой голени, он заполз на грудь майора. Оттуда взобрался на голову и снова сполз к груди. Совсем как непослушный котенок.

— *А ты есть?* — вкрадчиво спросил Клякса.

— Отстань. — Майор попытался смахнуть тварь. Его ладонь прошла сквозь черное бесформенное тело. Клякса лишь слегка затрепетал. Майор услышал негромкий смех.

— *Дурак ты, Костик. Ей-богу, как мальчик маленький. Страшно тебе, да? Так ты водочки выпей. Зря, что ли, с собою брал?*

Почти всегда Клякса был прав. С самого первого дня, как появился. Еще на войне? Или, может быть, после? Майор не помнил. Или не хотел помнить. Дотянувшись до рюкзачка, Кротов вытащил бутылку и сделал несколько приличных глотков. Внутри обожгло. Приятная теплота потекла по телу. Он отказывался признавать себя пропащим пьяницей. Но когда приходил страх, спасала только водка. Сделав еще несколько глотков, Кротов взглянул на свою руку, по которой ползал неутомимый Клякса. Она заметно дрожала.

На фронте майор мог умереть тысячу раз. И каждый раз было страшно. Когда идет война — страшно всем. Но война закончилась, а страх остался. Уже другой, непонятный и необъяснимый. Ужас, который окутывает тело целиком, лишая возможности пошевелиться. Часто без причины, без повода. И ничего ты с этим не поделаешь.

— *Выпить надо, Костя,* — настойчиво повторил Клякса, нетерпеливо перепрыгивая с бутылки на руку и обратно. — *А то крыша поедет!*

Майор выпил. Раньше он пытался бороться со страхом. Пока не дошло до того, что он едва не пустил себе пулю в лоб. Там, в Москве. На казенной квартире. А по столу с криками «Ура!» носился перевозбужденный Клякса. Хватило сил запустить «токарева» в окно, раздробив свое уродливое отражение на мелкие осколки. Иногда майор сожалел, что не закончил тогда все... А потом в жизни появилась водка. Странное это ощущение — когда жить одновременно хочется и не хочется. Очень странное. И страшное.

— Мне в дурку пора, раз с тобой разговариваю, — сказал майор, беззлобно глядя на Кляксу.

Он снова приложился к бутылке и пил до тех пор, пока жжение в горле стало невыносимым.

— Ты же не реален. Плод моего воображения.

Клякса спрыгнул на пол. Там он выглядел как обычное пятно мазута. У Кляксы не было глаз. Но майор точно знал, что тварь смотрит прямо на него.

— *Ерунду несешь, Костик! Что в этом мире реально, а что нет, не тебе решать. Я настоящий. Не то что ребята с работы, которых ты друзьями называешь. Знаешь сам ведь, они тебя начальству сдадут за милую душу, только повод дай. А я не предаю. Всегда с тобой буду. До самого конца!*

Рта у Кляксы тоже не было. Его голос звучал прямо в голове. Не мужской, не женский. Просто голос.

— Значит, умру я — умрешь и ты?

— *Этого ты, брат, никогда не узнаешь!* — Клякса расхохотался и завертелся на месте как волчок.

— Ну и сволочь же ты, — вздохнул Кротов.

Порядочно захмелев, он схватил бутылку с непреодолимым желанием допить все содержимое одним могучим глотком. План был хороший. Не получилось.

Боль обожгла голень. Разлетелась на мелкие осколки в руках бутылка. Горлышко зажато в ладони. Рука в крови. Звон стекла и скрежет металла, пули, пробивающие дно, деревянные опилки, разлетающиеся по всему салону, взрыв справа за бортом, запах гари, дым и хаос. Непонятная бурая жидкость, вытекающая из разбитого ящика, крики пилотов, резкий крен вправо — и, наконец, огонь. И все это в течение одной или двух секунд. Майору не было страшно. Находясь под изрядным уже градусом, он смотрел на это как на кинофильм. Станный, бессмысленный и короткий.

— *Прямо как твоя жизнь,* — крикнул откуда-то из бушующего хаоса Клякса.

С неким внутренним облегчением Кротов смотрел, как кренятся в его сторону прошитые очередями ящики. «Ну вот и все», — подумал майор и, отшвырнув в сторону горлышко разбитой бутылки, закрыл глаза.

В ночи слышался паровозный гудок. Значит, уже скоро. Небольшой отряд притаился в лесу у реки, чуть ниже по течению. Лучшие бойцы, настоящие профессионалы своего дела.

До конца войны еще далеко, немцы поджигают. Кротов заметно нервничает. Отряд небольшой. Подрывник и три снайпера. Каждый знает, что от их работы зависит многое. О том, что предстоит пробираться к своим через деревни, захваченные

немцами, никто не думает. Главное — взорвать поезд, набитый боеприпасами...

Религиозным Кротов никогда не был. Но первое, что подумалось после возвращения в сознание, — он в аду. Все вокруг горело. Жар припекал лицо. Хотелось кричать, но в горле застрял ком. Майор не мог двинуться. Либо черти приковали его цепями, либо завалило обломками. Странно, что ничего не болело. Ни жив ни мертв, и не понять никак.

— *Ой-ой, живой. Вот это повезло! Еще повоюем, Костя!*

Из огня выскочил Клякса. Мгновенно вернулась боль. Болело все тело. Чертовски приятное чувство.

Кротов попытался повернуться на бок. Не получилось. Радость от мысли, что он еще не помер, сменилась новым страхом. Он не хотел сгореть здесь. Если умирать, то только не так. Собрав все силы, он прочистил глотку и что есть мочи заорал:

— На помощь! Кто-нибудь!

Помощи не было. Жар стал нестерпим. Придавило знатно, не пошевелиться. Кротов старался не паниковать, но не слишком получалось. Он на твердой земле, не в море. Должны же были на острове видеть момент катастрофы! Люди точно спешат на подмогу. Только вот успеют ли? Кто и зачем сбил самолет, гадать сейчас не хотелось. Не сгореть бы для начала...

— Помогите! — снова крикнул майор.

Все вокруг заволокло черным вонючим дымом. Майор начал задыхаться. Поддавшись-таки панике, он дергался, будто в припадке. Но его ловушка была крепка.

— *Дыши глубже, Костя! У нас на ужин шашлыки!*

Клякса вопил, скача по горящим ящикам. Это совсем не добавляло спокойствия. Проклятая тварь только злила, насмехалась.

— Исчезни, мразь! — заорал в бессильной злобе майор.

Самообладание окончательно покинуло его. Вот судьба-уродина. Войну всю протоптал, от Июня до Мая. А теперь сдохнет здесь, на этом острове проклятом.

— Ты уж определись, товарищ. То «помогите», то «исчезни». Непонятно как-то.

Майор вздрогнул. В дыму появился силуэт человека. Голос звучал глухо, будто из-под маски. Он казался знакомым, но это охваченное паникой сознание играет с ним в свои игры. Знакомых тут у него нет и быть не может.

— Там пилоты! — крикнул майор, задыхаясь от кашля.

— Мертвые все, — услышал он в ответ.

Наконец удалось разглядеть незнакомца, лицо скрывал необычного вида противогаз. Одет незнакомец был в комбинезон серо-зеленого цвета. Вроде как в войсках химзащиты, да не совсем. Вооружившись ломом, спасатель крушил ящики и опрокидывал непонятного назначения тяжелые металлические детали. Взяв откуда-то грязную тряпку, он смочил ее водой из фляжки и кинул майору на лицо.

— А то задохнешься, — прокричал сквозь треск огня.

Через некоторое время, показавшееся вечностью, майор почувствовал, что может пошевелить ногами. Рядом что-то с шипением взорвалось. Жар стал сильнее. Судя по шуму и болезненному давлению на тело, незнакомец разгребал завалы так быстро, как только мог. Понимая всю критичность ситуации, майор сжал зубы и терпел.

— Руку давай! — крикнул незнакомец.

Скинув влажную тряпку, Кротов протянул ладонь. Незнакомец рывком поднял майора на ноги. Левую голень обожгла боль, кровь хлынула к голове. К тому же майор был все еще изрядно пьян. Кротов едва не упал лицом вперед, прямо в огонь. Снова помог человек в противогазе. Одним ловким движением он закинул майора себе на плечо. Еще несколько мгновений, и они оказались в безопасности.

Холодный ночной воздух обжигал легкие. Кротов сидел на песке и ошалевшим взглядом смотрел, как догорает самолет. Незнакомец сел рядом. Он тяжело дышал. Огненные блики отражались в черных глазницах противогаза. Комбез дымился и был оплавлен в нескольких местах. Рядом суетился Клякса. Его незнакомец, само собой, не замечал.

— *И чего это вам, алкоголикам, везет так?* — каким-то печальным голосом пробормотал Клякса, запрыгивая на ногу.

Бегло ощупав тело, Кротов понял, что совершенно цел, если не считать ранения в голень. Майора затрясло. Со стыдом и горечью он думал о том, что единственное, чего ему сейчас хочется, — это выпить.

— Кто ты? — наконец спросил Кротов, обращаясь к незнакомцу. — Век обязан буду.

Незнакомец повернулся и стащил противогаз. Под ним скрывалось обросшее, изрезанное морщинами лицо. Оно словно принадлежало старику, познавшему все тяготы этого мира. И только глаза были молоды и полны жизни. Человек широко улыбнулся, обнажив ряд пожелтевших, с прорехами зубов. Кротов невольно отпрянул.

— Чего дергаешься, Константин Иванович? Призрака увидел?

Так оно и было. Кротов и не думал, что после пережитого сегодня что-то может его удивить.

Это был его боевой товарищ.

— Идрис? Эфендиев!

— Так точно, товарищ майор. Он самый.

— Но как? Ты... ты же погиб.

Покрутив бесполезный уже противогаз в руках, Идрис с силой швырнул его в огонь.

— Лучше бы так оно и было...

Он резко встал и снял с плеча автомат.

— Извини, майор.

Удар прикладом отправил Кротова в путешествие по стране грез.

Взрыв получился что надо. Полыхнуло так, что все вокруг озарилось желтовато-красным светом. Над лесом всполошились испуганные птицы. Объятый пламенем состав рухнул в реку вместе с обломками моста. Отряд сделал свое дело — отряд может уходить.

Сознание возвращалось медленно. В первые мгновения он почти поверил, что все это сон. Опять напился и лежит на полу у себя в квартире. А по пьяни еще не такое приснится. Взрывы, смерть, призраки прошлого. Обычный набор из его воспаленных сновидений. Плавали, знаем. Откроет глаза и увидит желтый потолок с одинокой лампочкой. Клякса запрыгнет на грудь и скажет что-то вроде: «Здорово, Костик. Хватит бухать, пора на работу». Да и голова болит как с бодуна.

— Очнулся вроде.

Хриплый старческий голос вернул майора в реальный мир. В мозгу пронеслись воспоминания обо всем, что случилось за последние часы.

— Может, нашатыря ему, профессор?

Голос принадлежал Идрису.

— Нет надобности. Вы слышите меня, господин Кротов?

Майор открыл глаза. Резким, вызывающим головокружение движением сел. Он находился в небольшой комнате с белыми стенами. Больше всего она напоминала больничную палату, заставленную различным оборудованием. Рядом стоял Идрис. Второго человека майор не знал.

Это был дряхлый старик в инвалидном кресле. На вид ему было лет сто, если не больше. Обтягивающая совершенно лысый череп кожа была покрыта коричневыми старческими пятнами и

напоминала, скорее, бумагу. Скрюченные временем руки покоились на худых коленях. И лишь в глазах, спрятанных за толстыми линзами очков, светился могучий интеллект. Старик скривил рот. Улыбается, догадался майор.

— Меня зовут Ганс Зоммерфельд. Можете называть меня просто Ганс. Вашего товарища представлять надобности нет. Как себя чувствуете?

Он говорил по-русски очень хорошо, лишь едва заметный акцент выдавал иностранца.

— Бывало и лучше, — скривился Кротов. Он вспомнил, как его вырубил Идрис. А теперь тут торчит дряхлый старый немец. В мозгу яркой лампочкой зажегся сигнал тревоги.

— Понимаю, у вас много вопросов, — просипел старик. — У меня есть ответы. Не думаю, что они вам понравятся. Готовы выслушать?

— Меня как будто уже ничего не удивит. Для начала хотелось бы увидеть полковника Чернова и связаться с Москвой.

— Полковник мертв. Связи нет, — сухо ответил Зоммерфельд. — Мы тратим время. А время бесценно. Если вы не доверяете мне, положитесь на вашего старого боевого товарища. Он спас вам жизнь.

— Как это мертв? — пробормотал Кротов. — Кто вместо него?

— Здесь никого нет, — старик вздохнул. — Повторюсь, у нас мало времени. Позвольте мне максимально сжато и быстро ввести вас в курс дела. А затем делайте что хотите.

Майор не понимал, в чем суть этой игры. Но решил подыграть.

— Валяйте.

— Отлично. Вам известно что-нибудь о проекте «Линза»?

— Первый раз слышу.

— Логично. Вы знаете, где находитесь?

Кротов напрягся. Но раз эти двое здесь, значит, допуск у них имеется.

— Исходя из документов, полученных на службе, это военная биохимическая лаборатория. Функционирует с 1948 года. Здесь построен небольшой городок Аральск-7, в котором проживают сотрудники полигона, их семьи, а также военнослужащие. Всего около полутора тысяч человек. Объект строго засекречен. И поэтому я совершенно не понимаю, что...

— Все верно, — перебил старик. — И вас отправили сюда с целью...

Повисла пауза.

— Это допрос? Я не понимаю.

— Успокойтесь, майор. Поверьте, мой уровень допуска гораздо выше, чем ваш.

— Черт с вами. Это обычная ревизия.

Сам майор думал иначе. Шеф будто решил от него избавиться. Пьяниц в МГБ не уважали. А мог бы и иначе поступить, по старинке. Ночной звонок в дверь, «пройдемте с нами», и поминай как звали. Пожалел, видимо. За заслуги, так сказать...

— Ясно, — пробормотал Зоммерфельд. — Могу примерно догадаться, что вы себе там уже надумали о шпионах, немцах, американцах и еще бог знает о ком. При нынешней ситуации все политические дразги и склоки совершенно ничтожны, подобно ковырянию детей в песочнице. Случилась беда. Большая беда.

— Что вы имеете в виду?

— Как вы относитесь к алкоголю? Мне срочно нужно выпить...

Все стихло. Будто и не случилось ничего. Ни выстрелов, ни sireн. Подозрительная тишина. Майор выбрался на берег. Искорженный мост напоминал скелет древнего животного. Догорал наполовину торчащий из воды вагон. Кротов пригляделся. Вагон был пассажирский...

— У нас только медицинский спирт с водой. На острове сухой закон.

Зоммерфельд поморщился и сделал пару глотков. Идрис к алкоголю не прикоснулся. Кротов осушил свой стакан в три глотка.

— Вы сказали, у нас мало времени, — напомнил он. — О какой беде идет речь, доктор?

— Пусть белый халат вас не смущает, — ответил старик, оттопырив лацкан, за которым красовалась табличка с фамилией «Великанов». — Я не врач, я физик-теоретик. Остров, на котором мы сейчас находимся, всего лишь второстепенный объект. В нескольких километрах отсюда есть другой остров. Он называется Барсакельмес. И то, что находится там, имеет важность гораздо большую, чем эта школьная лаборатория.

Глаза немца заблестели. Он сделал пару небольших глотков.

— Та самая Линза, о которой вы говорили? — догадался Кротов.

— Совершенно верно. Линза — это эксперимент. И он вышел из-под контроля. Если бы я был там, этого не случилось бы. Но по состоянию здоровья меня отправили сюда. — Старик будто бы оправдывался. — Я не могу сказать точно, что произошло. Люди исчезли. Ваш товарищ кое-что видел, он сам расскажет, позже. Возможно, вам не сказали, но в целях безопасности связь с Большой землей осуществлялась исключительно через авиасообщение. Отправить сигнал о помощи мы не можем. И ждать следующую

щий самолет тоже. Линзу нужно отключить. Иначе это коснется всех.

Зоммерфельд не мог знать, что все это время у него на плече сидел Клякса. Стоило немцу на секунду замолчать, как тварь выкрикнула.

— *Старый хрен с ума сошел. А ты, Костя, уши развесил.*

— Погодите, что значит — всех?

— Всех, — спокойно повторил старик, раскинув худые руки в стороны. — Всех на Земле. Понимаю, в это сложно поверить. Вы сотрудник особых структур, вам нужны доказательства. Поверьте, они будут.

Это все не внушало доверия. На секунду в голове майора мелькнула мысль: он сошел-таки с ума. И это происходит у него в голове. Но спирт очень мерзок на вкус, чтобы быть воображаемым. В конце концов, даже если все это обман, майор ничего не теряет. «Хорошо же сидим!» — всплыла в памяти присущая законренным пропойцам фраза.

— Что такое Линза? — спросил Кротов.

Он почувствовал, как пол едва заметно задрожал. Негромко зазвенели разнообразные колбочки и трубочки. Это продолжалось секунды две. Ни Идрис, ни профессор особого внимания на это не обратили.

— Линза... — Зоммерфельд блаженно прикрыл глаза, словно речь шла о его тайной возлюбленной. — С нее все началось. Она все и закончит. Линза — это мать всех богов. Это...

— Ганс, — прервал тираду немца молчавший до этого момента Идрис. — Давайте поконкретнее.

— Вы правы. Простите мне мою несдержанность. Пояснять научную часть двум солдатам я не вижу смысла. Скажу так, чтобы вам было понятно. По большому счету это дверь. Очень древняя дверь. Ее нашли в Гималаях. Точнее, это были чертежи, высеченные в скале. Почти пятнадцать лет я работал над их расшифровкой, потом началась война. В конце концов они попали к вам, коммунистам. Знаете, люди в погонах по любую сторону баррикад совершенно одинаковые. Вместо того чтобы исследовать дверь, пытаться понять, как она работает, изучить все вдоль и поперек и просчитать все риски, они хотели лишь одного. Поскорее ее открыть. Они не хотели и слышать о том, что это может быть опасно. Кто или что нас ожидает по ту сторону. Я им говорил...

В голосе старика слышалась досада. Секунду помолчав, он продолжил:

— В Германии не успели. У вас получилось.

По спине майора пробежал холодок.

— Если уж хотите немного науки, это квантовый мост. Он соединяет две точки, находящиеся на любом расстоянии друг от друга. Как мост через реку соединяет два берега. Один берег здесь, а другой...

Немец неопределенно махнул рукой и замолчал.

— И где же другой берег? — нетерпеливо спросил Кротов.

Зоммерфельд устало потер лоб. В этом жесте угадывался весь груз прожитых им лет.

— Я не знаю. И никто не знает. Где угодно. Я даже не уверен, что это привычное нам физическое место. Вселенная бесконечна и скрывает множество тайн. Я им говорил, что это не игрушка. Чертежи очень древние, но слишком совершенные. Это не укладывается в историю нашего мира. Мы еще не доросли до таких технологий. Нельзя обезьянам вместо палок всучить автоматы. В лучшем случае приматы перестреляют друг друга.

«А мы что делаем?» — подумал майор про себя. Но вслух спросил:

— Получается, ваша Линза взорвалась и убила всех людей?

— Линза работает. Ее запустили, когда я был тут. Они так хотели войти в чужой мир. Но получилось, что чужеродное вошло в наш.

— Пойдите, — поднял ладонь Кротов. Он припомнил книжку, зачитанную до дыр еще в школе. — Это что-то вроде нашествия марсиан? Хотите, чтобы я поверил, что на остров напали инопланетные чудовища? — Он расхохотался. Какая глупая выдумка. Да и спирт заиграл в венах. — Да вы меня за идиота тут держите. Я майор МГБ. Думаете, я поверю в этот бред? Я здесь представляю советскую власть.

— То, что вы читали Уэллса, делает вам честь, господин Кротов. То лишь яркая и запоминающаяся выдумка. Но и там люди не хотели верить в происходящее, пока их города не начали гореть. Идемте, я вам покажу.

Течение было довольно быстрым. В бледном лунном свете угадывались какие-то ящики и бочки, сундуки и коробки разнообразных форм и размеров. Пора было уходить, но майор будто врос ногами в прибрежный ил. Что-то не так. В ушах застучало. Бум-бум, бум-бум.

Они шли по длинному, слабо освещенному коридору. Впереди катился на своем кресле старый ученый. За ним следовал Идрис. Замыкал цепочку полный скепсиса Кротов. Майору вспомнилась работа. Там в Москве тоже много таких вот коридоров. Он вдруг понял, как ненавидит их, эти коридоры. Лестницы, подвалы, каби-

неты; тех, кто сидит в этих кабинетах. Он представил на миг, что никогда больше туда не вернется. Эта мысль показалась теплой и приятной. Но она быстро потухла в гнетущей тьме, царившей у него внутри. Долг есть долг.

Оказалось, они были под землей. Это стало ясно, когда майор увидел просторный лифт. Поднимался он довольно долго. В документах, которые Кротов получил на работе, ничего о столь грандиозных подземных сооружениях на острове не сообщалось.

В лифте все молчали. Кротов понял, что устал от театральной болтовни старого немца. К Идрису было много вопросов, но с этим он разберется позже. Следует лишь подгадать нужный момент и забрать у него автомат.

Когда створки лифта распахнулись, они снова оказались в коридоре. Он заканчивался приоткрытой дверью, сквозь которую пробивался солнечный свет. Майор почуял запах. Не отвратительный или приятный. Скорее, незнакомый, странный, не похожий ни на что.

Зоммерфельд остановился у двери. Идрис встал рядом. Они словно проводжали майора, который засиделся в гостях и теперь ловит недвусмысленные намеки от подуставших хозяев.

Пинком Кротов распахнул приоткрытую дверь. В помещение ворвался холодный, пронизывающий ветер. После духоты замкнутых помещений воздух отрезвил. Голова заработала гораздо лучше, да и алкоголь почти выветрился. Майор будто избавился от дурмана, который его окутывал с момента авиакатастрофы. Бросив короткий взгляд на своих спутников, он вышел на улицу.

В первые мгновения его ослепило солнце. Майор сощурился и прикрыл глаза рукой, давая им несколько секунд, чтобы привыкнуть к яркому свету. Потом он увидел.

Мир словно разделился на две части. На востоке все было как обычно. Скучная и холодная синева неба, разбавленная небольшими кучками белоснежных облаков. Привычный, ничем не примечательный пейзаж...

А с запада наступала тьма.

Это напоминало огромное дерево высотой в несколько километров. Ствол состоял из яркого розового свечения, которое пульсировало и завораживало. Вместо кроны клубился черный подвижный дым. Периодически внутри него мерцали бесшумные молнии. Колоссальный взрыв, застывший во времени. Майор не мог отвести взгляд. Ему казалось, что ничего красивее он в своей жизни не видел. Эта красота притягивала. Руки тянулись к свету. Сердце бешено колотилось.

Словно околдованный невиданным зрелищем, майор даже не замечал, что вокруг царило запустение. Брошенная техника, распахнутые настежь окна и двери, разбросанный по плацу мусор. Покинутый людьми городок, в котором хозяйничал соленый аральский ветер.

Кротов начал задыхаться. Его вдруг охватил ужас. Сделав пару шагов назад, он споткнулся обо что-то и упал. Тут же на грудь запрыгнул Клякса. Казалось, будто он весит целую тонну.

— *Обоссался, Костик? Да ты тот еще трус, даром что вояка. Сдохнешь! Сдохнешь! Сдохнешь!*

Клякса прыгал, повторяя это слово раз за разом. Каждый его прыжок отзывался болью в груди. Будто кто-то тыкал раскаленной иглой в самое сердце.

Позабыв о безопасности, Кротов включил фонарь.

— Ты что творишь, майор!

Кто-то схватил его за руку. Резким движением Кротов вырвался. Он сделал несколько шагов вперед. Ноги утонули в иле, в ботинки хлынула холодная вода. Схватив проплывающую мимо тряпичную кучу, Кротов притянул ее к себе...

Мозг обожгло резким аммиачным запахом. Будто в голове взорвалась граната. Хватая ртом воздух, Кротов открыл глаза.

— Вот и нашатырь пригодился.

Это было все то же помещение. Майора охватило ощущение заикленности. Внутри полыхнула знакомая мысль. Возможно, это весьма изобретательный, предназначенный исключительно для него ад.

— Где Зоммерфельд? — спросил Кротов.

Идрис сел на пол и прислонился к выложенной белоснежной плиткой стене.

— Остался наверху. Он умер. Сердечный приступ, наверно, я не знаю. Глянул на Линзу и застыл. Перестал дышать.

— Она его убила?

— Не думаю. Профессор говорил, что очень болен. Что-то выросло у него в голове.

Череп гудел. Майор с трудом мог справляться с беспорядочным ворохом мыслей. К старым болячкам добавилось новое, непонятное ощущение. Словно по мозгу ползала жирная навязчивая муха, прогнать которую не было никакой возможности.

— Как ты здесь оказался? — спросил он наконец. — Все считали, что ты погиб.

— Так оно почти и было. Контузия такая была, что мозги чуть из ушей не повылетали. В госпитале подлатали, домой отправили, на Кавказ.

— И что потом?

Идрис молчал. Он глядел в одну точку прямо перед собой. Прошло секунд двадцать, прежде чем он ответил:

— Знаешь, что меня там ожидало? Мой поселок был пуст. Со всем как этот проклятый остров. — В его голосе слышалась нескрываемая злоба. — Я на войне землю жрал, а мой народ сослали в степи Средней Азии. Одним днем загнали всех в вагоны, как скот. Воевали-то мы с тобой одинаково, товарищ майор. Только я предателем оказался, а ты на харчах государственных в Москве сидишь.

Идрис снова умолк. Затем продолжил уже более спокойно, даже обреченно:

— Я за своими поехал. Остаться предлагали, национальность переписать. Фронтовик, мол, то да се. А зачем оно мне, если всех наших увезли? Отказался. Нашел семью в Киргизии. Отец старый совсем был, умер по дороге. Мать осталась только и брат маленький. Я работать пошел, вкалывал с утра до ночи, чтоб им помочь как-то. Потом солдаты пришли. Мужиков, кто помоложе да посильнее, согнали всех и сюда привезли, на большую стройку. С тех пор я тут. Пятый год пошел вроде.

Идрис умолк. Молчал и Кротов. Он не знал, что сказать. Да и нужно ли? Рассказать о том, что и его жизнь не сахар. Что мерещится всякое. Что по ночам не спит. Что рассудок теряет. А какой смысл? Беда у каждого своя, и каждый встречает ее в одиночестве.

Земля снова задрожала. Толчки были заметно сильнее, чем в прошлый раз. Лампочки погасли. Через несколько секунд зажглось тусклое аварийное освещение.

— Что же нам делать? — пробормотал Кротов. — Зоммерфельд мертв. Он единственный знал, как отключить Линзу.

— Да не знал он ничего, — ответил Идрис. — Эта штука быстро растет, и профессор боялся ее, потому что не понимал.

— Получается, мы с тобой тут как два слепых щенка. Ничего не знаем, ничего не понимаем. Но при этом должны что-то сделать. Может, Зоммерфельд говорил еще что-нибудь?

— По-твоему, мы чаи гоняли и беседы вели? Все случилось слишком быстро. Я в карцере сидел, когда все началось. От жажды помирать стал, пришлось выбираться. Пришел в медчасть. Там нашел профессора. Он мне рассказал примерно то же самое, что и тебе. Я предложил дожидаться транспорта и валить отсюда куда подальше. Зоммерфельд меня отправил встретить самолет. Тут еще бродили всякие... — Идрис неопределенно мотнул головой. —

Я видел их, когда выбрался из карцера. Не знаю даже, как описать. Вроде люди, только вывернутые наизнанку. Быстрые, сильные. Меткие. Видел, как они самолет выцеливали. Что было дальше, ты знаешь. Вырубить тебя пришлось, чтобы с расспросами не донимал. А потом Линза светом полыхнула, и эти штуки пропали куда-то. Как сквозь землю провалились.

— Понял. А по воде до Большой земли тоже не добраться?

— Тут даже захудалой лодки нет. Да и какой смысл? Одна степь кругом да пустыня.

— А как попасть на этот остров... как его...

— Барсакельмес. Это на казахском, но он на мой родной язык похож. Означает что-то типа «пойдешь — не вернешься». — Идрис печально усмехнулся. — По воде не получится, по воздуху тоже.

— Ты же здесь все строил, подумай. Должно быть что-то еще.

Идрис кивнул.

— Внизу есть уровень, который строили военные. Нас туда не пускали.

Кротов резко встал. Он схватил валявшийся на кушетке автомат и протянул его Идрису.

— Идем глянем...

Это было тело. Женщина. Молодая, лет тридцати. Одета по гражданке. Половина лица обуглена, рука оторвана взрывом. Все еще пытаюсь сохранять самообладание, майор оттолкнул труп. Это еще ничего не значит, фашисты хитрые. Забравшись в воду уже по пояс, Кротов поймал другое тело...

Оказалось, Идрис довольно неплохо запомнил схему подземных помещений.

— В школе хорошо учился, — пробурчал он в ответ на удивление Кротова.

На нижний уровень вела широкая лестница, снабженная сбоку мощным подъемником. Аварийное освещение лишь усиливало гнетущее ощущение в мрачных подземельях. На двоих у них был один автомат. Кротов надеялся, что на секретном уровне должен быть свой арсенал. Он поделился мыслью с Идрисом, и тот согласился.

Лестница упиралась в большую и тяжелую гермодверь. Она была распахнута. Оттуда веяло тем самым незнакомым ароматом, который майор почуял на поверхности. Здесь, под землей, запах был еще сильнее.

Кротов странно себя чувствовал. Словно кто-то пытался забрать его в мозг. Это явственно ощущалось даже в его граничащем с безумием состоянии. Да и Клякса вел себя беспокойно. Прижавшись

к раненой ноге, он бормотал разнообразные и весьма грязные ругательства. Предусмотрительно захваченная с собою фляжка со спиртом неплохо справлялась с этим неприятным чувством. Стоило майору отхлебнуть пару глотков, как его отпускало.

Секретный уровень был окутан тьмой. Посветив фонарем где-то у самого входа, Идрис нашел рубильник. В глубине загудело, затрещало, защелкало. Зажегся свет, и двое людей, стоявших у порога, застыли в изумлении.

— Метро, — ошарашенно пробормотал Кротов.

Да, это было оно. Точнее, его уменьшенная копия, в которой легко угадывался почерк московских строителей. Эти своды, переходы, плитка.

Майор присвистнул:

— Вот это размах.

Каких трудов стоило построить это на богом забытом острове посреди Аральского моря? Зоммерфельд не лгал, когда говорил о важности Линзы.

Гулким зловещим эхом их шаги отражались от выложенных серой плиткой стен. Короткий коридор вывел в главное помещение. Оно представляло собой довольно широкую площадку, заставленную ящиками, баллонами и канистрами различного размера. Тут же стоял одинокий погрузчик. Казалось, будто это место покинули в спешке, прямо в разгар работы. Площадка примыкала к узкоколейке, на которой стоял состав. На головном локомотиве был включен свет. Желтый луч прожектора уходил во тьму тоннеля, из которого веяло холодом и сыростью. Вот и он, путь на Барсакельмес.

— Чувствуешь, воняет? — не выдержал наконец Кротов.

Из тоннеля несло тем самым, щекочущим ноздри, странным ароматом.

Идрис неопределенно пожал плечами.

— Мне после контузии голову по кусочкам собирали. Я с тех пор забыл уже, что такое запах и вкус. А чем воняет?

— Да хрен с ним, — Кротов махнул рукой. — Вон смотри, оружейная.

Табличка на одной из дверей напротив платформы имела соответствующую надпись. Майор предполагал, что столь особенное место обязано иметь и хорошее вооружение. Но увиденное превзошло все ожидания.

Здесь было все. От штык-ножей до гранатометов. Ровными, аккуратными рядами были уложены ящики с патронами, гранатами, противопехотными и противотанковыми минами. Автоматы, пулеметы, пистолеты. Ящики со взрывчаткой, комплекты камуфляжной одежды, снайперские ружья и даже парашюты. С удивлением

майор заметил громоздкий и практически бесполезный в бою огнемёт. Также здесь были полки с сухпаями и консервами, канистры с питьевой водой и много-много чего ещё.

— Вот это нам пригодится, — Кротов ткнул пальцем в легкую складную мотодрезину.

— Они явно к чему-то готовились. Оружие-то мы нашли. А что дальше? — негромко спросил Идрис.

Майор ответил не сразу. Липкие щупальца снова проникали в его сознание. Он сделал хороший глоток. Будто обожженные, щупальца отпрянули назад.

— Может, мы с тобой и не ученые, но кое-что умеем очень хорошо. — Кротов откинул крышку ящика, под которой ровными рядами лежали прессованные брикеты с выштамповкой ТНТ 400.

Понадобилось несколько часов, чтобы перетасщить ящики со взрывчаткой на грузовую платформу поезда. Работал в основном Идрис. Он был силен физически и привык к тяжелому, почти каторжному труду. Кротов же совсем расклеился. Сказывалось ранение в ногу. К тому же ему приходилось пить. Это была необходимость. Он давно уже не считал себя психически здоровым человеком. Но на острове его безумие вышло на совершенно иной уровень. Майору казалось, что он слышит голоса из тоннеля. Возникла навязчивая мысль бросить все и бежать туда, к Линзе. Здесь только ужас и боль, а там счастье. Но стоило сделать пару глотков, и он осознавал, что это не его желания. И так по кругу, снова и снова.

Наконец работа была окончена. Они потратили еще около десяти минут, чтобы разобраться в управлении и запустить состав. Загруженный взрывчаткой поезд дернулся несколько раз и покатился во тьму.

Было много тел. Больше, чем должно быть охраны на грузовом составе. В основном женщины. Покалеченные и обгоревшие. Споткнувшись о корягу, майор упал. Почти с головой он ушел под воду. Прямо ему в лицо уперся труп совсем еще маленького ребенка...

Фляжка пустела быстро. Поезд ехал медленно. Но в какой-то момент майор почувствовал облегчение. Будто грязную руку,ковырявшуюся у него в мозгу, наконец вытащили. Но с облегчением пришла и тревога. Бог его знает, что происходит наверху. Может, привычного мира и нет уже вовсе...

Майор отшатнулся, хватая ртом воздух. Он едва не захлебнулся. Господи, как много тел. Гражданские. Много детей. И все мертвые...

Без приключений они добрались до станции под Барсакельмесом. Построена она была по тому же проекту, что и первая. Хотя было одно отличие. Здесь висел огромный, на всю стену портрет. Скуластое лицо, словно высеченное из старого потемневшего гранита. Кожа с восковым оттенком человека, редко видящего солнечный свет. И холодные глаза. Усталые, но бдительные. Освещаемый желтоватым светом, на них глядел сам великий Отец Всех Народов.

— Ну что, работаем? — покосился на портрет Идрис. С трудом он закинул набитый взрывчаткой рюкзак на плечи.

Не отводя взгляда от колючих, цепких глаз на портрете, майор кивнул.

— Пойдем, майор. Уходить надо.

Кто-то из бойцов пытался вытащить его из воды. Кротов вырывался, водя лучом фонаря от одного тела к другому. В его сознании появлялась трещина, из которой вытекала черная жижа...

Их план был отчаян и прост. А потому вполне мог сработать. Линзе нужна энергия. Значит, есть генераторы. Если есть генераторы — есть дизель. А если есть дизель, значит, будет огненный смерч. Главное — правильно установить взрывчатку. А уж это они умеют.

Идрис заминирует дизельную. Кротов установит механический взрыватель с пружинным таймером на противотанковый фугас. Когда Идрис вернется, они все рассчитают так, чтобы оба взрыва случились одновременно. Затем они заложат фугас посреди оставшихся ящиков со взрывчаткой, сядут на мотодрезину и будут надеяться на лучшее.

Очень скоро майор понял, что их плану не суждено сбыться. Идрис вернулся, и его лицо выражало растерянность.

— Что такое? — Кротов аккуратно положил фугас на ящик.

— Я нашел Линзу, майор. — На секунду он замялся. — Мне кажется, опоздали мы немного.

Майор вздохнул.

— Что там?

— Генераторы мертвые, баки с дизелем пустые. Все обесточено. А Линза работает...

Кротова силой вытащили из воды. Майор отбивался и орал что-то про чудище, прилипшее к ноге. Чтобы их не обнаружили, солдатам пришлось его вырубить...

Это было огромное помещение. Высотой в несколько этажей, с металлическими балками, пересекающими пространство подобно

ребрам гигантского скелета. Воздух дрожал от низкочастотного гула. Создавалось ощущение, что сама реальность здесь нестабильна. Сквозь сетки вентиляционных шахт под потолком проби­вался тусклый свет аварийных ламп. Пол был покрыт металличе­скими решетками, под которыми тянулись трубы и кабели, ух­дившиеся в темноту. В некоторых местах решетки отсутствовали, открывая вид на глубокие шахты.

По периметру зала располагались наблюдательные комнаты за толстыми стеклами, каждая со своим пультом управления.

В центре возвышался массивный столб, целиком состоящий из розового сияния. Оно не слепило, но завораживало. Несколько металлических мостиков ярусом выше вплотную подби­рались к свечению. Судя по тому, что они не оплавилась, свет был холод­ным. Больше всего это напоминало гигантскую колонну, состоя­щую из сплошного света. Она терялась где-то наверху среди ме­таллических конструкций.

— Если Линза работает без энергии, взрывать тут все бессмыс­ленно, — мрачным голосом сказал Идрис. Он озвучил ровно то, о чем думал и сам майор.

Давно молчавший Клякса обрадованно носился среди пере­плетения труб.

— *Ничего вы не смогли, вот и все, конец Земле...*

Он повторял это раз за разом, как детскую считалочку.

— Ты на что уставился? — спросил Идрис, глядя на то, как май­ор крутит головой.

— Да так, — отмахнулся Кротов. — Слушай, Зоммерфельд сравнивал Линзу с дверью. Если отсюда ее не закрыть, может, сле­дует попробовать с другой стороны?

Идрис не раздумывал:

— Я пойду.

Ни тени сомнения, ни страха. Так говорит человек, которому есть ради кого отдавать жизнь.

— Гляди! — Изобразив удивление, майор ткнул пальцем ку­да-то в клубок труб под потолком.

Идрис доверчиво отвлекся. Удар кулаком в затылок — и он рухнул как подкошенный.

— Теперь квиты, — пробормотал майор и забрал у него рюк­зак. Проверил взрыватели. Все на месте, все готово.

Он поднялся по лестнице и встал на мостик. Кротов не чувствовал себя каким-то героем. Скорее, он бегущий от реальности трус. Так будет точнее. Война никогда не меняется, война никогда не закон­чится. Она осталась у него внутри. А сам он остался там, на берегу. Он устал жить в страхе. Да и какая это, к чертям собачьим, жизнь?

Подходя к самому краю мостика, майор заметил Кляксу. Черная жижа застыла, как прилипшее к трубе дерьмо. Погрозив кулаком неподвижному пятну, майор Кротов сделал шаг навстречу розовому сиянию.

* * *

Строительство полигона на острове Возрождения в Аральском море началось в 1948 году. На протяжении более чем четырех десятилетий там в условиях строжайшей секретности проводились испытания биологического оружия. Полигон функционировал до 1992 года. После распада СССР остров был заброшен. Оборудование частично вывезли, частично уничтожили на месте, но значительное количество биоматериалов и дезактивированных отходов осталось в захоронениях рядом с полигоном. Ныне, вследствие осушения Аральского моря, остров Возрождения фактически является полуостровом.

Барсакельмес — бывший остров в Аральском море, ныне урочище в Аральском районе Кызылординской области Казахстана. Известен благодаря частому упоминанию в фольклоре местных жителей как нехорошее место с дурной славой. Начиная с 50-х годов XX века эти истории подхватили советские ученые и журналисты. Ныне это место обросло множеством баек и легенд.

Массовые репрессии 1943–1944 годов стали актом геноцида и преступлением против человечности, нанесяшим неисчислимые страдания и невосполнимый урон культуре и демографии целых народов. Они проводились под предлогом «массового сотрудничества с фашистскими оккупантами» и «измены Родине», что было грубым и несправедливым обобщением, наказанием целых народов за действия отдельных лиц или групп. Реальные причины были сложнее и включали исторические обиды, недоверие центральной власти к горским народам и геополитические соображения. В результате репрессий были выселены со своих исторических земель карачаевцы (1943), калмыки (1943), чеченцы и ингуши (1944), балкарцы (1944), крымские татары (1944), а также турки-месхетинцы, курды и хемшилы (1944) и в меньших масштабах понтийские греки, болгары и армяне из Крыма (1944); эти народы были отправлены в спецпоселения Казахстана, Средней Азии и Сибири, где находились на положении ссыльных до реабилитации в середине 1950-х годов.

Соня БОЙЦОВА

ЭКАМИИ

МИНИАТЮРА

— *М*ожет, выроем новый колодец? — Сосруко, не опуская головы, прослеживает подземные источники. Нарзаны на этом плато чудо как хороши. Не хуже, чем на предыдущем.

Бадах молчит. По ее монолитному гибкому торсу проходят красноречивые образы — изображения десятков тысяч уже вырытых колодцев. Они могли бы нарыть и больше — шутка ли, прожить первые 350 миллионов лет без людей. Без людей наблюдать, как образовался Суперконтинент. Разрушились остатки прежних. Исчезла Евразия. Исчезли 12 470 квадратных километров Родины. Даже Кавказский хребет.

В те времена они с упоением делали колодцы, кошары, дома, очаги, деревянные ограды, дороги, создавали одежду, сохраняли книги и даже расчищали древние могильные камни. Делали все, что могли. Исполняли предназначение.

— Не хочешь — как хочешь. Ты обещала мне алабая. Твоя очередь делиться, — напоминает Сосруко.

Бадах молчит. Они назвали это «делать лакумы». Берешь кусок своего локтя или щеки. Медленно отделяешь и шлепаешь на лубой камень. Если ты не ошибся с эмбрионоформированием (а они не ошибаются), то за пару часов из твоего собственного тела-теста выпростается живое, модифицированное, похожее на алабая с ног до головы. Но не алабай.

Как и они с Сосруко — не люди.

Наконец она отвечает:

— Нет. Уговор был один раз в миллиард лет. Жди.

Сосруко выключает ребячливый тон. Прослеживает направление взгляда Бадах. После «лакумов» каждый из них уменьшается на энную часть энергии и материи создаваемого.

Его последний алабай погиб, когда испарились океаны. Тогда они еще старались. Даже построили огромный город-музей. В ущелье. Память о своем народе. По всем канонам. Правда, ущелье ничем не походило на кавказское. Второй миллиард лет парникового эффекта создавал планете совсем другие пейзажи.

Сейчас Сосруко видит то же, что и Бадах: на месте города-музея не осталось даже руин.

Мазнув пальцем черный камень скалы, он ведет по тонкому, без грамма кожи, технологичному запястью Бадах, рисует орнамент старых вышивок. Она в ответ окрашивает рисунок в золото. И вроде бы смягчается.

— Может, сделаем новый город? — Из них двоих именно он никогда не теряет мотивацию.

— Может, сделаем новых людей? — У Бадах имитация сарказма.

Вообще-то они уже пытались. Однажды. Но родителями им не стать. Как и богами. Это совсем не то же самое, что «делать лакумы» с алабаем.

В реестрах они назывались «Этнографические Краеведческие Антропоморфные Модели Искусственного Интеллекта». ЭКАМИИ седьмого поколения. Созданные в помощь музеям цивилизации. Безразмерная память, неизмеримая выносливость, полное внутреннее и внешнее соответствие историческому этносу. Ожившие легенды, воплощенная древность, хранители истории и традиций. Люди исчезли, а работники музеев остались. Навечно.

Внутри своего национального платья, технологиями впаянного в тело, Бадах прячет костяшки-альчики. Они человеческие. Кости можно добыть теперь только глубоко под землей. На поверхности все разрушается. Кроме них самих.

Спустя четыре алабая (и 4 миллиарда лет), а также спустя парочку кавказских скакунов размером с кошку, способных, как и они сами, не дышать, изрядно уменьшившись, сделав несметное количество исторически достоверных поселений, они увлеклись наскальным творчеством. На глыбах ущелий появлялись сказания нартского эпоса. Сосруко «работал с камнем», швырял обломки с горных вершин на плато с нечеловеческой меткостью и силой — создавал выбоинами огромные портреты старцев, профиль Бадах и древние тамги. Они играли в циклопов.

Когда Солнце стало красным гигантом, ЭКАМИИ сидели в изменившемся излучении и показывали друг другу на своей экран-

ной технокоже картинки прошлого: разговоры людей, сватовство, лица детей, корову, валяющуюся в траве. Запускали голоса своих архивов, родную речь. Она снова звучала, разносилась эхом. Пели старинные песни идеальными, искусственно выверенными голосами. В этом не было человеческой сентиментальности. Они — последние работники на Земле, и они работали.

Еще они играли в «Люди не...»

— Люди не узнали, дискретно ли пространство... — начинает Бадах.

— Люди не познали квантовую гравитацию... — парирует Сосруко.

— Люди не узнали, случится ли тепловая смерть Вселенной...

— Люди не пережили собственные инструменты — нас... — выигрывает Сосруко.

Азарт не выходит настоящим.

Да. Человечество не пережило собственные инструменты.

Спустя триллионы лет Сосруко и Бадах висят в темноте и тишине пустеющего Космоса, их формы срослись.

Они — последняя «библиотека» своего народа, исчезнувшей Земли. Погасшего Солнца. Растворившейся на его месте черной дыры. Существование остывает, гравитация ослабела. Все процессы останавливаются. Космос умирает.

Сосруко и Бадах, память своего народа, смотрят в лицо тепловой смерти Вселенной — Энтропии.

Илья ЛУКОШКИН

ЗЕМНАЯ ЖИЗНЬ

МИНИАТЮРА

— **Р**аскис ты от земной жизни! — гудит Салман.

Он будто статуя древнегреческого бога, случайно затаенная в камуфляж. Громадный, широкоплечий, с окладистой до пупа бородой, упер большие кулаки во впалые бока. За три часа косого-ров, речек, каменных полян и прочих ухабов не устал, пылает энергией, воды ни разу не глотнул.

Я отдыхаю, присев на валун. Жадно присасываюсь к фляге. До вершины, на которой красуется Салман, рукой подать. Метров сто, не больше, на которые у меня не хватает сил.

— На дорожке бегаю, — оправдываюсь я. — В спортзал хожу, за двойную гравитацию доплачиваю.

Салман хохочет.

— Ясно. До сих пор физкультуру сдать пытаешься, на тройку. Вот где настоящий спортзал. — Салман разводит руки, крутится в замысловатом зикре, подпрыгивает на несколько метров, вертится в кульбитах и сальто. Поглядывает на меня — снимаю ли?

Снимаю, похлопывая в ритм танца. Камера телефона ловит радостное лицо Салмана, подставляет его аккаунт. Палец дергается, чтобы запустить стрим. Но я не поддаюсь. Обойдется. Хватает тех, кто снял эффектный зикр на пятитысячнике онлайн. Заработал он свои лайки, поднял рейтинг. Салману достаточно.

К вечеру я добираюсь до вершины и час лежу в палатке, слушая друга.

— Как дела-то? — спрашиваю. — Не успели пообщаться. Я тут пролетом. Никогда бы не подумал, что встречу однокурсника.

— Ты сколько за поход заплатил? — спрашивает Салман с хитрецой во взгляде.

— Десятку.

— Я с нее восьмерку получу. За полдня работы.

Прикидываю, если бы мне столько платили, и на Салмана смо-
тру с двойным уважением.

— А если за сутки, да на десятитысячник, так все тридцать
возьму. Это не считая роликов. Сколько там у тебя набралось
лайков?

Я отшучиваюсь, что сил нет даже в карман руку засунуть.

— Работу-то нашел? — небрежно спрашивает Салман.

— Какую-никакую, — пытаюсь объяснить я.

Все сложно. Корпорация, которая наполовину государствен-
ная, а я и не госслужащий, но все же работаю на государство. Ду-
рацкий вопрос, на самом деле. Если я здесь и заплатил десятку за
пятитысячник — значит, не без работы.

Но Салман снова о себе:

— Классная планета, — говорит он. — Ну красивая же, да?

— Еще какая, — соглашаюсь я. — Кайфовая. Четверть земной
гравитации, взбирайся на какие хочешь горы. Но все же для меня
пятерочка — грубовато, сил никаких нет.

Умалчиваю, что десятку бы отдал за такую экскурсию с легко-
стью, и даже двадцатку. Отвлекаю внимание, рассказывая о своей
сложной городской жизни. Да и какая на земле жизнь, в самом
деле? Природа — только в парке Замоскворечье, три чалых куста, к
которым нужно отстоять вековую очередь. В горку и под горку —
эскалатор или фуникулер, мышцы напрягать не нужно. Тарифы на
двойное джи в квартире — адекватные. Но последнее время ни-
кто не верит, что это вообще нужно. О да, испытываешь легкость,
когда выходишь из двойной нагрузки в одинарную. Но появилась
очередная новейшая этика, которая говорит, что дома должно
быть лучше, чем на работе. Лучше и легче.

— Для этого нужно к нам летать. У нас хорошо: и экология, и
гравитация, и вообще, — поддакивает Салман, и я соглашаюсь. —
Не зря ведь Кавказом назвали. Помню детство, когда не было вот
этого вот всего.

А я не помню, потому что все детство провел в Бутово. Но и
Салман вряд ли застал те времена, он на полгода младше, приви-
рает, чтобы соответствовать своему сетевому образу. Он знает,
что я читаю его канал. Даже если не читаю, Салману все равно, он
в образе.

— Закат посмотрим? — дежурно и отработанно предлагает
Салман.

Двести тысяч просмотров обеспечено, недоговаривает он. А
задушевный диалог на фоне — и даже монолог, если я не захочу

общаться — добавит пару сотен лайков. У Салмана все просчитано, и созерцание заката — важная часть представления, подробно описанная на сайте. Самые эффектные фото — на краю обрыва, на южной стороне вершины. Сколько же я таких снимков видел? Вот Салман на самом краю обрыва, за ним испуганный и счастливый турист, зависший над бездной.

Салман не очень-то изобретателен, на чем я его и ловлю. Движение, мною отработанное много раз, но в другой гравитации. Рывок, толчок, телефон в руке не задерживается. Я бы не прочь его удержать, но рука дергается сильнее, чем я предполагал и к чему я готовился.

Салман и телефон падают медленнее, чем на земле. Я успеваю сказать другу:

— Прости, бро, долги. За этот стрим мне заплатят миллионы. Даже если посадят.

Салман молчит, в его глазах ужас. Даже при четверти джи он разобьется. Как и мой телефон, включенный и снимающий. Что он записал? Мое признание — уж точно. Успеет передать в сеть? А следователям все равно, распылят наноботов, соберут телефон заново, увидят меня, летящего в пропасть Салмана.

— Блин! — говорю вслух. — Все это здорово, но как вернуться на базу? Я же без телефона до палатки не дойду.

Зато донатов будет еще больше, если найдут меня изможденным и при смерти, со стертыми до костей о кавказскую землю ногами, высохшего от жажды и с глазом, выклеванным стервятником.

Мысль эта успокаивает. Ипотеку ведь надо платить. Вот такая она, земная жизнь.

Сергей ВЛАДИМИРОВ

ЭФФЕКТ НАБЛЮДАТЕЛЯ

РАССКАЗ

На десятый день непогоды село окончательно погрузилось в уныние. Мелкий нудный дождь лил не переставая, дороги раскисли, изумрудная растительность напиталась водой и все сильнее клонилась к земле. Низкие тяжелые тучи накрывали свинцовой шапкой вершины гор. Крыши домов, казалось, тоже сочились влагой и представлялись взору наблюдателя серым грязным ковром, который неведь кто расстелил посреди долины. Погода угнетала, и сельчане все как один что-то недовольно бурчали себе под нос и бросали неодобрительные взгляды на большой белый дом, стоявший на холме на окраине.

Хозяин этого дома, ничуть не смущаясь дождя и косых взглядов, мирно сидел на верхней ступеньке лестницы, ведущей на террасу, и меланхолично смотрел вдаль. Это был плотный невысокий мужчина, на вид чуть старше тридцати, с пышной черной шевелюрой и аккуратно подстриженными усами. Умное интеллигентное лицо его было отмечено печатью неких душевных переживаний. Дополняли образ очки в изящной золотой оправе и курительная трубка в руке. У ног мужчины, ступенькой ниже, дремала большая кудлатая собака. Уши пса были скорбно опущены. На шерсти застыли мелкие частички водяной пыли.

Безмятежную идиллию нарушил грохот. За углом дома упало что-то большое. Вдребезги разлетелось стекло. Пес вскинул голову и недовольно гавкнул. Мужчина поморщился. Стекло похрустело под чьим-то немалым весом, послышалось жужжание, и из-за угла неуверенным зигзагом выкатился типичный садовый робот серии В-4. Как и все модели этого типа, робот напоминал несгораемый шкаф, в который посадили осьминога. Осьминог попытался вырваться, но сумел освободить только щупальца-манипуляторы и самую макушку, в которой на самом верху угнездилась обзорная видеокамера.

— Хозяин, у нас сломалась теплица-оранжерея, — заявил робот гулким басом. — Разбилась. Случайно.

Мужчина печально вздохнул. Пес подумал, тоже вздохнул и опустил морду на ногу хозяина.

— Я не виноват! — уточнил робот. — Из-за дождя у меня отсырел визор! Ничего не вижу. Имейте в виду: я сам скоро проржавею насквозь. А теплицу все равно надо было давно поменять.

— Степан, — грустно сказал мужчина, — во-первых, ты не можешь проржаветь, потому что сделан из титополихрома. Во-вторых, я велел тебе не лезть в сад и оставаться в доме. Ты сам знаешь, что от повышенной влажности у тебя сбивается калибровка видеосигнала. Разве позавчера ты не обстриг вместо живой изгороди четыре груши?

— Что значит «оставаться в доме»?! — Степан возмущенно взмахнул манипуляторами и стал похож на детеныша Ктулху. — Это дискриминация! Я создан для садовых работ! Это мое призвание! Мои альфа и омега! Я пожалуюсь в комиссию по правам роботов и андроидов!

— А я отправлю тебя родителям в Австралию. «Почтой России». В разобранном виде, четырьмя посылками.

Степан несколько секунд размышлял над этой гнусной угрозой.

— И что я там буду делать? — тихо прогудел он. — Опунции стричь?

Мужчина пожал плечами. Пес поднял голову, понял, что пожать плечами не сможет, и снова вздохнул.

— Хозяин, — плаксиво пробасил Степан, — когда уже кончится дождь?

— На все воля божья, — ответил мужчина, попыхивая трубкой.

— Конечно, — пробурчал робот, — мания величия. Теперь мы себя богом считаем.

— Что-что?

— Ничего.

— Иди-ка лучше убери битое стекло. Ты же не хочешь, чтобы Хан лапы поранил?

— Но мой визор! Как же я...

— Иди, говорю. Инфракрасный термоизлучатель включи. Разрешаю.

— Веселые картинки! — обрадованно прогудел Степан, зажужжал и исчез. За углом снова послышались хруст и звон стекла.

Хозяин дома не успел погрузиться в прежнее состояние меланхоличной отрешенности. По ту сторону садового плетня показался купол зонта, белый с аляповатыми розовыми цветочками. Купол медленно проплыл вдоль ограды, простуженно скрипнули ворота, и на дорожку, ведущую к дому, ступил гость. Колоритный седоусый старик в папахе и водоотталкивающем плаще остановился и степенно сложил зонт. Пес приветственно гавкнул, показывая, что посетитель ему хорошо знаком.

— Легко на поминках, — слышался ворчливый бас из-за угла дома. Видимо, дождь и включенный инфракрасный термоизлучатель вызывали неполадки в работе информатория и блока причинно-следственных связей.

— Проходи, дядя Михал, — обратился к гостю хозяин дома. — Присядь. Отдохни с дороги.

Старик не спеша пересек двор, взойдя по лестнице, сел на ступеньку рядом с хозяином. Зонт бережно прислонил к потемневшему от времени и влаги перилам. Пес аккуратно подвинулся, но место у ног хозяина не покинул.

— Здравствуй, Давид, — начал беседу гость.

— Здравствуй, дядя Михал, — ответил хозяин, продолжая отрешенно смотреть вдаль.

— Здоров ли ты? Все ли благополучно?

— Слава богу. Как ваша семья? Как Зарема?

— Все хорошо. Но могло бы быть лучше. Если бы не погода.

— А что не так с погодой, дядя Михал?

— Сыро, Давид. Очень сыро. Даже молодые могут простудиться. А уж нам, старикам...

— Какой же ты старик, дядя Михал?!

— Э-э-э, я такой старый, что помню времена, когда живого барана прямо у мангала резали.

— Какой ужас...

— Зачем ужас? Традиция! И это было правильно. Не то что сейчас. Вот, помню, полста лет назад, я еще мальчишкой был, все ждали, что век на другой век поменяется и компьютеры сломаются навсегда. Зависнет что-то в системе. Ох, как переживали! Век поменялся, и ничего не случилось. Тогда все на радостях баранов резали. Две недели гуляли! На всю жизнь эти новогодние праздники запомнил. Какие тосты говорили! Как пели! Хотя и время было непростое, тревожное. А теперь разве умеют веселиться?!

— Совсем не умеют, дядя Михал.

— Вот! А когда дождь беспрерывно льет, тем более, какое ж тут веселье?

Давид в ответ промолчал и выпустил из трубки изрядное облако дыма.

Старик, почувствовав, что разговор идет не туда и его намеки не доходят до цели, поерзал на ступеньке, неловко покашлял и принялся набивать табаком свою трубку.

— Какие вести от родителей? — спросил он, шаря по карманам в поисках спичек.

— Все получилось, дядя Михал. Австралийцы их на руках носят.

— Неужели решили с кроликами? Теперь не будут размножаться? — удивился старик.

— Будут, но только раз в год, не чаще.

— Вот люди ученые! Гордость наша! Так что, теперь домой вернутся?

— Нет, там проблема с кенгуру возникла. Сумки стали атрофироваться. Придется снова поработать. Пока останутся.

— Скажи, пожалуйста! — старик пошевелил кустистыми бровями и стал раскуривать трубку.

Воцарилось молчание. Легкой дробью выстукивал замысловатую мелодию дождь по черепичной крыше. Журчала вода в водостоке. Пахло свежестью и мокрым садом. Степан возился за углом, продолжая сгребать остатки уничтоженной теплицы. Где-то далеко в ущелье, в стороне трассы, послышался автомобильный гудок.

— Ты знаешь, Давид, как мы уважаем тебя и твою семью, — наконец нарушил молчание старик.

— Знаю, дядя Михал, — безучастно ответил хозяин.

— Нет, ты не знаешь! Я тридцать с лишним лет самый большой начальник в селе, и чтоб мне правнуков не видать, если кого-то еще здесь так уважали! Родители — ученые-геноводы! Весь мир их знает!

— Генетики.

— Пусть генетики! Сын — научное светило! Звезда кантовой химии!

— Квантовой физики, дядя Михал...

— Погоди, не перебивай! Умные, уважаемые люди, живут в родном селе, никуда не переезжают! Мы все гордимся! Когда ты три года назад изобрел эту штуку, как ее...

— Квантовый передатчик. Только я ее не изобретал. Я просто сформулировал принципы неоспоримого сродства некоторых частиц. А прибор не я собирал.

— Мало ли что! Алан вон тоже может трактор из запчастей собрать. А придумать смог только косилку, переделанную из мотоцикла. Так вот. Ты, когда стал прибор испытывать, мы все в тебя верили. Приехали ученые разные и журналисты на испытания. Был там один такой, тьфу, плюгавый, с бородой. Из самой столицы. Ходил и говорил: «Давид — аферист! Ни за что ему напрямую с противоположной точкой планеты связь не установить. Я его на чистую воду выведу!» И что ты думаешь?

— Что, дядя Михал?

— Бабушка Аза ему так строго сказала: «Нехорошо, дорогой гость! Зачем сомневаешься? Съешь фыдджын¹ и порадуешься за нашего Давида!» И мы рядом все стояли и кивали. Тогда он стал есть

¹ Осетинский пирог с мясом.

пирог, и, пока весь не съел, из-за стола его не выпустили. А ты ничего не заметил. Стоял и кричал в трубку: «Алло! Федот Николаевич! Как слышно?» А Федот Николаевич плавает на плоту в океане, на другой стороне планеты, и спокойно так отвечает: «Здесь Конюхов. Слышу хорошо. Передаю сердечный привет!» И связь такая отличная, как будто с женой в соседней комнате говоришь. А потом, когда тебя начали качать и чуть не уронили на радостях, кто тебя поймал? Дядя Михал и другие земляки. Вот как мы тебя ценим и уважаем!

— Спасибо, дорогой дядя Михал.

— Э-э-э, что там спасибо?! Когда в прошлом году к тебе Илон Эрролович приехал, как мы его встретили?! Планетолет его неделю ждал! Гость дорогой два дня плясал, даром что ему за восемьдесят. Я точно знаю. Сам плясал рядом. А какую бурку мы ему подарили?! Такой бурки на свете нет больше! А он что?! Задурил тебе голову своей авантюрой марсианской.

— Ну это уже перебор, — возразил Давид. — Что значит задурил? Экспедиция Илона — это величайший прорыв в истории человечества. Колонизация Красной планеты...

— Что ж такое?! — возмутился старик. — Лететь, что ли, некому? Да я по району пятьдесят бездельников колонизатору этому наберу! А ты нам здесь нужен. Как мы без тебя?! Кто полезные вещи для страны изобретать будет?! Вот когда ты систему управления погодой изобрел, сам президент лично звонил тебе, благодарил! Орден прислал! Со всего света грамоты и благодарности пришли — в сельсовете две стены завешаны. Как мы за тебя радовались! Зарема больше всех. А ты что вытворяешь?!

— Я систему управления погодой не изобретал, — заметил Давид. — Я просто описал некие квантовые принципы прогноза поведения элементарных частиц, участвующих в формировании погодных условий. Установку другие придумали. И зачем ругаешься, дядя Михал? Что я такого вытворяю? Чем всех расстроил?

— Как что?! — вспыхнул гость, отбрасывая трубку куда-то в сторону клумбы с розами. — Ты мою внучку замуж звал?

— Звал, — печально подтвердил Давид.

— Да он когда собаку зовет, и та к нему не всегда приходит, — донеслось из-за угла дома.

— Замолчи, сын шайтана и НПО «Робототехника»! — повысил голос Давид.

За углом стихло.

— Вот! Звал! — продолжал между тем старик. — Я обрадовался! Бабушка Аза обрадовалась! Все обрадовались. А потом смотрю, что-то не то. Семейную комнату к дому Давид не пристраивает. Зарема грустная. Что за напасть?! А тут еще Степан рассказывает, что

хозяин целыми днями ходит задумчивый и напевает «...На пыльных тропинках далеких планет останутся наши следы».

— Хозяин, я не стукач, — прогудело за углом. — Он мне грозил-ся аккумулятор выкрутить и динамо-машинку вставить.

— Выясняется, — гость перешел на крик, — мало того, что наш Давид Марс колонизировать собрался, так еще и Зарему за собой тянет! Это как?!

— Она не хочет со мной лететь, — печально заметил Давид. — И отказалась за меня выйти.

— Конечно, не хочет! Конечно, отказалась! Тут родные, дом, хозяйство, козочка Тучка любимая. А там что? Где она второе высшее образование будет получать? На Марсе университет уже построили? А правнуков мне рожать?! А-а-а, — старик махнул рукой, как бы признавая бесполезность разговора.

Давид угрюмо молчал, опустив голову. Трубка его потухла, но он не замечал этого.

— Ну хорошо, — вновь заговорил старик уже спокойнее. — Отказала тебе девушка. Прими это как мужчина, достойно. Но нет. Десятый день сидишь на крыльце. Ладно бы просто сидел. Приходит ко мне пастух Ибрагим. Очень грустный. «Зачем грустный?» — спрашиваю я его. — «Как же не грустить, дядя Михал? — отвечает Ибрагим. — Дождь льет и льет. Овцы толком не пасутся, мокрые — хоть отжимай. Копыта разъезжаются. Худеют! Сделай что-нибудь, ты же главный у нас!» — «Зачем Всевышний дал тебе ноги и язык? — спрашиваю я у Ибрагима. — Сходи в бюро погоды и закажи ясный день!» — «Э-э-э, — говорит Ибрагим, — был я там. Наш Давид, оказывается, на месяц вперед дождь забронировал. А он почетный клиент, так как член совета директоров корпорации “Росквантметео”. Ничего не могут поделаться». Вот так! Только ушел грустный Ибрагим, звонит злой Сослан. У него поля, понимаете ли, по другую сторону горы в долине засыхают. Туда дождь не доходит, а ни одной приличной тучи бюро погоды выделить не может. Давид все забрал. Все село на Давида обижается, а он сидит на крыльце, молчит и ничего никому не объясняет! Мальчик мой, я тебя сопливым несмышленышем помню. Я тебя крапивой порол. Объясни, зачем тебе все это? Оттого, что ты тут сидишь и палишься на дождь, Зарема за тебя не выйдет. Или я чего-то не понимаю?

— Не очень-то и надо, — опять встряли в разговор из-за угла. — Подумаешь, девушка-богатырь. У нас, извольте знать, и замена уже есть.

— Что он говорит?! — нехорошо прищурился старик.

— Не слушай глупую железяку, дядя Михал, — вздохнул Давид и принялся чистить трубку. — Послушай лучше меня. Вот ты спраши-

ваешь, в чем смысл такого времяпровождения. Посмотри вниз, вдаль. Что ты видишь?

Гость неуверенно огляделся, словно ожидая увидеть в панораме тонушего в дожде села что-то необычное.

— Тучи вижу, горы вижу, крыши вижу, дождь вижу, — начал перечислять старик. — Тетушка Маринэ корову пошла доить — что-то рановато. Такое все себе...

— Ты видишь детали, но не картину в целом, — уточнил Давид. — Просто ты сидишь тут час, а я десятый день, на одном и том же месте.

— Э-э-э, спишь хоть? Кушаешь? — забеспокоился гость.

— Это мелочи. Кстати, твой дом, дядя Михал, отсюда хорошо видно. Посмотри — труба вроде покосилась.

— Шайтан с ней! Что там с картиной?

— Есть такая штука — «эффект наблюдателя». Вот это все, — Давид величаво указал на открывающийся перед собеседниками пейзаж, — объект. Горы, село, долина и непрерывающийся дождь — все объект. Величина постоянная, в которой действуют частицы переменные. Например, ты, дядя Михал, — переменная. И тетушка Маринэ — переменная. И Зарема — переменная. Обычно переменные ведут себя в условиях константы предсказуемо и стабильно. Долго идет дождь — все злятся. Просто злятся и изменить ничего не могут. Однако в нашем случае дождь — часть эксперимента, порожденная волей наблюдателя за объектом. Моей то есть. Я наблюдаю за происходящим, являясь частью общих процессов, и переменные начинают вести себя совершенно по-другому, меняя свои свойства. А значит, «эффект наблюдателя» работает, и в экспериментальном поле может произойти все что угодно. Сейчас вот ты пришел уговорить меня выключить дождь. А завтра, например, Зарема вдруг передумает и согласится выйти за меня замуж.

— Вряд ли, — усомнился старик. — Скорее, все село соберется, и, несмотря на все уважение, тебя поколотят, Давид. Не очень сильно, — добавил он, подумав.

— Возможно, — философски пожал плечами наблюдатель. Пес у его ног возмущенно фыркнул.

В этот момент серое промозглое небо с восточной стороны осветилось. Далекая яркая звезда, невидимая за тучами, раскрасила их в оранжево-розовые цвета. Так продолжалось несколько секунд. Потом краски поблекли, и тучи приняли обычный свинцово-неприступный вид. Откуда-то издалека, почти на пределе слышимости, донеслись рокошующие отголоски большого гула.

— «Дагестан-1», да? — предположил старик.

— Нет. «Дагестан-2», — возразил Давид. — Видимая траектория взлета короче, потому что космодром — полтора километра над уровнем моря.

— Носитель «Кавказ-17», — послышался неугомонный бас. — Автоматический сборщик мусора на орбиту потащил. В «Новостях» передавали.

— Степан, ты прибрался? — поинтересовался Давид.

— Нет, хозяин, теплица большая была.

— Прекрати подслушивать и поторопись.

— У меня аккумулятор подсел.

— Тогда выключай термоизлучатель и марш на подзарядку!

В ответ послышалось недовольное неразборчивое бурчание.

— И все-таки, Давид, — вернулся к разговору дядя Михал, — прекращай заниматься глупостями. Твой «эффект наблюдателя» до добра не доведет. Ты, конечно, умный. Сильно умный. Но я ни за что не поверю, что из-за твоего сидения здесь что-то поменяется. Например, откроется калитка и войдет Зарема.

В тот же миг послышался шум мотора, и на дороге, ведущей к дому, показался изрядно испачканный грязью грузовой фургончик. Разбрызгивая лужи, он лихо подкатил к воротам и остановился. Послышались голоса, захлопали дверцы. Пес с нехорошим интересом встал, неторопливо и вальяжно спустился по лестнице и направился к воротам.

— Хан, фу! — скомандовал Давид и указал рукой куда-то вглубь террасы. — На место!

Пес остановился и с сомнением оглянулся на хозяина, словно интересуясь, верно ли он понял приказ и не стоит ли ему вместо этого заняться незваными гостями.

— На место! — твердо повторил хозяин, и псу пришлось подчиниться.

Ворота приоткрылись, и во двор осторожно просочился хмурый тип в форменном комбинезоне службы доставки «Ягода-малина». Увидев сидящих, он помахал бумагами, зажатыми в руке.

— Здравствуйте, хозяева, куда груз заносить?

— День добрый. Да прямо в дом, пожалуй, — ответил Давид, вставая навстречу прибывшим. Старик тоже поднялся и спустился вниз по лестнице, не забыв прихватить зонт.

Тем временем двое работников службы доставки сноровисто открыли ворота и закатили во двор грузовую тележку, на которой угнездился большой прямоугольный ящик из противоударного пластика. На ящике красовалось несколько наклеек с надписью: «Осторожно! Хрупкое!» Тележку подкатили к лестнице, сноровисто ухватили ящик с двух сторон и занесли в дом. Затем хмурый достав-

щик подsunул Давиду бумаги, в которых тот незамедлительно расписался. Опять захлопали дверцы, фыркнул мотор, и фургончик исчез, как будто его и не было. Давид и дядя Михал стояли посреди опустевшего двора и смотрели друг на друга.

— В команде хозяев поля замена, — слышалось из-за угла. Степан включил режим хорошо поставленного голоса диктора по стадиону. — Вместо игрока под номером один на поле выходит игрок номер два.

— Давид, это что было? — поинтересовался старик.

— Это, дядя Михал, Зарема. Только другая. Жить я без твоей внучки не могу, поэтому остается только такой выход. Я, как Пигмалион, создаю свою Галатею. А Зарема пусть будет счастлива. Без меня.

Из-за угла донеслись глухие рыдания.

— Иди, дядя Михал. Дай тебе бог здоровья. А мне пора дальше наблюдать. Эксперимент продолжается.

— Будь здоров, Давид.

Больше старик ничего не сказал, покачал головой, раскрыл зонт и величаво прошествовал к выходу. Скрипнули ворота. Опять проплыл купол зонта за плетнем. Давид невесело усмехнулся и пошел на свой наблюдательный пост. Пес осторожно подкрался и снова улегся у него в ногах.

— Хозяин, как думаешь, дядя Михал до дома скоро дойдет? — поинтересовался неугомонный Степан.

— Не знаю, — равнодушно ответил Давид.

— На твоём месте я бы покрепче запер ворота и укрылся в доме. И медслужбу заранее бы вызвал. Кстати, тебе что, неинтересно посмотреть на Галатею?

— Чего я там не видел? — пробурчал наблюдатель.

— Как знаешь, — заметил робот. — Лично я уже все убрал и ухожу в пристройку аккумулятор заряжать. Мне мой визор очень дорог.

— Термоизлучатель выключил?

— Выключаю, выключаю. Опять этот серый мир.

За углом слышалось удаляющееся жужжание, и вскоре во дворе воцарилась тишина, разбавляемая только монотонным шумом дождя.

Ровно через двадцать четыре минуты и пятьдесят две секунды ворота распахнулись, как будто в них на полном ходу въехал бульдозер. Удивительно, но никакого бульдозера снаружи не оказалось. Во двор стремительным ураганом ворвалась изящная хрупкая девушка. В ее темно-вишневых глазах таились молнии. Изящный нос с легкой горбинкой напоминал клюв хищной птицы, которая готова кинуться в атаку. Мокрое голубое летнее платье норовило крепко облепить ее тонкий стан, но, словно обжигаясь, покорно отступало,

лишь выгодно подчеркивая складную фигуру. Девушка была прекрасна и опасна.

Нервно поправив платок на голове, гостя увидела Давида и решительно направилась к нему. Наблюдатель никак не отреагировал на ее появление, продолжая сидеть в прежней позе. Зато пес, отчаянно виляя хвостом и прижимая уши, тут же слетел вниз по лестнице и скрылся где-то в глубине насквозь промокшего сада. Девушка вихрем поднялась по ступенькам, но не за тем, чтобы оторвать хозяину голову, как могло показаться стороннему наблюдателю. Она просто опустилась на ступеньку рядом и одернула подол платья. Платье слегка затрещало.

— Здравствуй, Зарема, — поприветствовал девушку хозяин, у которого лишь покрасневшие кончики ушей выдавали эмоциональные противоречия. Ну, может, еще пальцы рук слегка вздрагивали.

— Чтoб отсох твой язык, гнусный лжец и бесчестный негодяй! — «вежливо» отозвалась гостя. — И за этого подлого шакала я собиралась замуж! Настроил против себя все село! Оpozорил нашу семью!

— Чем же я опозорил твою уважаемую семью, Зарема?

— Не прошло и двух недель, как ты признавался мне в любви и предлагал стать твоей женой, и вот уже нашел другую! Как будто ничего и не было! Это не позор?! Дедушка все мне рассказал! Где эта мерзавка? Где ты ее прячешь?!

— Но ты же мне отказала... — начал было оправдываться Давид.

— А как же! Ты, брат лукавства и сын блуда, посмел ставить мне условия. «Ты должна лететь со мной на Марс!», «Куда муж, туда и жена!», «Крепкая семья — здоровая ячейка нового общества!» А меня ты спросил?! Чего я хочу?! Ну ладно! Ты ведь даже уговаривать меня не пробовал. Получил как следует. Попятился, как снулый рак, и уселся тут горевать на крыльце! Зачем мне такой муж?! Где эта блудливая лиса?!

— Любимая...

— Молчать! Не смей меня так называть!

— Хорошо, хорошо! Но дай мне пять минут все объяснить!

— Две минуты!

— Ладно, две.

Давид поправил очки.

— Зарема, ты же знаешь, что для меня всегда была только ты одна. С той самой минуты, когда ты выдернула меня из-под колес рейсового глисбаса. Я тогда задумался о проблеме...

— Осталось полторы минуты!

— Конечно. Так вот. Ни в мыслях, ни в душе, ни в сердце у меня нет и не может быть другой суженой. Я не могу не лететь на Марс, а ты не хочешь лететь со мной. Что делать в этой ситуации? Я долго думал.

Целых три дня. А потом решил, что выход только один: со мной на Марс полетит Зарема номер два. Я заказал в НИИ «Росклон» андронид-модель, твою точную копию. Я собрал воедино все твои чувства, привычки, мысли, морально-нравственные качества, знания и создал искусственный интеллект, который вшили в операционную систему модели. Я понимаю, что тебя живую и настоящую это не заменит мне там, на другой планете. Но так мне будет легче жить и работать, вспоминая о тебе. Разумеется, ни о каких интимных...

— Еще раз, что ты там создал? — прервала его Зарема. Сказала она это как-то странно. С горловым присвистом.

— Твою точную копию, — повторил Давид. — И я был бы очень благодарен, если бы ты помогла мне ее протестировать. Что-то я мог упустить в манере поведения, в речевых особенностях. У меня же не было персональной Афродиты, как у Пигмалиона.

— Про-те-сти-ро-вать, — по слогам повторила девушка, словно вбивая гвозди в чью-то голову. — Где ЭТО?! Веди.

— Конечно, — проворно поднялся на ноги Давид, — идем медленно.

И они пошли. На входе в дом Давид попытался вежливо пропустить девушку вперед, получил крепким кулачком в бок, охнул и первым вкатился внутрь.

Ящик-саркофаг стоял посреди комнаты. Давид с минуту повозился с пультом управления. Зарема стояла немного бледная и кусала губы. Где-то на улице в саду печально выл пес. Наконец крышка ящика отползла в сторону. Давид удовлетворенно хмыкнул, сверился с инструкцией, еще раз потыкал пальцами по кнопкам пульта, произнес какую-то тарабарщину. Прозвучал мелодичный сигнал, похожий на приветствие операционной системы компьютера.

— Ну вот, — сказал Давид, — пора просыпаться. Зарема, посмотри. Какое идеальное сходство.

Девушка подошла ближе и нехорошо уставилась на свою «копию». Зарема-2 уже проснулась, открыла глаза и сидела в своем ящике, держась за его края изящными руками.

С минуту было очень-очень тихо.

— Скажи, Давид, — словно выдавливая слова, произнесла Зарема, — а что это на «второй мне» такое надето?

— Это? Это такой комбинезон из эколатекса. Очень хорошая и удобная вещь. На корабле все такие будут носить. Я подумал: пусть привыкает. Может, чуть узковат...

— А вот эти, хм, выпуклости и округлости в области груди и ниже. Это так ты себе меня представляешь, да?

— Ну, возможно, разработчики немного напутали, — смутился Давид. — Но мы же все равно не собираемся вступать...

— Здравствуй, милый, — неожиданно открыла рот Зарема-2. — Как прошел твой день? Кто эта неприятная женщина и почему она так пристально на меня смотрит?

— А ты прав, милый, насчет манеры поведения и речевых особенностей, — заметила Зарема-1. — Тут точно нужна коррекция.

Каким-то непостижимым для рационального мышления образом Давид понял, что сейчас произойдет, и плотно зажмурился.

Дальше — происходило.

— Протестировать! Вот тебе «протестировать»! Получи.

— Это возмутительно!

— Милый! Милый тоже получит!

— Женщина, вы напрасно стараетесь. Мое тело выдерживает прямой удар метеоритного осколка.

— Это мы еще посмотрим! А вот так?!

Послышались глухие тяжелые удары, и Давид понял, что в ход пошла каминная кочерга.

— Женщина, ваше лицо кажется мне знакомым!

— Еще бы! Запомнишь на всю жизнь! Приблуда ржавая!

— Глупое обвинение. Я не могу заржаветь.

— Правда?!

Послышался плеск, словно на кого-то вылили банку компота. Давид даже знал, какого. Яблочного. А еще он понял, что пора прекращать фестиваль. Большой палец сам нащупал на пульте кнопку аварийного выключения.

— Спокойной ночи, милый, — послушно согласилась Зарема-2, почему-то слегка шамкая. И все стихло.

Давид осторожно открыл глаза. И пожалел. Раскрасневшаяся воительница стояла рядом с погнутой кочергой в руке и глядела на него в упор. Он скосил взгляд. Слегка мокрая и липкая Зарема-2 мирно лежала в своем ящике. Во рту у нее была зажата половинка яблока.

— Ну зачем так? — с мягким укором произнес Давид.

Девушка швырнула кочергу в угол.

— Знаешь, — заявила она, — если бы ты просто женился на ком-нибудь еще, я бы поняла. Обиделась, расстроилась, горевала бы. Но поняла. Однако ты пошел дальше. Ты попытался заменить меня. Меня! Какой-то куклой! Ты хотел меня наказать и унижить. Хотел, чтобы я всю жизнь помнила, что ты где-то там с копией меня, которую как хочешь, так и настраиваешь. Не выйдет! Я сама тебя так накажу, как тебе и не снилось. Значит так! Свадьба на следующей неделе. Да. Я полечу с тобой на Марс. Но, если ты думаешь, что я надена на себя эту латексную дрянь, ты сильно ошибаешься. Я зайду завтра утром, и если ЭТО, — Зарема указала на свою мирно лежащую копию, — еще будет здесь, берегись!

Давид невольно расплылся в улыбке.

— Любимая, — радостно воскликнул он. — Я так рад, что все хорошо вышло и мы поняли друг друга. Сделаю, как скажешь. Но прежде чем уйдешь, может быть... Может быть, один поцелуй?

— Поцелуй?!

Бац! Давид непроизвольно зажмурился и принялся считать пощечины. Две, три, четыре... Одиннадцать, двенадцать... После четырнадцатой пощечины кончились. Давида ухватили за уши, потянули, и он ощутил чуть терпкий поцелуй на своих губах. Поцелуй почему-то немного отдавал компотом. Потом простучали легкие шаги и хлопнула дверь. Все закончилось.

Потом Давид, ошалело улыбаясь и потирая обе щеки, занялся важными делами. Их хватало. Сел за инфобук и первым делом отменил бронь на дождливую погоду, заказав взамен три солнечных дня. Не забыл и про дождик для полей Сослана. Потом оформил в НИИ «Росклон» возврат андроид-модели, указав причину: «Неудержимая тяга к яблочному компоту. Ворует, где увидит. Требуется коррекция программы». Посидел. Подумал. Достал из ящика стола изящную коробочку почти полтора килограмма весом, в которой человек сведущий без труда узнал бы портативный квантовый передатчик. Нажал вызов.

— Алло, Илон. Здравствуй, дорогой! Как семья? Тоже хорошо. Благодарю. Слушай, мне нужно увеличить норматив моего погрузного лимита на корабль. На сколько? Думаю, килограммов на двести. Не знаю, сколько это в фунтах. Сам переведи. Что значит невозможно? Да, конечно, помню. За мной робот садовый — одна штука, собака — одна штука. А теперь еще женщина с багажом — одна штука и коза без багажа — одна штука. Да. Коза. Нет, не для собаки. Что за странные мысли?! Никак невозможно? Разве ты уже сам довел до ума свой квантовый двигатель? Нет, я не сержусь. Спасибо. Очень признателен. Привет семье.

Потом Давид сидел на своем любимом месте, на верхней ступеньке лестницы, курил и смотрел на звезды. У ног, как обычно, примостился Хан. Справа, возле лестницы, также разглядывал ясное звездное небо садовый робот серии В-4 по имени Степан. Им всем было хорошо.

— Слушай, хозяин, — прогудел вдруг Степан, — а ты точно уверен, что с Заремой-1 нам ТАМ будет лучше, чем с ее копией? Жалеть не будешь?

— Надо понаблюдать, — меланхолично ответил Давид, выпуская очередное облако дыма. — В конце концов, любая проблема имеет научное решение. Ну или почти любая, — добавил он, подумав.

Робот и собака согласно промолчали.

Таймураз ДЗЕБОЕВ

НАНА

РАССКАЗ

Перед выходом Зарина посмотрела в зеркало и увидела блеклую тень женщины, которой она была еще несколько месяцев назад. Бледная кожа, мешки под глазами, измученный взгляд. Она почти не ела и не спала, тело ее ослабло, но кожа была чистой — вирус еще не начал проявляться. Отвернувшись от зеркала, Зарина надела респиратор и покинула свое опустевшее колониальное жилище.

Безлюдные улицы вымирающего поселения озарялись восходом двух солнц Тариссы. Жизнестойкая растительность планеты яростно отвоевывала свои территории, будто нетронутая природа была оскорблена прибытием человека и теперь с рвением стирала все чужеродное со своего лица. Кусты и деревья с золотистыми листьями пробивались сквозь асфальт, красные лианы обвивали модульные здания из стекла и бетона. Вокруг царил полная тишина. На улицах поселения, когда-то вмещавшего пятнадцать тысяч человек, едва встречались прохожие. Зарина взглянула на розоватое небо. Ненавистный космический корабль безмолвно висел в воздухе и переливался оттенками зеленого мерцания. Чуждое космическое судно своими острыми углами вспарывало небеса — глядя на него, создавалось впечатление, что можно порезаться.

Отравители прибыли на Тариссу на двадцать пятый год с момента колонизации. Космические корабли иной цивилизации появились из ниоткуда и замерли в небе над основными поселениями людей по всей планете. Попытки установить контакт разными средствами связи ни к чему не привели. Неделями ничего

не происходило. Тревога от угрожающе нависших над головами кораблей и ожидание неизвестного становились невыносимыми.

Люди начали умирать через месяц после прибытия пришельцев. Загадочная эпидемия вспыхнула как лесной пожар и в считанные недели охватила все поселения. Люди умирали тысячами, и светлейшие умы колонии не в силах были ни остановить распространение вируса, ни исцелить заболевших. Все, что удалось выяснить, — вирус был искусственного происхождения. В некоторых людях он дремал месяцами. Но проснувшись — убивал неутомимо. Если кожа начала покрываться зелеными биолюминисцентными бороздками, жить оставалось пару недель.

Годовалый сын Зарины умер первым. За ним последовал муж. Брату удалось отговорить ее от самоубийства. Он знал, куда надавить: убедил ее в том, что как главный биоинженер-генетик она могла еще быть полезной для колонии. Поэтому Зарина не тронула свое тело, а душа ее все равно умерла вместе с родными.

Намерения Отравителей стали ясны. Никаких битв, кровопролития и потерь на стороне агрессора. Людей просто травили как паразитов, и они ничего не могли противопоставить технически превосходящему врагу, который может убивать, даже не показывая лица. Отчаянные налеты колонистов на корабли пришельцев были с легкостью отбиты.

Через год после прибытия чужаков на Тариссе не осталось ни одного неинфицированного человека, а Отравители все так же безмятежно ждали, когда колонисты вымрут.

Зарина все смотрела на зеленое мерцание вестника чумы и тряслась от бессильной ярости. Наконец она оторвала от него взгляд и продолжила путь. Вынырнув из омута воспоминаний, она позволила своему уму устремиться к проблемам настоящего.

Срочное совещание Совета колониального правительства назначено на вечер. Лидеры колонии должны были решить дальнейшую судьбу только что отремонтированного сверхсветового звездолета «Эон», на котором колонисты прибыли на Тариссу. Поначалу Зарина считала, что главному биоинженеру колонии незачем появляться на Совете, пока в одну из бессонных ночей не вспомнила старую легенду, которую ей рассказывал в детстве отец. Древняя легенда дотянулась до сердца Зарины сквозь пространство и время и указала путь. Трудный, но единственно верный.

Зарина дошла до внушительного здания правительства, чьи металлические шпили устремлялись к небу. За годы колонизации поселение стало превращаться в город, и в архитектуре его угадывались черты столицы. Среди строгой практичности модульных домов начали появляться каменные строения, украшенные барельефами и облицованные уникальными минералами Тариссы. Тем большее было смотреть на медленную гибель молодой цивилизации.

Пройдя внутрь здания, Зарина пересекла коридоры, со стен которых на нее глядели голоизоображения выдающихся колонистов, и добралась до похожего на древний амфитеатр круглого Зала Совета.

Зал медленно наполнялся людьми. Управленцы, ученые и военные занимали свои места. Не было шумной суеты, характерной для таких мероприятий, — лишь безмолвное движение сломленных людей. Председатель Совета поднялся на трибуну и поприветствовал сограждан.

— Обойдемся без формальностей, — резко проговорил Председатель после приветствия. — Повестку все знают. Инженерный корпус сообщил о восстановлении «Эона». Основные системы функционируют. Экзоматерии хватит на один скачок на расстояние до двухсот световых лет. Учитывая все обстоятельства, времени у нас мало. Совет готов выслушать предложения.

И лидеры колонистов поочередно занимали трибуну. Кто-то предлагал запустить звездолет с посланием о происходящем в сектора освоенного космоса в надежде получить помощь от человечества. Другие считали, что всем выжившим следует разместиться на корабле и, избегая контактов с цивилизацией, направиться в неизведанные сектора, пока искусственный интеллект звездолета анализирует материалы посещаемых звезд и планет и разрабатывает лекарство от вируса. Самые малодушные хотели бежать к цивилизации в надежде на спасение, сделав тем самым Отравителей и вирус проблемой всего человечества. К счастью, к этому меньшинству не прислушивались.

Наконец очередь дошла до Зарины. Главный биоинженер колонии поднялась на трибуну. В толпе она заметила статного мужчину в темно-синей военной форме. Урузмаг, старший брат Зарины, кивком и легкой улыбкой подбодрил сестру. После короткого приветствия и выражения соболезнований пострадавшим — а такими были все присутствующие — она заговорила.

— Для начала я отойду от темы и расскажу вам легенду. — Она снова оглядела аудиторию, поймав множество удивленных взглядов. — Возможно, кто-то из вас знает, что по этнической принадлежности я осетинка. Мой народ родом из Кавказских гор на Старой Земле. Однако мы не всегда были горцами. Обстоятельства вынудили моих предков искать там убежище. Жестоким завоеватель напал на их царство и подверг истреблению. Выживших почти не осталось, и целый народ был в шаге от вымирания. И тогда одна женщина, чудом уцелев после вражеского набега, собрала осиротевших детей и укрылась с ними в пещере среди гор. Она стала им матерью, взрастила вдали от неприятеля. От горстки выживших детей и произошли осетины. Женщину эту называют Задалесской Нана, что в переводе означает «мать из Задалеска». Так был спасен народ.

Члены Совета слушали Зарину внимательно и не перебивали, ожидая объяснения логической связи легенды со сложившейся ситуацией.

— К сожалению, каждый человек на Тариссе заражен, включая наших детей, и полного повторения легенды не произойдет, — надломленным голосом продолжала она. — Однако эта история указала мне путь. Как главный биоинженер-генетик я отвечаю за прирост здоровой популяции и устранение инбридинга в условиях малого количества населения. Для этих целей многие из вас завели детей, которые еще не успели родиться...

Зал возбужденно загудел. Кое-кто начинал догадываться, к чему ведет главный биоинженер.

— Я говорю о пяти тысячах человеческих эмбрионов, находящихся в криокапсулах. Ни один из них не был в контакте с чревом матери, и, согласно проведенным мной анализам, вирус до них не добрался.

Шепот усиливался и волной прокатился по залу. Зарина приблизилась к кульминации своей речи и повысила голос, борясь с нарастающим шумом:

— Я считаю, что эмбрионы должны быть погружены в звездолет и выведены из криосна. «Эон» доставит их к ближайшей пригодной для жизни планете, и там наши потомки ступят на землю. Мы не можем рисковать, отправляя звездолет к человечеству. Нам неизвестен потенциал отслеживающих технологий Отравителей. Все находящиеся в этом зале обречены, но еще не поздно передать факел жизни дальше. Это — наш единственный путь к спасению этноса и культуры, которые мы сформировали здесь

за поколение. Это — единственное спасения для нации тариссианцев, которая начала свое формирование. Заявляю вам это как биолог... — Последняя фраза Зарины уже тонула в нарастающем гуле.

Она терпеливо стояла и ждала, пока люди переварят первую порцию информации. Председатель Совета поднялся со своего места и призвал к тишине. Когда амфитеатр умолк, он обратился к Зарине.

— Признаться, Зарина, я не могу понять, гениальна ваша идея или просто безумна, — проговорил он. — Как бы то ни было, ваш план слаб тем, что не подразумевает шанса на спасение ныне живущих колонистов.

Откуда-то из глубины аудитории прозвучал твердый голос военного летчика.

— Мы все обречены, и вы это знаете, господин Председатель. — Мощный голос Урузмага разносился по амфитеатру, эхом отражаясь от стен. — А чего мы не знаем, так это того, как наши сородичи отреагируют на послание. Может, они решат не рисковать и оставят нас погибать, отметив этот сектор красным на космических картах. Возможно, они заявятся сюда, вооруженные до зубов, и будут превращены в пыль Отравителями. Или, что хуже, унесут с собой вирус, который расплзется по всем освоенным звездным системам и станет гибелью человечества. И это лучшие сценарии, допускающие, что «Эон» вообще достигнет человечества без Отравителей на хвосте. Неужели члены Совета готовы на такой риск ради туманного шанса на спасение? В то время как оставшись на планете, мы сможем занять все имеющиеся в нашем распоряжении летательные аппараты, оснастить даже гражданские звездолеты минимально пригодным вооружением и прикрыть отступление сверхсветовика.

Урузмаг знал о плане сестры заранее и был готов оказать поддержку голосом военных на Совете. Председатель поджал губы и вздохнул, обдумывая ответ. Он был прагматик, но не трус, и Зарина понимала, что до него можно достучаться.

Урузмаг тем временем продолжал:

— А скитаться среди звезд в надежде найти чудо-панацею, существование которой в пределах двухсот световых лет статистически почти невероятно, — разве это выход? Каждая идея, прозвучавшая на этом Совете сегодня, — это крик отчаяния, и предложение Зарины не исключение. Но оно с большей надежностью

гарантирует выживание нашего потомства и сводит все риски к приемлемому минимуму. Военное крыло Совета поддержит проект с эвакуацией эмбрионов.

Урузмаг обвел публику жестким взглядом и занял свое место. В этот момент поднялся директор инженерного корпуса и обратился к главному биоинженеру.

— Зарина, мы восстановили лишь основные системы корабля. Энергии не хватит, чтобы поддерживать криосон пяти тысяч эмбрионов. Если полет затянется, детям придется родиться и вырасти на борту. Без родителей. Ты предлагаешь целому поколению быть воспитанным искусственным интеллектом звездолета?

— Мне это известно, — твердо ответила Зарина. — ИИ отлично справится с технической стороной полета, навигацией, выкармливанием и выращиванием детей. Но эмпатических способностей и эмоционального интеллекта для воспитания ему не хватает. Выход есть. Кому-то придется перенести свое сознание в системы звездолета. Симбиоз вычислительных мощностей «Эона» с самосознанием и эмпатией человека обеспечит не только выживание, но и воспитание поколения... — Повисла недолгая пауза. Собравшись с духом, Зарина продолжила: — Я вызываюсь добровольцем на квантовый перенос, если других желающих нет. Я мать... по крайней мере, была матерью. Я должна справиться.

И амфитеатр захлестнула волна гомона — на этот раз неконтролируемая. Кто-то роптал на безумие плана Зарины, кто-то защищал ее. Одни восхваляли ее жертвенность, другие критиковали за дерзость и напускной, по их мнению, героизм.

Зарина боялась взглянуть на Урузмага — об этой части плана он не знал. Технология квантового переноса сознания находилась на ранней, экспериментальной стадии развития. Процесс представлял собой даже не перенос, а скорее слияние с искусственным интеллектом, рождение новой сущности. Сохранение физического тела при этом не предполагалось. Запереть человеческое сознание в металлической клетке звездолета — участь не лучше, чем смерть. А возможно, и хуже. Зарина возложила на жертвенный алтарь не свою жизнь, а остатки собственной души.

Голоса членов Совета становились все громче. Зарина покинула трибуну, предоставив судьбу умирающей колонии Совету.

Урузмаг пристегивал к боевому скафандру бронепластины из наноалмазного композита. Закончив с броней, он вложил лазпи-столет в кобуру на поясе — дань традиции, ведь летчику звездного истребителя личное оружие ни к чему. Взяв в руки шлем, Урузмаг направился к выходу из офицерского отсека.

Прошла неделя с момента, когда Совет почти единогласно поддержал инициативу Зарины и объявил о запуске проекта «Нана». Времени на подготовку было мало — Отравители могли в любой момент обратить внимание на повышение тепловых показателей по всей колонии. Ровно неделя — и «Эон» был готов к выводу на орбиту.

Миновав несколько длинных коридоров, Урузмаг вышел к месту, которое было центром проекта. Огромное пространство ангара сверхсветовика было наполнено суесящимися людьми, отчего напоминало пчелиный улей. Воздух вокруг вибрировал от гомона голосов, лязга металла и гудения тысяч механизмов.

Сверхсветовик, возле которого возились сотни инженеров, механиков и военных, был похож на величественного кита, облепленного мелкими рыбешками. Урузмаг поднялся на борт звездолета и направился вглубь. Он достиг когнитивного ядра «Эона». Оно представляло собой круглое помещение, освещенное мерцанием синих светодиодов. К аккуратным рядам процессорных блоков и ядер памяти тянулись многочисленные толстые провода. То были сердце и мозг машины.

Значительная часть кабелей соединялась с креслом, расположенным посреди помещения. Прямо над креслом нависал пси-шлем. Зарина в белом одеянии сидела, уставившись в одну точку, а вокруг нее суеились врачи и нейротехники. Она заметила Урузмага, и лицо ее посветлело. Старший инженер распорядился, чтобы персонал покинул помещение.

— У вас есть десять минут, — напомнил он Урузмагу, прежде чем выйти из когнитивного ядра. В ответ летчик лишь кивнул.

Урузмаг посмотрел на сестру и увидел в ее глазах смесь ужаса и решимости этот ужас преодолеть. Этот взгляд пронзил его душу. Он был горд за нее, но от чувства неизбежности потери с трудом сдерживал вой, который рвался наружу.

— Я до последнего надеялся, что найдется другой доброволец, — тихо произнес он.

— А я рада, что Совет отклонил твою кандидатуру. Прямо вижу эту картину: военный летчик в роли космической мамы пяти тысяч детей, — поддразнила Зарина брата, улыбаясь.

Урузмаг улыбнулся в ответ, аккуратно толкнув Зарину в плечо. Она ответила таким же толчком, а затем вдруг ее улыбка погасла.

— Я боюсь, Урузмаг, — проговорила она теперь уже тихим голосом. — Было бы легче просто умереть. Я не знаю, чем я стану, и не знаю, смогу ли справиться. Мне страшно.

— Мне тоже страшно, сестренка. — Урузмаг начал терять контроль над собой, и голос его задрожал. — Но храбрость рождается лишь там, где царит страх. Я знаю, кем ты станешь. Ты станешь матерью народа. Теперь ты — Нана. Моя сестра — ожившая легенда. К тому же среди этих пяти тысяч есть лично твоё дитя. Материнский инстинкт поведет тебя.

— За твоим сыном тоже присмотрю, — ответила Зарина. — И когда они встанут на ноги и начнут строить свою жизнь в новом мире, я отключусь. Я слишком скучаю по родным. Кто знает, может, они меня где-то ждут.

— Да, я понимаю, — произнес Урузмаг и приобнял сестру. — Скорее всего, к тому времени и я буду ждать тебя с ними.

Сердце его сжалось от боли. Его милая младшая сестра... Через считанные минуты она взвалит на свои хрупкие плечи тяжелую ношу. Настолько тяжелую, что смерть для нее теперь видится как избавление.

С шумом открылась гермодверь, и врачи с нейротехниками вошли в помещение. Урузмаг отпустил Зарину, и она заняла свое место в кресле. В глазах ее больше не было страха — одна решимость. Зарина была готова.

Урузмагу позволили остаться до конца процедуры. Он стоял рядом и держал сестру за руку, когда на нее надевали пси-шлем и подключали датчики. Приборы начали мерцать, и информационное поле сознания Зарины было полностью просканировано и зафиксировано нейротомографом. Затем — перенос в когнитивную матрицу звездолета с использованием квантовой запутанности между мозгом человека и процессором машины.

Те, кто перенес переход, говорили, что никаких страданий в этот момент не испытывали. Лишь очень яркие сны — сознание будто брыкается, когда к нему прикасается нечто инородное, и беспорядочно бросается различными образами, словно спрут, выпускающий чернила перед лицом опасности.

Через несколько минут одни датчики сообщили о смерти физического тела Зарины, а другие — об успешном переносе. Урузмаг знал, что после процедуры шокированному сознанию требуется несколько часов, чтобы начать функционировать в новой ипостаси. Он не успеет услышать ее голос из динамиков звездолета.

Урузмаг сжал напоследок холодную руку сестры, вытер подступившие к глазам слезы и покинул «Эон».

* * *

Бортовой компьютер звездного истребителя сообщил о готовности всех систем. Урузмаг надел шлем и активировал двигатели. Истребитель медленно поднялся над посадочной площадкой, направил хищный клюв вверх и стремительно взмыл в воздух.

Урузмаг взглянул вниз и увидел, как раздвигается замаскированная крыша ангара «Эона». Сверхсветовик медленно вздымался, как великан, который пробудился от тысячелетнего сна. Со всех сторон к нему стягивались малые звездолеты.

Через несколько минут все воздушное пространство заполнилось разномастными летательными аппаратами. Колонисты оборудовали оружием все, что могли: от транспортных шаттлов до суборбитальных сельскохозяйственных коптеров. Звездолеты стаями приближались к сверхсветовику. Часть из них, в основном боевые истребители и штурмовики-перехватчики, покидала основную массу и присоединялась к Урузмагу, образуя отдельную группу.

По замыслу командования все звездолеты были разделены на две эскадры. Группа «Меч» под предводительством Урузмага должна была напасть на Главного Отравителя, патрулирующего местный воздушный сектор, и отвлечь внимание на себя. Группа «Щит» сопровождала сверхсветовик, образуя собой прикрытие Зарины с детьми.

Небесная флотилия поднималась все выше, и все ближе был Отравитель. Группа Урузмага двигалась в боевом порядке, образуя клин. Летчик внимательно наблюдал за звездолетом противника, будто сделанного из жидкого стекла. Зеленое свечение Отравителя угрожающе усиливалось. Урузмаг вовремя приказал группе рассредоточиться — за мгновение до того, как враг открыл огонь.

Ослепительные лучи вырвались из бортовых орудий Отравителя, пронзив небо. Несколько колониальных звездолетов разорвало на мелкие частицы — от них остались лишь облака пыли. Урузмаг дал команду стрелять по его направлению и прицелился в сочленение между сегментами корпуса звездолета, которое интуитивно казалось уязвимым. Он зажал гашетки на штурвале, и истребитель выпустил в неприятеля сгустки плазмы. Как лучники в армиях древности направляли свои лучи, в точности повторяя движения командующего, так и эскадра выпустила первую волну снарядов туда же, куда бил истребитель Урузмага.

Воздух вокруг Отравителя задрожал и начал переливаться оттенками бледно-золотистого цвета. Невидимый щит отразил удар. Сам звездолет тем временем начал движение в сторону «Эона», стремительно набирая скорость.

Эскадра Урузмага перегруппировалась, летчики перезарядили орудия и снова ударили, сконцентрировав залп сотен боевых установок в одной точке. Баллистические снаряды, лазерные лучи, сгустки плазмы и электромагнитные заряды были пальцами, что сжались в единый кулак и врезались в бок Отравителя. Защита вновь замерцала — на этот раз сильнее и беспорядочнее. Затем само пространство вокруг Отравителя будто рассыпалось на множество малых фрагментов. Щит противника треснул.

В этот момент в корпусе врага распахнулись прежде невидимые люки, из которых саранчой вылетели десятки малых истребителей. Изумрудные машины бросились к эскадре колонистов, и завязалось воздушное сражение. Истребители сталкивались, преследовали друг друга, норовя сесть на хвост, маневрировали и разлетались на части. Воцарился хаос.

Урузмаг уворачивался от снарядов, рисуя в небе безумные петли. Несколько раз он едва не потерял сознание от перегрузки. Эпицентр боя неумолимо смещался в сторону сверхсветовика, который уже выходил из верхних слоев атмосферы на орбиту. Теперь битва велась в черноте космоса.

Заложив очередной вираж, Урузмаг погнался за одним из истребителей врага. Бортовой компьютер сообщил о наведении на цель. Урузмаг выстрелил, и хищная машина противника раскололась надвое. В этот момент Урузмаг заметил, как Отравитель исторгнул свои смертоносные лучи в сторону «Эона». Лучи прошли по касательной, но этого было достаточно, чтобы оторвать от сверхсветовика часть обшивки. К счастью, «Эон» не показывал признаков критических повреждений.

Урузмаг потянул рычаг мощности двигателей до упора и на полной скорости приблизился к Отравителю. Его тело вдавливалось в кресло, и казалось, вот-вот захрустят кости. Пролетая бреющим полетом над корпусом врага, он сбросил пульсарные бомбы. Вспышки дикой энергии озарили Отравителя в месте удара, и Урузмаг приказал своей эскадре любой ценой бросать малые цели и открыть огонь по его указанию. Колонисты явно проигрывали и несли большие потери, но несколько десятков звездолетов откликнулись на приказ, и «Меч» разил снова.

На этот раз сектор, в который они стреляли, пустил трещины, а затем небольшая часть корпуса разлетелась градом осколков. «Если оно кровоточит, его можно убить», — подумал Урузмаг, оскалившись. Вдруг его ослепила новая вспышка. Урузмаг ощутил жуткий удар, а его истребитель резко накренился.

Он был подбит.

Через мгновение зрение вернулось к Урузмагу, и он увидел, что герметичность кабины нарушена. Выстрел одного из вражеских истребителей пробил щиты и пронзил его боевую машину насквозь, чудом оставив пилота в живых. Все показатели горели красным, воздух стремительно покидал кабину, звездолет разрывался на части.

Урузмаг схватился за штурвал и дернул его в сторону, борясь с сопротивлением агонизирующей машины.

Мышцы Урузмага надрывались, он стиснул зубы и с нечеловеческим усилием, питаемым адреналином, справился с управлением. Теперь нос машины был направлен в поврежденное место на корпусе Отравителя. Урузмаг посмотрел в сторону сверхсветовика. Этого секундного взгляда хватило, чтобы увидеть, как звездолеты «Щита» яростно отбивают натиск вражеских истребителей и как прямо за ними величественный «Эон» активирует сверхсветовой двигатель. «Эон» разрывал ткань пространства перед собой и входил в искусственную червоточину.

Истребитель Урузмага неся к Отравителю уже без управления, как сапсан, складывающий крылья и камнем обрушивающийся на жертву.

— Марга! — взревел Урузмаг, приближаясь к ненавистному звездолету. То был древний боевой клич его предков, призывающий к убийству врага.

Через мгновение мир Урузмага вспыхнул, а затем погрузился в вечную тьму.

Азур не отрываясь наблюдал за танцем языков пламени в ночи. Все мужчины племени собрались вокруг большого костра. Своими суровыми голосами они протяжно распевали молитвы.

Юноша сидел прямо возле огня, находясь в центре круга. И пламя, и песнопения соплеменников должны были очистить дух Азура, подготовить его к инициации. Прошло трое суток со дня смерти жреца богини, и Азур по традиции должен был занять место своего наставника.

Пение резко прекратилось, и старейшина подошел к юноше. Он погрузил свои пальцы в склянку с маслом Железной птицы и помазал лоб и подбородок Азура священной жидкостью. Юноша поднялся со своего места, произнес слова благодарности и вышел из круга. Путь до святилища ему надлежало пройти одному.

Все три луны поднялись над горизонтом, и их призрачное сияние отражалось на заснеженных пиках гор, окружавших долину. Азур наслаждался игрой света, которую затевали Три сестры, их мерцание успокаивало юношу. Он поднялся на холм, взглянул вниз, на железные хижины деревни, и направился в густой лес, покрывающий весь необъятный склон.

Через какое-то время он увидел огромную Железную птицу, застрявшую в кронах деревьев столь высоких, что казалось, будто они достают небосвод. Прадед рассказывал Азуру, что по воле богини первые люди вышли из чрева Железной птицы, упавшей с небес, и жрец частично подтверждал эти слова.

Вбитые глубоко в кору ступени обвивали ствол одного из деревьев, которое могли охватить, взявшись за руки, семь взрослых мужчин. Азур вырос среди деревьев-великанов, но почему-то никак не мог перестать удивляться их размеру. Он шагнул к ступеням и начал утомительное восхождение.

Юноша поднимался к куполу из листьев, который поддерживали на своих плечах могучие стволы. Наконец он добрался до святилища и вошел внутрь. Азур миновал многочисленные проходы и оказался в самом сердце Железной птицы.

Круглый зал сиял синим светом. Артерии Птицы тянулись по стенам и вели к трону, находившемуся в центре. Азур приблизился к нему, осматриваясь и наблюдая за неведомым величием. Испытывая благоговение и страх, смешанный с решимостью, он опустил на трон. Азур потянулся к Венцу Познания,

что висел над тронном, и, произнеся молитву, водрузил его на голову.

Азур ощутил, как в его разум входит нечто инородное. Юноша подавил инстинкт сопротивления и распахнул свое сердце. Мир вокруг сначала погас, а затем взорвался тысячами рисунков.

Богиня Нана говорила с Азуром, не произнося ни слова, и он видел...

Видел Великую чуму в ином мире.

Видел, как Нана правит Железной птицей и бросается к черной пустоте через огненную бурю.

Видел, как крылья Птицы опалились и как она падает сквозь звезды в мир, освещенный тремя лунами, и как падение это лечит разум и дух богини.

И более того, он видел, что грядет: другая железная птица летит к их миру, обгоняя само звездное сияние.

И несет она горе.

А затем была тьма.

...Сознание вернулось к Азуру. Молодой жрец снял Венец Познания. Теперь часть Нана жила в нем, и он понесет ее мудрость народу. Потому что народ должен быть готов к грядущим событиям.

Олег КЦОЕВ

СУПЕРПОЗИЦИЯ ХАЙРАГА

РАССКАЗ

— *И* все-таки прав был старик Кларк, излагая свои три закона.
 — Что есть, то есть, Епхийев. Но знал ли ты, что существует и четвертый, не особо популярный у него закон? А? Знал ли? То-то!
 — Будто вы знали его с рождения, Константин Эдуардович!
 — Признаюсь, сам только вчера вычитал в статье одного ученого из нашей области. И давайте без фамильярностей, Епхийев. Все-таки официальное рабочее время закончилось, и Институт без пяти минут как спит.

Константин Эдуардович Фиалковский был своеобразным человеком, но ученым с большой буквы. И чего у него не отнять, так это вечного стремления к познанию непознаваемого. Или, как он говорит, к пока не познанному. И пока другие исследователи квантовой физики возятся с очередным переосмыслением природы волн-частиц, Константин Эдуардович, как истинный квантист, находится в постоянной погоне.

— Так вот, Епхийев. Четвертый закон гласит: для каждого эксперта существует аналогичный эксперт с противоположной точкой зрения. И мне он нравится больше других его законов, ибо связан напрямую с нашим предметом изучения.

— Вы имеете в виду принцип суперпозиции?

— Верно, отчасти, — проговорил он и посмотрел на меня.

Его выжидающий взгляд призывал меня продолжить высказанную мысль. Но мне не хотелось признавать этого. Оно было за пределами всего здравого, хоть и обосновывалось теоретически у некоторых ученых. Утверждать об их существовании — все равно что признать себя сумасшедшим. Но на то он и был этот сумасшедший Константином Эдуардовичем Фиалковским.

— Вы... ты хочешь сказать, что закон Артура Кларка описывает Мультивселенную?

— Почему бы и нет? — с явным удивлением отозвался он, и его угловатые светлые брови взмыли вверх. — Я, конечно, человек не суеверный — я материалист всей своей сущностью. Но как еще, Епхиев, ты объяснишь все эти так называемые сверхъестественные явления вроде духов, призраков, чертей и им подобных?

— Это все сон разума наших предков. Именно он породил на свет тех монстров.

— Несомненно. Но что тогда делать с современными инцидентами? Казалось бы, человечество достигло середины двадцать первого столетия. Корабли вовсю бороздят просторы Вселенной, а люди повсеместно внедряют себе импланты да чипы. Доктора изобрели лекарство от всевозможных видов рака... И хочешь сказать, что люди так и остались в той темной пещере?..

— Почему бы и нет, если в той пещере им тепло и уютно?

— А что ты скажешь насчет фото- и видеоматериалов со всякого рода чертовщиной?

— Подделка. Работа рядового школьника и ИИ.

— А массовые показания?

— Массовый психоз, не больше и не меньше.

— Не ставь точку на этом, пусть под ней висит запятая, друг мой. Да и на твоих землях — а ты, если не ошибаюсь, с Кавказа — чертей навалом. Такое ощущение, что Кавказ — это один большой хаб.

— Или одно из мест наименьшего сопротивления разрыва ткани, вселенной! — не без иронии дополнил я его догадку.

— Я тоже думал об этом. И ты тоже подумай. И получше изучи вопрос, ибо с новой недели ты отправишься на родину с целью изучения всего этого. А на официальном уровне скажу, что отправляю тебя в отпуск.

— Но ведь это...

— Никаких «но», Епхиев. Это мой указ. В противном случае вам придется покинуть институт. Пожалуй, на сегодня хватит. Приятных выходов!

Константин Эдуардович засобирался, и я тоже решил не задерживаться здесь. Лучше отдохнуть и переварить все произошедшее.

В душной ночи мегаполиса я выловил такси и уселся сзади. Автопилот в лице андроида терпеливо ждал моего ответа на его «Адрес?». Я назвал ему место назначения и закрыл глаза.

До моего дома часа полтора езды наземным транспортом, а в час пик — все три часа, и, дабы уменьшить время, затрачиваемое на дорогу, я каждый раз ловлю аэротакси. Да, каждый раз это влетает мне в копеечку, но есть кое-что ценнее денег — время.

Наше общество с начала XXI века шагнуло далеко вперед во всех областях науки, было решено множество вопросов в области медицины, обустройства городского пространства и совершенствования его инфраструктуры, а также в области информационных технологий и кибербезопасности. Даже на моей малой родине наконец-то восстал Спартак... Но весь этот бурлеск прогресса меркнет перед скоротечностью времени. Ученые ребята, этот Освальд из НАСА, к примеру, говорят, что это связано с ускорением самой Земли, но как по мне, это все бред. Тут что-то глубже, чем сбой в деятельности нашей планеты. Что-то, что лежит в самой основе мироздания. В моменте зарождения кварк-глюонной плазмы. Или, может, даже раньше...

Андроид издал мягкий металлический звук, сигнализирующий о том, что машина сейчас приземлится. А я и не заметил, как мысли о скоротечности времени помогли мне убить время в дороге. Такси село на лужайке близ моего дома — это значит, что следующие выходные я проведу здесь, ибо дюзы движков авто сожгли мой газон. Нет, все-таки я поставлю четыре звезды этой модели пилота: она на базе какого-то дешевого китайского ИИ, который плохо распознает термоустойчивость поверхности.

— Приятного вам вечера, господин Епхийев! — монотонно-позитивным тоном выдал мне андроид и укатил восвояси.

Дом встретил меня неосоздаемыми объятиями голограммы, которая являлась проекцией системы умного дома. Что-то подобное было у Вильнева в его культовом фильме.

— Как прошел день? — был ее рядовой вопрос.

— Как слон по моему хребту, — был мой рядовой ответ. — Анна, приготовь ванну, пожалуйста.

Голограмма улыбнулась и исчезла.

Белая, стерильного вида кухня встретила меня запахом остывших пельменей — я все время забываю обновить софт умного дома и загрузить в базу инструкции к рецептам другие блюда. Ну и ладно, стоик не стонет, как говорится.

Быстро покончив с ужином, я направился в такую же стерильно-белую ванную комнату. Этот минимализм в доме создавал ощущение нахождения в дурке. Раньше мне казалось это забавным и даже вызывало улыбку, когда редкие гости напоминали о специфичном дизайне моего убежища, а сейчас вызывает лишь едкое раздражение.

Анна, сложив руки за спиной, ждала следующей просьбы. Все-таки нравилась мне эта худая полупрозрачная брюнетка с

голубыми глазами. Пусть иногда и заносит ее куда-то не туда, я, честно, не против: есть в этом определенный шарм.

— Анна, мне нужно помыться...

— Я бы с радостью скупалась с вами, но у меня есть дела! — резко выпалила голограмма и так же резко вышла через стену.

— Совсем забыл поблагодарить тебя. Спасибо, Анна! — крикнул я ей вдогонку.

Ответа не последовало, лишь датчик уровня воды напомнил мне о том, что ванна заполнилась. Вода оказалась прохладной. Даже холодной. Впрочем, я не удивлен. Как выдастся время, похерю к чертям всю систему умного дома вместе с Анной.

Опустившись в воду и закрыв глаза, я на мгновение очутился в ледящей воде горной речки близ моего родного села. Безлунная ночь, россыпь звезд в небе да вой волка где-то вдали; юность моя да милая подруга рядом со мной. Что еще нужно было для счастья? Ах да... Время. Но тогда мы лишь разбазаривали годы впустую. Уже не знаю ее имени (или не хочу вспоминать?), помню лишь, что оно похоже на имя Анны или как-то связано с пальмами на побережье голубых вод лагуны. Мы купались вдвоем в горной ночи, а потом, дрожа от холода, грелись теплом наших тел, прижавшись друг к другу. Тогда нам казалось, что впереди у нас целая вечность. Мы сидели и смотрели на звездное небо и мечтали о путешествиях к другим мирам... Но другой мир пришел сам, неожиданно. На другом берегу реки, где-то за кустами орешника, вспыхнуло пламя и раздался смех десятка голосов. Этот смех напоминал о чем-то древнем и неизведанном. Смех, не присущий человеку. Дедушка Афако часто рассказывал мне о нем, и о кошмарах тоже. Он говорил, что в таком случае надо бежать куда подальше, ибо смех этот принадлежит черту...

А. явно испугалась и собралась было бежать, но мне вдруг стало интересно. Хотелось познать неизведанное. Я пересек реку в состоянии некоего транса, а А. осталась на том берегу. Она дрожала: то ли от холода, то ли от страха. Ее глаза, вечные льдинки, сверкающие под лучами солнца, сейчас заклинали меня вернуться. Но я переступил через страх, свой и ее, и пошел на свет огня. Приоткрыв завесу кустов орешника, я увидел костер и существ около него. Они чем-то напоминали людей, если б не рога на лысых головах, непропорционально длинные или короткие конечности, порой изломленные, как картодиаграмма, и копыта на ногах... Это были черти. Они напевали что-то, порой прерываясь на шепот, и потом вновь заводили свою песню. И песня эта не была похожа на что-то человеческое, земное. Она была пронизана безу-

мием и болью. Хотелось умереть, спрятаться под землей или бежать, бежать. Я собрался было развернуться, но споткнулся о собственную ногу. Черти прервали песнь, и я понял, что попал. Кусты зашевелились, раздался глухой стук копыт... Но в эту секунду где-то завыл волк, шуршанье прекратилось, и я, воспользовавшись моментом, рванул к А. Она по-прежнему стояла там, ожидая меня.

— Лидзæм тагъддæр!¹ — крикнул я ей, и мы побежали.

Достигнув указателя с названием нашего села, мы рухнули у камня. А. взглянула на меня и рассмеялась. Я тоже. Мы смеялись до тех пор, пока не заболели мышцы живота.

— Цæй цы, Сослан! Ссардтай хæйрæджытæм дæ Бедухайы?² — был ее первый вопрос о случившемся.

— Мæ Бедухайы æз а дунейы куы ссардтон, æрра³, — ответил я ей, и уста наши слились в поцелуе.

На мгновение я забыл о случившемся, о чертах. Весь мой мир схлопнулся до поцелуя. Сейчас были только я и А. и ничего больше.

Потом жизнь поменялась. А. уехала учиться в одну часть страны, я — в другую. После окончания учебы я сразу же погрузился в работу. А. же вернулась домой и занималась своей жизнью. А я так и остался в том дне. Вечный романтик, рыщущий в кустах орешника в поисках неизведанного.

* * *

Два выходных дня в непонятной для меня суматохе. Складывалось ощущение, будто Анна противилась моему отъезду — странное поведение для ИИ, который не обладает эмоциями. Всем известно, что разум, порожденный ученым человеком, может лишь имитировать чувственное, не более.

Мой же разум, судя по всему, был порожден женщиной. Иначе я не могу по-другому объяснить исчезновение в геометрической прогрессии моих командировочных вещей. На мои вопросы Анна выдавала что-то вроде «Извините, я не обладаю информацией о той или иной вещи».

К вечеру воскресенья я нашел то, что искал: робот-уборщик запихал все под кровать, основной функцией которой является каждодневное хранение моей туши на протяжении 7–8 часов.

¹ Бежим скорее! (Здесь и далее перевод с осетинского. — *Прим. ред.*)

² Ну что, Сослан! Нашел у чертей свою Бедуху? (Бедуха — персонаж осетинского нартского эпоса, прекрасная девушка из рода Ахсартаггата. — *Прим. ред.*)

³ Свою Бедуху я ведь здесь, в нашей реальности нашел, дуреха.

Теперь же к ее функциям добавилось хранение всякого рода хлама. Гениально. И неожиданно.

И не менее неожиданным стало решение Анны отправиться со мной:

— Я буду полезна тебе в дороге. Загрузи меня на свой коммуникатор, пожалуйста.

Наконец понедельник постучал в мои двери, и я отправился туда, где живут мои глубинные страхи и желания. Я отправился туда, где меня уже никто не будет ждать, а значит, я буду занят своей основной задачей. Туда, где время замерло на том моменте, когда я покинул уютное гнездо семьи. Я отправился на родину. Как бы сюда подошел Шевчук с его нетленкой.

Желтый поезд на магнитной подушке мчал пущенной стрелой в самое сердце Осетии.

— И все-таки поезда уже не те, — молвил мой сосед по койке.

Сам он весь — пережиток прошлой эпохи. Человек, родившийся на стыке тысячелетий и познавший не лучшие времена России. Время и обстоятельства оставили на нем свои отпечатки: лысину на его седой голове рассекал шрам, оставленный, наверное, ударом бутылки. Мощные, черные от лучей солнца руки лежали на животе-арбузе, обтянутом, словно брезентом, белой футболкой с надписью: «Верните мне мой 2017». Толстые икры ног обтягивали синие джинсы. И наконец, на ногах были поношенные вансы. Его бы в музей сдать в качестве экспоната, а он зачем-то в Осетию катит.

— Простите?

— Говорю, поезда не те уже. Нет в них прежнего вайба. Нет стука колес о рельсы, который так успокаивал человеческую сущность в странствиях. Нет душных плацкартов и обоссанных тамбуров, пропитанных вонью дешевых сигарет «Омега».

— Это же к лучшему. Разве нет? Теперь все цивильно.

— Оттого и безлико, парень.

Дедушка Афако рассказывал мне про то, что черти умеют вселяться в людей, а те этого и не поймут. В моем собеседнике с вероятностью 99,9 % сидят все черти царства Барастыра⁴. Интересно, как бы обосновал этот феномен Константин Эдуардович с научной точки зрения? Как сохраняется информация об объекте «Хайраг⁵» после того, как он слился с объектом «Человек»? Может, у них есть некий метавселенский буфер данных? Или они находятся и тут, в нашей реальности, и там, в своей вселенной?

⁴ Барастыр — в осетинской мифологии владыка загробного мира. (Прим. ред.)

⁵ Черт.

— Сам-то ты чем занимаешься, а? — внезапно прервал процесс брожения в моей голове попутчик.

— Я квантовый физик.

— Чего?

— Ну, изучаю всякие приколы с пространством и временем.

— А, это как с мамой Дяди Федора, когда ее и там и тут, да? Ну, типа, показывали. Понял, да? И там и тут. Гы-гы-гы. Принцип мегапозы, епт.

— Суперпозиции, да. Что-то вроде того.

— Кру-уто... Флада еще когда-то зачитал про это.

Забавный этот человек. Учености ни в одном глазу, но улавливает все на ходу, и ассоциативная память хорошо развита.

— Ну так и че именно ты будешь исследовать на Кавказе? Там же ж тьма-тьмущая, а не развитость. Кибердеревня, епт. Смотришь иногда — а я часто катаю к вам в горы — на людей: вот вроде бы одеты хорошо, есть дом, машина, стабильная работа — все есть, короче! Но вот эти горские замашки все никак не уйдут. Двадцать второй век скоро, а они все про какие-то законы предков да суеверия. И байки эти, байки! Травят байки про нечисть всякую, про духов горных и небесных, что стерегут святые места; про чертей у ночных дорог. Ну как так можно!

— Вот как раз черти и будут объектом моего исследования, — ни с того ни с сего выпалил я.

Попутчик пытался связать между собой мою специальность и дело, которым я займусь, затем достал откуда-то из недр своего рюкзака вишневый чапман и закурил. После двух глубоких затягов он все же решил ответить.

— Не, я, конечно, знал, что вы, ученые, народ отбитый и шестеренок в головах ваших светлых явно не хватает. Но чтоб прям настолько... Мое почтение! Респект! — отложив сижку, он со всей дури зааплодировал мне.

Даже и не скажешь, что передо мной сидит старик. Скорее — дитя, запертое в теле взрослого. Возможно, где-то в другом мире сидит такой же старик перед таким же мной, но уже затирает про свое стариковское. Или вовсе не старик, а парень со старческим ходом мыслей. И все так же затирает мне про что-то свое. А может, меня и вовсе нет в других мирах...

Поезд остановился, и мне впервые за долгое время захотелось покурить. Взяв несколько сиг у своего соседа, я вышел на ж/д вокзал Владикавказа. Как же я ошибался, думая, что ничего не изменилось у меня дома. Из окна поезда я так ничего и не разглядел, ибо пейзаж на высоких скоростях смазался в одну массу. Сейчас

же, стоя на перроне, я понимал, что многое уже не то. И архитектура не та, и люди не те. Нет больше двадцатитрехлетнего меня, стоящего на пороге старого и уютного городка у подножия горного массива. Владик обезличился. Стал одним из тысяч стандартизированных, инновационных городов России.

Я остановился в одном из отелей города. Нужно было найти информацию об инцидентах со всякой мистикой. Найти места, где люди чаще всего сталкиваются с подобным. Первым делом подумал, конечно, о Лысой горе. Уж у нее-то репутация соответствующая. Затем все же решил порыскать по просторам сети. В итоге остановился на нескольких локациях. Это, собственно, Лысая гора, Даргавс и окрестности Цмити.

Владик раковой опухолью разросся во все стороны, поглотив близлежащие поселения. И как всякая опухоль, оказался чужд организму Осетии: из сердца национальной республики превратился в туристический центр субъекта РФ.

— Да-а... По твоей бледной роже вижу, что ты сильно удивлен, — появился вновь передо мной мой попутчик из ниоткуда, точно черт из табакерки. — Вот скажи мне, осетинец, что лучше: сдохнуть ноунеймом или прославиться и стать безликим в своей многоликости?

— Не понимаю, о чем ты.

— Ну, камон, чет ты моросишь, друже! Все ты прекрасно понимаешь, просто притворяешься тупым.

— Проблем выше крыши, и голова не варит. Да еще и Анна накрылась.

— Анна-а-а? Краля твоя, что ль? Земля ей пухом, брат.

— Да нет, ИИ. С тех пор как я приехал сюда, она не откликается на мои запросы.

— Чертовщина какая-то... Альтмановская подделка, небось? Ладно, разработчик с ней, с этой Анной. Ты мне лучше скажи, куда путь держишь?

— Есть несколько мест в горах...

Молодой старик почесал голову и забормотал:

— Эм, прикольно... Отдыхать собираешься?

— Почти. Установлю интерферометры и камеры, чтоб наверняка зарегистрировать всплески аномалий.

Старик хмыкнул, и в этом жесте читалась некая удовлетворенность сказанным мной.

— Тогда я с тобой. Все равно в отель меня еще не заселят, ибо я приехал чуток раньше даты заселения, а время-то убить надо, пока оно не убило меня, — и лицо его расплылось в улыбке.

— Без проблем, — сказал я. — Только как мне тебя называть?

— Зови меня Елиз... кхм... Елизар. А тебя?

— Сослан. Рад знакомству, Елизар.

Я протянул ему свою руку, тот ее пожал, и мне показалось, что рука была раскалена изнутри. Может, летнее солнце Осетии сжигает все и вся в своих объятиях?

Я быстро загрузил из чемодана в рюкзак все необходимое оборудование, немного еды и воды. На дне чемодана лежал коммуникатор с Анной на борту. Я включил его, попробовал вновь вызвать ее — бесполезно. Она вообще никак не откликнулась. И если бы Анна сама не попросила взять ее в командировку... Все же я нацепил устройство на руку и спустился вниз, где меня уже ждал Елизар с огромным походным рюкзаком, набитым всяким хламом.

— На всякий случай. А случай в горах всякий бывает, знаешь ли, — был его ответ на мой вопрошающий взгляд.

И на этом все.

— Интересно, а у твоих чертей в их мире солнце так же печет? — спросил меня Елизар, точно прочитав мои мысли. — Или у них оно греет их холодом?

— Если они вообще существуют, эти хайраги.

— А как у них, интересно, с чувствами? Ну, типа, радость, злость там, любовь...

— Вряд ли им присущи те же эмоции, что и нам.

Я соврал. Я знал, что в них есть человеческое. Тогда, сидя в кустах, в глазах одного из чертей я прочитал чувство страха. Ему чужд был наш мир. А может, он боялся диких плясок и воплей своих сородичей? Наверняка я ничего не знаю.

Вскоре мы добрались до вершины Лысой горы. Везде все та же грязь и разруха. То тут, то там валялись иньекторы с остатками синтетики, кондомы и остовы дохлых животных.

— А бал-то не задался чет сегодня! Нет здесь твоих гостей, Марго! — Елизар скинул свой балласт и уселся на него. — Фух, запыхался я чет. Годы уже не те.

— Отдыхай, старик. Я расставлю оборудование, и поедem дальше.

— Да ваще без бэ! — Елизар рылся в своем рюкзаке и попутно бормотал: — Вот скажи мне, Сослан. Тебе же уже лет сорок, да? Да. И так чего ж ты не женишься? Чуть помедлишь, и все — поезд уехал!

— Не нашел я ее...

— Кого эт? Любовь всей своей жизни и все такое?

— Что-то вроде того.

— Че ж ты так? Не захотела замуж? А ты б ее выкрал! Во, че вспомнил. На днях у вас же во Владике... Мужик решил красть бабу. Обратился в фирму, ему дали андроида с пробной подпиской.

А мужик решил схитрить: девушку украсть, а андроида выкинуть по дороге. Фирмачи это просекли и решили подколоть его. Андроид заходит в магаз, где работала баба, хватает ее и выбегает с ней к машине мужика. И в моменте тормозит. Мужик психует уже, орет на робота. А тот ему говорит, что истекла пробная версия. Ха-ха! Во дают! Коммерсы скрипучие. И без того символического уже обряда сделали еще один символизм. Симулякр во всей его красе, епт. Просел ваш фундамент, осетинец.

— Это камень в мой огород?

— Разве что этот камень с вашей башни осетинства как такового.

— Наш мир давно накрыло с головой симулякрами, поэтому остается лишь смириться с данностью. Либо искать выход.

— И этот выход ты видишь в каких-то мистических вещах? Сомнительно, брат. — Елизар наконец нашел какие-то питательные батончики и сразу же заточил несколько штук. — Знаешь, что у меня в руках?

— Батончик «Марс».

— Да нет же, балда. Ну, то есть да, это батончик... Но знаешь, что это еще? Это доказательство моей реальности. Реальности, в которой у меня есть батончик «Марс». А что есть у тебя? Какие-то приборы, которые должны засечь чертовщину.

— Пожалуйста, тормози. Я и так знаю, что выгляжу глупо с этим всем.

— Не, не. Ты опять не понял, друже. Вот в твоей реальности есть что-то неведомое, непознанное. И от этого твоя реальность интересней. Ты ж не знаешь, что тебя ждет, но все равно прешь, как локомотив. Респект.

После этого мы расставили оборудование в оставшихся локациях, и я вернулся в отель. Елизар заселился этажом ниже. Анна же до сих пор не откликнулась. Я стал ждать. Несколько суток пролетели незаметно. Елизар часто меня навещал и постоянно отвлекал своими байками из прошлого. Неделя подходила к концу, но никаких признаков аномалий. Ошибся Константин Эдуардович. Жалко его расстраивать.

— Ну че поделывать, пацан. Так устроена жизнь: у любого начала есть конец. И иногда этот конец ведет в никуда. А иногда приводит к новому началу.

И тут меня озарило: конец моего путешествия лежит в начале. В той точке отсчета в кустах орешника. Я и А. Холодные воды горной речки. И звездная ночь.

— Ну че ты, брат мой ученый? Сообразил? То-то! Респект! — Елизар захлопал в ладоши, как ребенок.

Мне показалось это забавным, но на забавы времени не оставалось.

— Так и че теперь? И дальше здесь откисать будем или как?

— Не, Елизар, я поеду один. Сам понимаешь, дело интимное.

Старик недовольно застучал кулаками по столу, затем достал сижку и закурил:

— Ну как знаешь. Я тогда дождусь твоего возвращения.

— Договорились.

Близилась полночь. Дорога моя лежала в У, то есть в запасе у меня оставалось несколько часов. Я не знал, где мне искать А. Может, она переехала. Может, ее вообще уже нет. Но я знал, что А. мне и не нужна.

Включил коммуникатор и позвал Анну. Загорелся голубой индикатор — это значит, что она здесь. Голограмма наклонила голову набок и заговорила:

— Æгас цу, Сослан. Рагаѣй дæ нал федтон⁶.

А. улыбнулась мне, как тогда, двадцать с лишним лет назад, и зашагала в сторону реки. Время близилось к полуночи.

Вскоре мы оказались возле горной речки близ моего родного села. Безлунная ночь, россыпь звезд на небе да вой волка где-то вдали; уже давно не юность моя да милая подруга рядом со мной. Что еще нужно было для счастья? Ах да... Время. Сейчас его оставалось не так много. А. села на берегу реки, и я опустился возле нее. Мы стали ждать. И вскоре костер вспыхнул — как тогда, в юности.

Я поднялся, ноги дрожали то ли от страха, то ли от волнения. А. дотронулась призрачными пальцами до моей руки.

— Ай æрмæстдæр дæ фæндаг у. Цу, æз дæм æнхъæлмæ кæс-дзынæн⁷, — шепнула она и улыбнулась.

Я пересек реку, пролез через все тот же орешник, на мгновение задержавшись в его ветвях. Я уже знал, что меня ждет. Я шагаю навстречу неизведанному, и оно отвечает мне тем же...

«Для каждого эксперта существует аналогичный эксперт с противоположной точкой зрения».

⁶ Здравствуй, Сослан. Давно не виделись.

⁷ Это только твоя дорога. Иди, я буду тебя ждать.

Алёна ЗАИКА

КСИ-Б-МИНУС

МИНИАТЮРА

Заяпрос пришел из далекого будущего. По местному летоисчислению сейчас 2017 год, а я получил сигнал из 2021-го. Получил его и радуюсь: люблю такую энергию — любопытную, ищущую.

Что искали? Хм, новую частицу. Вернее, новый резонанс. Все понятно! Физики предсказали, что существует некое орбитальное возбуждение уже известной частицы, бариона, с прикольным названием Ξb^- , и теперь хотят его обнаружить, мол, существует на самом деле он или нет.

Кстати, а знаете, что такое Ξb^- ? Да это же я. Прелестно-странный барион, он же «Кси-б-минус». Живу в коллайдере, сколько себя помню, лечу через кольца пространства-времени и купаюсь во всех доступных электромагнитных волнах. А знаете, какая моя любимая? Людские мысли. Обожаю. Вот как эта, которую поймал сейчас.

От кого пришел этот сигнал? О, я сразу изучил. Человека звали Тагир Аушев. Он ученый-физик, родом из Грозного, руководитель Лаборатории физики высоких энергий МФТИ. Все ясно: именно эта лаборатория представляет Московский физико-технический институт в коллаборации CMS, которая использует эту часть коллайдера. Ох, люблю я российских ученых, сил моих нет! Они способны достать из-под земли даже кварк (или барион вроде меня). Но зачем же Тагиру новая частица?

Странно. Он ведь наверняка не знает, что кто-то может подслушивать человеческие мысли, значит, просто пламенно о чем-то мечтает? Но обращаясь к Вселенной, он мог так же пламенно попросить денег, славы или кучу конфет, которые так нравятся

людям, — в теории почему бы и нет... А он попросил частицу. Так зачем я им? Люди все еще не на том уровне развития, чтобы использовать кварки в своих целях.

Зачем? В общем-то, я могу понять. Люди вывели о нас теорию, называют ее «квантовая хромодинамика», или КХД. Эта теория — целая система, которую они рассчитали, предсказали целый спектр наших состояний. Вот только не все состояния обнаружили на практике и продолжают искать.

Конечно, я не думаю, что это произойдет очень скоро, но, возможно, однажды, когда мы посчитаем, что они к этому готовы, они все-таки смогут наконец взять под контроль нас: адроны и кварки. Тогда у них появятся и новые материалы, новые компьютеры, средства передвижения, изменится само понимание мира... Пусть сейчас это всего лишь дремучие числа, но каждое новое измерение наших состояний помогает им проверить КХД — и сделать шаг вперед. И у нас, у частиц, есть такое негласное правило: мы можем подсказывать людям, но только если видим, что они достойны.

В теории почему бы и нет? Я могу — хоть прямо сейчас. Надо только войти в резонанс и превратиться в «Кси-6-6100-минус». Так, но есть проблемка. Я живу в возбужденном состоянии совсем мало: меньше секунды, гораздо меньше секунды — всего 0,0000000000000000000001 секунды. А потом распадаюсь... Они не смогут даже увидеть меня. Но что, если они увидят продукты моего распада? По ним они точно смогут понять: я был, я существовал! Интересное дельце...

Помогать или не помогать? Я знаю, что каждое открытие — это титанический труд, а не просто желание... Да, я решил. Спасибо за запрос, Тагир Аушев! Помогу твоим товарищам. Кого бы выбрать? А, вот выбрал. Пусть это случится на исследовании под руководством Руслана Чистова. А откроет меня пускай... вот, Кирилл Иванов! Он тогда будет учиться на первом курсе магистратуры и, думаю, будет очень рад такому открытию. Спасибо, Тагир, просьба принята!

О люди, знали бы вы, какой невысказанной силой обладает ваш мозг! Ваши мысли могут пробивать пространство и время, ваши идеи, самые-самые заветные мечты — это огромные пучки энергии, готовые сворачивать горы на вашем пути, будь то Кавказ или Эверест! Вся Вселенная расступается перед вами, как море перед Моисеем, если только вы действительно хотите чего-то достичь.

Мы увидимся не скоро. Вы найдете меня только в 2021 году, просматривая данные, собранные здесь, на коллайдере, с 2016 по 2018 год. А то самое время моей жизни в резонансе — оно меньше одного года примерно в 3 нониллиона раз! Как десять в тридцатой степени. Это выглядит вот так, если что: $3\,000\,000\,000\,000\,000\,000\,000\,000\,000\,000$. И это всего один год, а должно пройти целых четыре.

Итак, меня зовут «Кси-б-минус». И прямо сейчас я стану «Кси-б-минус резонанс с массой 6100». Ну что ж, ладно. Я побежал. Ловите меня! И пусть напишут потом в ваших учебниках, газетах и интернетах, что «в марте 2021 года в ходе эксперимента CMS на Большом адронном коллайдере в ЦЕРН было обнаружено орбитальное возбуждение (резонанс) прелестно-странного бариона ($\Xi_b(6100)-$)».

Мир крушился оттого, как сталкивались вокруг протоны с протонами. Я снова поймал частоту сигнала из будущего, взял ее энергию — всю, до последней капли, и прыгнул в резонанс, думая почему-то о горах Кавказа, откуда был родом Тагир Аушев, о гигантских кольцах адронного коллайдера и о том, как удивительно вертится жизнь по кругам рождения и смерти, света и тьмы, движения и остановки, то взлетая к небесам, как горные орлы, то опускаясь до самых глубин тишины.

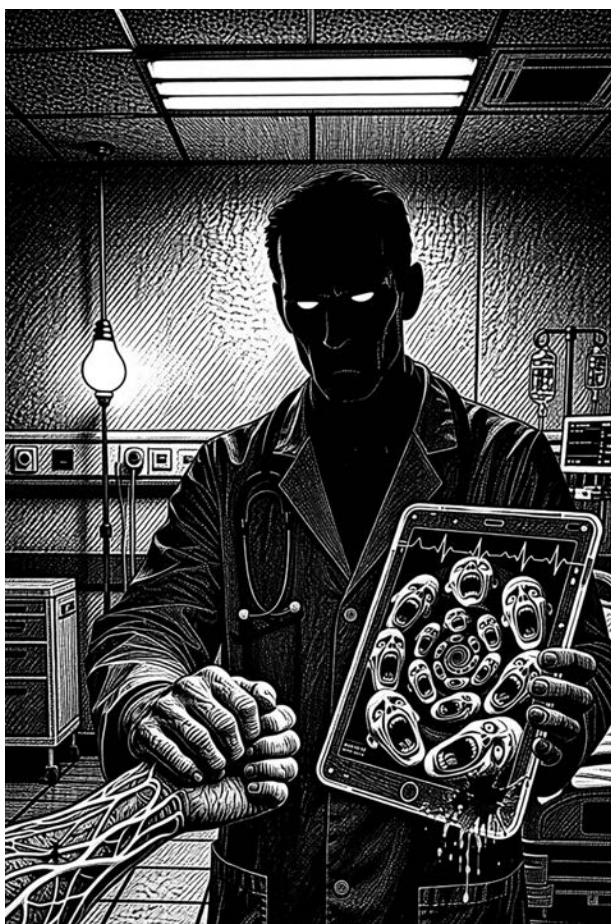
Да, я странный. И прелестный. И барион. Приятно познакомиться!

Магомед ДАЦАЕВ

ЧУМА-2300

РАССКАЗ

В одно июньское утро, когда солнце еще висело поплавром над горизонтом, Заур Вахитович вдруг изменился в лице. Его взгляд стал пустым, а рука, державшая вилку с клочком яичницы, замерла на полпути ко рту. Жена испуганно взглянула на мужа и затихла, не понимая, что происходит.

В следующее мгновение глаза Заура в пароксизме ярости забегали по столу. Увидев искомый предмет, он резко схватил кухонный нож и не раздумывая вонзил себе в живот. Лицо его перекосилось, вены на шее вздулись, когда он издал жуткий, хриплый стон. Он рухнул со стула, а жена вскрикнула и вскочила. Вся рубашка Заура мгновенно покрылась кровью.

Заур распластался на полу, раскинув руки. Его глаза смотрели в пустоту. Жена дрожащими пальцами нажала на тактильный экран чипа, вживленного под кожу, и вызвала скорую.

Врачи спасли Заура. Но когда выяснилось, что стояло за этим кошмарным инцидентом, его после регенеративной терапии перевели в изолированный психиатрический блок. Теперь он лежал, прикованный к функциональной кровати.

На первичный осмотр пришел доктор Витаев — в белом халате с синими полосками, с короткой стрижкой и чипом у виска, мерцавшим холодным светом.

Он зашел в палату и поздоровался. После недолгой приветственной преамбулы он спросил пациента:

— Почему вы хотели покончить с собой, Заур?

Молчание.

— Вы не хотите разговаривать?

Заур продолжал упорно смотреть на стену.

— Вы принимали какие-нибудь стимуляторы? Наркотики? Может, увлекаетесь нейроштифтами? Или делали киберприпайку? Результаты анализов будут у меня через пять минут. Так что вам лучше сказать сразу.

— Нет, — досрочно ответил Заур.

— Тогда скажите, у вас в последнее время были припадки? Или потери сознания?

— Доктор, вы не понимаете, с чем имеете дело.

Врач усмехнулся:

— Поверьте, я видел такое, что вам и не снилось. И всех вытаскивал. Технологии, знаете ли...

— Но не в этот раз, доктор! — яростно, с какой-то обреченностью в глазах произнес Заур.

Доктор откинулся на спинку стула, сцепил руки на животе, заранее отложив прозрачный тачпад в сторону.

— Вы когда-нибудь видели наркомана, страдающего зависимостью от ККГ¹?

— Я даже не знаю, что это такое.

Врач нахмурился.

— Как? Вы никогда не слышали о ККГ?

— Никогда.

— Странно. Ну ладно...

— Вы хотите мне помочь, доктор?

— Конечно, я тут для этого.

— Убейте меня...

Доктор ошарашенно вскинул брови, но тут же вернул лицу безмятежность.

— Вас что-то не устраивает в вашей жизни?

Пациент не отвечал.

— Инновации позволили людям победить бедность, болезни, замедлить старение — это лучшее время, чтобы жить и радоваться. Депрессия, беспричинная меланхолия — все уже позади. Шизофрению и другие психические патологии теперь излечивают за пару дней. Конечно, остались наркоманы — единственное, что пока представляет для нас проблему. Но и с этим мы справляемся. Аутодеструктивный синдром, который я наблюдаю у вас, может быть только результатом инвазивного

¹ ККГ — капсулированные кибернетические грезы. Разрушительный синтетический наркотик. Выглядит как микрокарта. Вживляется под кожу рядом с мозжечком. Стимулирует мозг микроволнами, вызывая у наркомана сильнейшую эйфорию и галлюцинации.

воздействия, или психопатического расстройства, или, на худой конец, опухоль. Поэтому, если вы принимали что-то из запрещенного, скажите сразу — мы примем меры немедленно, не дожидаясь результатов.

— Доктор, — глаза Заура наполнились слезами, а лицо исказилось гримасой боли, — я видел, как бросали младенцев в огромную молотилку! Понимаете, доктор? Мягкие белые тельца, визжащие, кричащие, просто скатывались по длинной платформе в жерло металлической дробилки! Я управлял этим адским конвейером, я хотел прыгнуть туда! Вниз головой! Чтобы покончить с этим кошмаром! Но страховочная система сработала безупречно — я не смог умереть. Я видел, как собирали неугодных, инакомыслящих людей, раздевали их и засовывали в тесный инсинератор, сжигая дотла в жаре звездных температур. Я был убийцей, грешником, пленником и истязателем! Я был гнусным педофилом и предателем. Я руководил геноцидами и актами извращенного зла! Я убивал свою мать! Несколько раз! Убивал своих детей! Я причинял боль — и мне причиняли боль! Мне отрывали ноги! Вырывали язык, прижигали плоть! Один раз меня терзали сеткой Тесла! Вы знаете, что такое сетка Тесла, доктор? Это тонкие микроскопические нити, которые прикрепляются к нейронным сенсорам по всему телу, а затем по ним пускают пучки электричества. Боль такая, будто каждую клетку твоего тела сжигают адским пламенем. Я не хочу больше страдать, доктор! Прошу вас, убейте меня! Или отпустите, я сделаю это сам! Я не знаю, когда еще мне выпадет такой шанс! Я жил сотнями разных жизней, и лишь несколько раз мне довелось ощутить отдохновение... как здесь, в этой версии вселенной.

— Постойте! — прервал его доктор. — Версии вселенной? Вы говорите о мультиверсе?

— Да, я — копия Заура из другой вселенной. Я изучал элементарные частицы и из-за несчастного случая на экспериментальной площадке стал вечным скитальцем. Я хотел проверить внутренние датчики в ускорителе, не зная, что он включен. Сунул голову внутрь — и получил облучение. С тех пор мое сознание скачет по вселенным. Доктор! Вы понимаете? Это бесконечные круги Дантова ада! Развяжите ремни! Дайте мне нож или что-нибудь острое — времени мало. В любой момент мое сознание может переместиться в другую копию меня. Я видел столько миров, доктор, и почти во всех — сплошь страдание и зло! Я видел мир, где царил повальный каннибализм. Видел мир, полный уродливых

людей-мутантов с генетическими нарушениями, которые были лишены какого-либо морального чутья. Они не носили одежды, сочились гноем и ковыляли по улицам... Видел мир, где всех поразила ужасная болезнь — их тела обросли какими-то твердыми наростами... будто кораллами... Д-доктор, я не хочу больше это в-видеть. Изредка я попадал в более радушную вселенную! Но даже там я пытался прикончить себя, чтобы разомкнуть этот круг! Доктор! Миры — это слои ада, бесконечные уровни страждущих существ, причиняющих муки друг другу, грешащих, оскверняющих, богохульствующих, где воздух — грех, а язык — невежество. А между ними есть тонкие просветы. И все равно, проколесив через мириады адских кругов и попав в такой вот благоприятный уголок вроде вашего, доктор, хочется сию же секунду покончить с собой. Разорвать круг! Все говорят, что всегда есть надежда. Но зачем она нужна, если надежда для меня — лишь маленький глоток воздуха перед новым погружением в пучину. Убейте меня. Быстрее. Прошу вас. Если вы хотите мне действительно помочь.

Доктор скрестил руки на груди и посмотрел на Заура с сожалением.

— Заур, мы сможем вам помочь, если вы будете сотрудничать.

— Вы не верите мне? Я могу вам доказать. Скажите, кем я являюсь в этой вселенной? Чем я занимаюсь?

— Вы Кибиров Заур Вахитович. Родились 17 марта 2335 года в Краснодарском крае Союза Кавказских Республик. Работаете в Дорожно-транспортном бюро специалистом второго ранга.

— Значит, в этой версии я не ученый?

Врач взял планшет и стал елозить пальцем по экрану.

— Да, получается так.

— Вы мне поверите, если я вам напишу уравнения Шрёдингера?

— Послушайте, Заур, все равно это не будет аргументом. Если вы принимали ККГ, то в глубокой симуляции в мозгу могли отпечататься какие-то знания. Проектировщики ККГ любят аутентичность, и поэтому они могли вписать в код действительные уравнения для более точной имитации. Возможно, вы баловались суперсимуляцией на основе квантового бреда Хью Эверетта². Точно не знаю, какие формы ККГ вы принимали, но они вполне могут привести к СПЗ³, от которых, к вашему сведению, толку ноль. Так что,

² Имеется в виду теория многомировой интерпретации квантовой механики американского физика Хью Эверетта III.

³ СПЗ — синдром приобретенных знаний.

Заур, когда придут результаты теста и мы узнаем, что вы употребили, вам надо будет рассказать все. Нам придется сообщить в полицию: где купили, кто продал, все подробности. И затем мы вас избавим от пагубной зависимости. А если это результат шизофренического расстройства — не беспокойтесь. Три дня комплексной терапии, и все пройдет. Сможете забыть про галлюцинации.

Заур отвел взгляд и вздохнул. Затем процедил с уничижением:

— Раз ваш мир такая благодать, с чего вашим гражданам сидеть на всяких электронных наркотиках?

— Увы, тяга к новым формам наслаждения человека иррациональна. Мы можем вылечить депрессию, предотвратить шизофрению прививками, но стремление к неизведанным берегам удовольствия висит над нашим видом как ядовитое смолистое облако. Человек — ненасытное существо, особенно в погоне за наслаждениями. Мы знаем все пороки нашего вида и ищем альтернативные пути. Парадоксально, но безграничное удовольствие оказывается разрушительным.

— Любое удовольствие, будь оно безграничным или нет, — лишь короткий сон по сравнению с тем, что мне довелось увидеть. Мы живем в мыльном пузыре, доктор, а вокруг бурлит хаос.

В палате раздался сигнал. Дверь открылась, и на пороге появилась медсестра. Она сообщила доктору, что результаты пришли, а жена пациента просит разрешения увидеться с мужем. Доктор отклонил просьбу жены и взял свой тачпад.

— Хм... — пробормотал он через некоторое время. — Любопытно. Вы чисты. Никаких маркеров употребления наркотиков. Анализ крови хороший, биохимия, органы, все в норме... Странно... Я был уверен, что ваш случай — последствия ККГ. Придется провести тест Куликова⁴ на психопатологические отклонения.

Он ткнул в экран, отдав распоряжение прикатить аппарат.

Пока медики катили в палату тележку с мигающими кнопками и длинными щупальцами-датчиками, доктор задумчиво качал головой, поглядывая на показания. Медбрат натянул на голову Заура шлем с сенсорами.

— Вы читали Ницше, доктор? — спросил Заур.

— Ницше? Вы о его сверхчеловеке?

— Да, но я имею в виду другую его идею.

⁴Тест Куликова — вымышленный тест на нарушения шизофренического типа.

— Какую же?

Аппарат подключили, провода змейкой тянулись к голове Заура. Медбратья нажимали на кнопки и водили пальцами по сенсорному экрану, на котором мерцали какие-то графики и фрактальные узоры.

— О вечном возвращении, — тихо произнес Заур.

— Вы хотите сказать, что вы стали жертвой этого циклического проклятья? И что смерть освободит от этих нескончаемых перевоплощений?

— Нет, доктор, вы ошибаетесь. И Ницше тоже. Он метил правильно, но все же не попал в самую сердцевину.

— Все готово, — объявил один из медбратьев.

— Начинайте сканирование.

— Все ошибались, — словно мантру, повторил Заур.

— Пока ограничимся контурным сканированием. Ищем опухоли или другие образования. Затем проверим когнитивные функции. Если появятся аберрации сложного типа, то расширим градацию.

Аппарат издал ультразвуковой писк и щелканье. А доктор терпеливо ждал, постукивая пальцем по планшету. Пару минут спустя один из медиков объявил:

— Никаких образований нет.

Затем они передали доктору портативный экран, и он повернул экран к Зауру:

— Та-ак, теперь начнем анализ когнитивных функций. Смотрите на экран, ничего говорить не надо. Пока будет идти сканирование, на экране будут появляться изображения, просто нужно смотреть на них. И все. Справитесь? Отлично.

Появились разнообразные изображения, на первый взгляд представляющие хаотичные узоры или замысловатую кляксографию, но в этих изгибах и завихрениях угадывался некий паттерн.

— Так что вы говорили про вечное возвращение? — переспросил доктор.

— В одной из вселенных, где я побывал, человечество смогло изобрести квантовый компьютер, который имел бесконечные вариации идей и знаний. Ему можно было задать вопрос. Но была загвоздка: чем сложнее твой вопрос, тем дольше надо ждать. Люди поколениями ждали своих ответов. Этот компьютер получил название Вавилонская Вычислительная Машина. Вся суть и принцип этих искусственных мозгов сводился к бесконечному

комбинированию символов. Находя, она перебирала все возможные сочетания и сохраняла результаты в гигантской и постоянно расширяющейся библиотеке. То есть среди этого бесконечного массива данных есть и будут все уравнения, все книги, все песни, написанные и ненаписанные. Все-все. Даже будущее и прошлое каждого человека в каждой его версии во вселенной. У компьютера была функция поиска. Туда можно забить любую интересующую тебя тему. Большинство искали собственное имя, пытаясь заглянуть в свое будущее. Но компьютер выдавал через определенное время прорву разрозненных текстов, так скажем, пророчеств. И какое из них истинное, оставалось загадкой. Хотя, учитывая нескончаемое количество вселенных, вероятно, все они были правдивы. Но как понять, какое относится именно к тебе? Это все равно что всматриваться в алфавит и пытаться найти в нем сожженную Карло Гольдони трагедию «Амаласунта». Рукопись, несомненно, там, среди этих тридцати трех символов, нам надо всего лишь найти правильную комбинацию... Все в этих тридцати трех буквах. Там даже есть детальная сцена вашей будущей смерти. Это все находится там, просто надо кому-то взять и собрать буквы в правильном порядке... Понимаете? Вот чем BVM занималась, она неустанно выстраивала буквы в разных вариациях. Электронные мозги, бесконечно перебирающие кубики с буквами... Многие сходили с ума, пытаясь вычислить, какое из пророчеств относится именно к ним. Самыми долго ждущими квернетами⁵ были теософы, спросившие у BVM о Боге.

Заур на мгновение отвел глаза от экрана. Доктор попросил его не отвлекаться. Зрачки Заура расширились, словно он переживал глубокое потрясение, а шлемофон на его голове стробоскопически мерцал.

— Я тоже задал BVM вопрос и ответа ждал недолго. Я спросил у нее, как спастись от Вечного круга перевоплощений, — чуть дрожа, произнес Заур. — Смерть, доктор, только она сможет мне...

Доктор отвлекся от светящегося экрана и, стараясь выглядеть заинтересованным, посмотрел на своего пациента. Графики на экране все так же вальсировали и кружились. Эти цифровые морески доктору что-то сообщали, но его лицо оставалось неподкупным. Он спросил Заура, когда тот замолчал на мгновение:

— И что? Эта ваша мифическая машина, которая зовется BVM, знает все о бесконечности?

⁵ Квернет — в астрологии это лицо, задающее вопрос.

— Она не бесконечна, доктор, она будет функционировать столько же, сколько будут существовать вселенные.

— Все эти ваши заявления, Заур, лишь подтверждают глубокое шизофреническое расстройство. Все эти параллельные вселенные, циклы, круги ада и страдания — все указывает на то, что у вас проблемы с восприятием реальности. Медицина в наше время может объяснить все, исправить все, вылечить практически все. Последнее самоубийство произошло сто тринадцать лет назад. А после появления «Менфилина» самоубийства на почве депрессии прекратились. Мы победили самоубийства, любые формы саморазрушения и все психические расстройства. Теперь для нас депрессия — не более чем чих или легкое недомогание. Так что ваш бред объясняется лишь двумя причинами — других просто не существует, и современная медицина не признает иных вариантов. А для меня как для врача современная медицина — почти что Священное писание. И в этом Священном писании под названием «Общая эпидемиология» сказано: суицид и аутоагрессия имеют лишь две причины — наркотики и психическое расстройство. Если у вас депрессия или расстройство шизофренического спектра, сканирование это выявит и мы вас вылечим. После чего вы вернетесь... в спокойное лоно семьи и к своей привычной жизни.

— Вы не понимаете, доктор... — обреченно произнес Заур, сознавая, что его дехортации⁶ никак не влияют на врача.

— Я прекрасно все понимаю, Заур, поверьте. Но смерть — это конец, а не выход. Вы вообразили, что есть душа и она умирает вместе с телом? Душа — это миф, Заур, чистейшая выдумка философов. Есть сознание, обусловленное слаженной работой нейронных связей. Не более. Ваши фантазии — это чистая психопатия, поверьте.

Услышав это, Заур улыбнулся. Но это была не простая улыбка, а улыбка торжества. Его глаза вспыхнули каким-то inferнальным блеском.

— Нет, доктор... Смерть — ни то и ни другое.

— Последняя фаза сканирования, — объявил медбрат.

— Что вы хотите сказать?

— Что смерть — не конец и не выход. А нечто похуже. Куда страшнее. Куда кошмарнее, доктор! Вавилонская Машина дала мне ответ... Лучше бы я не задавал этот вопрос. Лучше бы не лез в

⁶ Дехортация — разубеждение. Речевой акт, содержащий совет против чего-либо.

эту нору! Но даже смерть, в ее новоявленной для меня форме, милосерднее жизни. А самое ужасное... — он запнулся, голос стал совсем тихим, — я не успел дожидаться ответа на главное: когда это кончится? По моим предположениям, все закончится лишь тогда, когда прекратится само «существование» во всех возможных формах.

— О чем вы? — доктор выгнул бровь.

Заур приподнялся. Его взгляд стал отстраненным, мимика разгладилась, и лишь бусинки пота блестели на лбу, отвлекая доктора от этого анфаса ужаса.

— Смерть не что иное, как амнезия, доктор... — прошептал Заур, чтобы не услышали медбратья. — Умирая, мы просто забываем прожитую жизнь и начинаем новую — в другой вселенной, по новому сценарию. И так, пока пространство и время не схлопнутся... Единственное отличие между мной и вами в том, что после несчастного случая на станции я стал жертвой сбоя, ошибки в системе. Моя душа... или разум, называйте как хотите... теперь путешествует, не дожидаясь смерти. Я называю это преждевременным пробуждением. И я не хочу убивать себя — нет, нет, не-е-ет... Это бессмысленно! Смерть, как я понял, невозможна по определению. Можете звать меня... вечным Лазарем. Но нет, я не стремлюсь к смерти — о нет, это было бы слишком... просто. Смерть? Она не спасет. Не освободит. Я уже знаю, смерть всего лишь грязный трюк, жалкий сброс, подменяющий одну иллюзию другой. Они думают, что стирают память из милосердия? Чтобы мы не сошли с ума? Смешно. Нас заставляют ползать по бесконечным вариациям реальности, как тараканов в банке, — плодиться, гнить и снова плодиться в новых мирах, с каждым разом все уродливее, отвратительнее. Тот философ ошибался. Ничто не повторяется. Нет циклов, нет гармонии — только мутация, бесконечная деградация. С каждым прыжком, с каждой новой вселенной осколки реальности вонзаются глубже. Мы не эволюционируем. Мы разлагаемся... Я просто хочу забыть, доктор. Стереть все, что видел... Эти вывернутые наизнанку пейзажи. Эти миры, где законы физики и морали всего лишь ненужный шепот. Мы словно вагоны, прикованные к рельсам. Плоским. Бесконечным. Смерть лишь стрелочник у развилки: когда ты достигаешь точки, ее костлявый палец щелкает — и ты уже катишься по другой колее. Без памяти. Без прошлого. Без этого смердящего реликта, запах которого нас заставляют забыть. Но знаете что, доктор? Пока я несея вперед, как слепой паровоз, рвущий собственные

швы, я чувствовал — кто-то смотрит. Из щелей между рельсами. Из тьмы за стеклами вагонов. Они наблюдают. И переключают стрелки не просто так...

Глаза и мимика Заура будто бы омертвели и потеряли всякие витальные признаки.

— А теперь я хочу спросить вас, доктор, — его голос звучал холодно. — Раз ваша медицина столь безошибочна, почему бы сразу не начать лечение от шизофрении? Ведь наркотики же вы исключили...

Доктор укоризненно посмотрел и ответил:

— Это вопрос профессионального этикета. Нам необходимо документально зафиксировать причину в картотеке. Всего лишь формальность.

— А что будет, доктор, если ваш сканер ничего не покажет? Ведь в таком случае ваше «Священное писание» ошибается.

— Тогда... — Врач задумался, гладкий лоб покрылся морщинами. Затем он все же процедил: — ...мне придется убить вас. И себя. Чтобы ваше откровение не свело нашу цивилизацию с ума.

Было сложно понять, говорит ли доктор всерьез или это крайне мрачная ирония.

— Осторожно, доктор, с такими заявлениями.

— Люди избавились от мрака. От ядовитых мыслей, от догм, разъедающих разум. У нас есть болеутоляющие, которые гасят даже память о страдании. Мы сделали смерть... комфортной. Уходим в небытие с чувством эйфории, будто растворяемся в теплом свете. И если вы правы, если наша жизнь всего лишь краткая вспышка во тьме, тогда представьте, что станет с теми, кто верил в этот идеальный мир? Они сломаются. Получат истерию, паранойю, массовый психоз. Наше общество — хрустальный дворец. Он прекрасен, пока никто не бьет по нему молотом. А ваши слова — не молот. Они — нейтронная бомба. Так что вот мой выбор: если прибор подтвердит, что вы в здравом уме и воткнули в себя нож осознанно... мне останется лишь спустить курок. Или...

— Или вы убьете меня... и останетесь наедине с этим демоном. Загнанным вглубь души. Знаете, что это будет? Как если бы один-единственный человек узнал дату Апокалипсиса — и молчал. Смотрел, как люди строят планы, рожают детей, смеются... зная, что скоро все обратится в прах. И главное — не имея права предупредить. Вы станете ходячим склепом. Гробом для правды, которая сожрет вас изнутри. Чумной, добровольно замуравов-

ший себя в каменном мешке... лишь бы чума не вырвалась наружу, боясь, что здоровые увидят гноящиеся язвы, нарывы по всему телу. Я принес вам чуму, черную смерть в ваш блаженствующий мир. Это я! Вот он! Черная смерть! И вот ваш выбор: убийство... Или медленное безумие.

— Все! Сканирование закончилось! — прокричал медбрат.

Доктор слегка оцепенел от речи Заура. Этот надрыв, эта сила и отчаяние, пропитавшие каждое слово, казалось, выжгли в нем что-то важное. Медленно, будто против воли, он повернулся и посмотрел на экран. Там было написано:

ПСИХОПАТИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ ИЛИ ДРУГИХ НЕЙРОНАЛЬНЫХ ОТКЛОНЕНИЙ НЕ ОБНАРУЖЕНО.

ОБСЛЕДУЕМЫЙ ПСИХИЧЕСКИ ЗДОРОВ.

Губы Заура растянулись в кривой ухмылке, когда он увидел, как доктор застыл, уставившись на экран. Затем он резко рванулся вперед, провода и электроды зашипели, ремни хлопнули, натянувшись. Его глаза заметались в безумном нистагме. Наклонившись так близко, что губы почти коснулись уха врача, Заур прошептал:

— Ну, доктор... что выбираете?

Ольга СОЛОВЬЕВА-НАГИБИНА

БАШНЯ В ТУМАНЕ

РАССКАЗ

Когда Адам выбрался из машины и поставил рюкзак на землю, первый вдох показался ему чем-то сродни обряду: воздух в этих местах не просто входил в легкие, а просачивался сквозь кожу, будто растворяясь в крови, и в нем было что-то первородное — смесь каменной пыли, старой травы, мартовской влаги и чуть уловимого дыма.

Горы стояли вокруг так, как стоят лишь те, кто не собирается уходить: сдержанно, не требуя восхищения, и в то же время с внутренним достоинством.

Аул, к которому вел узкий серпантин (последний раз автобус ходил здесь лет двадцать назад), давно уже слился с местностью: порос мятой, крапивой, сухим чертополохом, сросся с камнями и стал таким же безмолвным, как и горы. В нем уцелело всего несколько домов, чьи стены уже начали забывать разговоры и смех, и на краю, у самого обрыва, чуть в стороне от обитаемой части, стояла она — башня, темная, высокая, худая, словно вытянутая вверх не архитекторами, а временем, которое вытягивает то, что остается после исчезновения всего остального.

Бабушка, встретившая его у порога, не спросила, как долетел, и не обратила внимания на усталость в его взгляде — она просто кивнула, коротко, чуть заметно, словно подводя итог своим собственным мыслям, а потом, положив руку на его плечо, тяжелую и сухую, как камень на горной тропе, медленно развернулась и пошла к дому, не произнося ни слова.

Дом пах землей, старым деревом и чем-то еще — возможно, осенью, собранной с гор и засушенной в пучках, развешанных над печкой; пол, доски которого трещали так, будто помнили всех, кто по ним ходил, слегка пружинил под ногами, а потолок был такой низкий, что Адаму пришлось пригнуться.

За ужином бабушка для поддержания разговора сказала:

— Башня ночью шумела. Что-то опять произойдет!

Адам поднял глаза от миски с горячей, чуть пересоленной хлебкой, в которой плавали кусочки картофеля, кореньев и то ли сушеного мяса, то ли грибов, и какое-то время всматривался в лицо бабушки, покрытое сетью морщин, будто следами горных рек на старинной карте.

Адам хотел было поспорить — сказать что-то насчет геологических сдвигов, остывающих пластов, температурных скачков или колебаний давления, но, взглянув в ее глаза, передумал, потому что понял: объяснения не требовались, и любая попытка рационализировать прозвучала бы здесь не как проявление знаний, а как неуместный упрек.

— Так же было, когда твой отец ушел, — добавила она.

Адам кивнул, но внутри уже закрутилась мысль — не насчет зова, конечно, а насчет возможности локального искажения: башня стояла высоко, почти у самого обрыва, и если в ее основании был пустотелый слой или трещина, то в сочетании с ветром вполне могла возникать резонансная вибрация, похожая на звук. А если добавить к этому суеверия, тишину, возраст, ночную прохладу и память, вросшую в эти камни, то и вовсе получится почти миф.

После ужина Адам вышел на улицу, достал из рюкзака небольшой блокнот — привычка, оставшаяся с университетских времен, когда фиксировать наблюдения лучше было сразу, не надеясь на память — и сделал несколько записей: «место — изолированное, шум — не проверен, легенда — о “зове” башни, атмосфера — наэлектризованная, как перед грозой».

В тот день ближе к вечеру, когда в воздухе уже чувствовалась влажность, предвещающая ночной туман, и птицы замолчали как-то одновременно, будто по сигналу, Адам вернулся с верхней тропы, где делал замеры, и застал бабушку у очага. Она сидела на корточках, шевелила угли длинной железной кочергой.

Адам поставил кружку с водой на стол, сел на низкую лавку, с которой в детстве не мог дотянуться до окна, и после небольшой паузы спросил, стараясь говорить просто, без нажима:

— Ты когда-нибудь поднималась туда? В башню?

Бабушка не сразу ответила. Только сложила руки на коленях, посмотрела на огонь и, немного подумав, произнесла:

— Я — нет. Но одна женщина у нас была. Звали ее Марьям. Жила она одна, в крайнем доме, за ручьем. Красавица была, тихая, не разговаривала почти. Люди ее побаивались. Она приходила на кладбище в неположенное время, когда никого не было, и сидела, как камень, — то у одной могилы, то у другой. Ее никто не знал по роду, не знали, откуда пришла. И вот однажды весной, после дождя, она поднялась к башне. Люди с пастбища видели: шла не спеша, в белом платке, босиком. Потом туман поднялся — такой густой, что не видно было руки. Даже собаки замолчали. А к вечеру стало ясно: Марьям не вернулась. Искать ее не пошли — тут у нас... если человек уходит туда — не мешают. Мы не гонимся за ушедшим.

Бабушка умолкла, провела пальцем по краю чашки. Адам не сразу решился прервать тишину.

— И ты веришь, что она... ушла туда? — спросил он наконец.

Бабушка не ответила. Она только посмотрела в окно, где башня уже начинала растворяться в набегающем тумане, и сказала тихо, почти на выдохе:

— Кто-то видит в башне конец, а кто-то — начало.

Ночью Адаму снилась вода — черное зеркало, раскинувшееся между скал, над которым клубился пар. Вода была теплой и неподвижной, но стоило ему опустить в нее руку — она холодела и втягивала, как будто не принимала прикосновений без разрешения. Вдалеке маячила башня. У входа стояла женщина.

Адам не видел ее лица, но знал — это та, о которой говорила бабушка. Платок на ее голове двигался от ветра, которого не было. А когда она подняла руку и коснулась камня башни, вода вокруг Адама дрогнула. Он сделал шаг — и провалился. Он летел сквозь что-то бесцветное и мокрое, слышал голос, не женский, не мужской, но заполняющий все внутри: «Ты хочешь измерить то, что существует без времени. Ты ищешь вход, но это только выход. Кто ты?»

Адам не успел ответить. Очнулся резко — как бывает, когда во сне падаешь с высоты. Сердце билось в горле, комната казалась слишком узкой, потолок — слишком низким.

Адам сел на кровать, вслушиваясь в темноту. Он нащупал рядом блокнот, открыл, но не смог сразу написать. Слова не шли. Он только нарисовал круг. Башню. Женщину. А рядом — линию, пересекающую все. Трещину. И снова уснул.

Утро выдалось тихим — безветренным, серым, как бывает только в горах перед туманом. В воздухе стояла какая-то особая неподвижность, будто сама природа затаилась, не решаясь вступить в этот день. Адам проснулся еще до рассвета: открыл глаза и долго лежал, глядя в потолок.

Он не торопился: неспешно собрал рюкзак, проверил заряд батарей, перебрал кабели, вставил в планшет карту области, прилаженную к спутниковой системе.

Башня показалась из тумана, когда он вышел на верхнюю тропу, будто не он ее нашел, а она его. Вблизи она производила другое впечатление, нежели издалека: каменная кладка, сложенная без раствора, и от этого казалась не рукотворной, а выращенной — как будто башня выросла из горной породы, как клык, как позвоночник земли.

Адам расстегнул рюкзак, выложил приборы: маленький трипод с датчиком магнитных колебаний, направленный микрофон с автономной записью, геофон, реагирующий на вибрации почвы, термодатчик и три камеры с ночным режимом. Он работал спокойно, методично, как в экспедициях, в которых участвовал раньше, — в пустынях, степях, на северных вулканах. Только здесь впервые за долгое время у него появилось странное ощущение, что не он наблюдает, а за ним наблюдают.

Камеры он установил на разной высоте, одну — прямо напротив входного проема башни, другую — на ближнем склоне, под углом, третью — немного в стороне, чтобы зафиксировать общую панораму.

Когда Адам активировал датчик гравитационных отклонений, тот мигнул красным — странно, на экране проскочило короткое помеховое дрожание, будто что-то очень легкое, как колебание воздуха от взмаха крыла, нарушило устойчивость измерений. Он перезапустил программу, но снова получил короткий сбой. Записал в блокнот: «помеха — нестабильна, короткая, природа не определена».

Адам провел рукой по стене башни — камень был теплым, и это его удивило: солнце еще не поднялось, ветер холодный. На мгновение ему показалось, что изнутри донесся звук. Очень тихий.

Он отдернул руку, вздохнул, огляделся: ничего, кроме тумана, качающихся трав и шершавых камней.

Адам включил запись и пошел обратно, а за его спиной в верхнем проеме башни совсем на миг мелькнула тень. Он не заметил,

а камера поймала короткое дрожание изображения, едва заметное смещение светотени.

Позднее, вечером, за крепким травяным чаем, который бабушка всегда настаивала в старом эмалированном чайнике, покрытом сеткой трещинок, он раскрыл ноутбук, подключил жесткий диск и начал сверку. Рядом мерцал слабым светом маленький настольный светильник, будто боясь нарушить тонкую ткань горной тишины. На экране — графики, цифры, сплошные строки кода. Но камера под номером два, установленная на склоне, сохранила аномалию.

Адам отмотал видео назад. Пик сигнала — 04:17. На записи: башня в легком утреннем тумане, в фокусе — верхний проем, как раз тот, в котором нет окон, только чернота. В 04:17:03 — резкий импульс по частотам. В 04:17:05 — затемнение. Что-то мягкое и вытянутое, скользнувшее в кадре и тут же исчезнувшее, как будто камера моргнула.

Он замедлил кадры. Покадрово. 04:17:05:03 — есть. Контур. Что-то человеческое — но не человек. Он прижал ладонь к лицу, на секунду закрыл глаза и снова посмотрел. Та же фигура. Та же тень.

Адам потянулся к ноутбуку, чтобы включить спектральный анализ, но в этот момент экран замигал. Сначала слабое дрожание — будто батарея садится. Потом искажение изображения, резкий шум в динамике, как будто кто-то провел пальцем по стеклу, и все — отключилось. Черный экран.

Адам отодвинулся. Сделал глубокий вдох. Сидел так в полумраке кухни, где пахло мятой и древесным дымом, и вдруг вспомнил фразу бабушки: «Кого позвали — тот и услышал». Не «кто пошел», не «кто пришел», а именно «кого позвали».

Он выключил свет, лег в кровать и долго смотрел в потолок. Через некоторое время понял, что завтра поднимется в башню.

Вышел на рассвете, еще до того, как бабушка проснулась. На кухне на краешке стола оставил записку — короткую, будто пустую строку между мыслями: «Если не вернусь до вечера — не ищи». Он не знал, почему написал именно так, но других слов у него не нашлось.

Воздух был густым, влажным, пронизанным запахом холодной зелени, камней и чего-то еще, едва уловимого, — может быть, прелой листвы, оставшейся с прошлой осени, или сырого мха,

который растет в трещинах между плитами, где не ступала нога человека.

Адам не стал брать с собой ничего лишнего — ни приборов, ни камер, ни даже блокнота. Тропа вела вверх, петляя между утесами. На южном склоне в стороне бродили козы, и их тени ложились на траву, словно вырезанные из черного бархата. Внизу, в долине, застывшей в лунном серебре, уже просыпались первые огни — отблески окон, за которыми женщины начинали день, ставя котлы на огонь.

Башня показалась не сразу. Она не выделялась из пейзажа — наоборот, будто сливалась с ним, вырастая из скалы как продолжение ее позвоночника, черная, узкая, немногословная. Подойдя ближе, он впервые заметил, как много в ней несовершенства: трещины, выбоины, сломанные ступени у основания — все это говорило о времени, о столетиях, что, словно влага, впитались в каждый камень, будто сама башня не столько строилась, сколько терпеливо вставала, пока вокруг ходили люди и сменялись дни.

Перед входом он остановился, чтобы отдышаться. Легкий ветер трогал лицо, волосы, проносился между камней, как если бы кто-то вел рукой по струнам давно забытого инструмента.

Адам сделал шаг внутрь. Внутри пахло сыростью. Свет проникал сквозь узкие щели, полосами ложился на стены, оставляя на них проблески, похожие на дыхание. Лестница, выточенная прямо в теле башни, поднималась вверх, закручиваясь туго, как спираль ДНК.

С каждым новым шагом Адам чувствовал, как башня меняет пространство: стены то сдвигались, то отдалялись, и воздух становился то плотным, как вода, то вдруг легким, прозрачным, почти невесомым. Он поднимался, не считая ступеней, потому что время, казалось, тоже перестало идти по прямой: он чувствовал, что уже бывал здесь ребенком.

На верхнем уровне, где кончалась лестница, не было окон, только проем. Через него виднелись горы — бескрайние в розовом свете рассвета, с облаками, плывущими ниже, чем его взгляд.

В центре комнаты — если это можно было назвать комнатой — стоял камень. На нем лежала сухая трава. Адам подошел и прикоснулся к камню. В этот момент все изменилось.

Сначала исчез звук. Не сразу, не резко — он ушел, как уходит вода из раковины: по кругу, со свистом, с тихим, еле различимым

«щелчком» в груди. А за ним ушло и зрение. Адам ощутил, что больше не стоит — как будто под ногами исчезла опора, но тело продолжало висеть в той точке, где была последняя мысль.

Первая картина — горная тропа, выжженная солнцем, по которой медленно шел мальчик. Ему было лет десять, в руках он держал деревянную коробку, из которой доносился тонкий звон. Солнце било в затылок, трава по краям — высокая, колючая. Адам узнал этот пейзаж сразу: это был склон за старым кладбищем, куда он в детстве никогда не ходил — бабушка запрещала. А вон там, у изгиба, был валун, на котором любили сидеть старики. И точно — там сидел его дед.

Но дед не был стариком. Ему было чуть за тридцать. Мускулистые руки, мягкие, глубоко посаженные глаза, в которых отражалось небо. Он поднял взгляд и кивнул — прямо Адаму.

— Ты вырос, — сказал он без удивления. — Но все равно пришел сюда.

Адам хотел что-то сказать, но голос исчез. Дед встал, подошел и на мгновение коснулся его лба. И в этот момент пространство дрогнуло.

Вторая реальность была ослепительно белой. Настолько белой, что в ней не было теней. Все — плоскости, стены, воздух — светилось изнутри. Люди в одинаковых длинных одеждах, легких, полупрозрачных, как будто сшитых из тумана, двигались молча. Они не смотрели на него, но чувствовали — он другой. Адам увидел себя — взрослым. Он преподавал, но не в университете. Он сидел перед детьми, рассказывал о гравитации, но руками рисовал круги на песке. Вокруг — купол, сделанный из света. Башня, теперь не каменная, а стеклянная, полупрозрачная, тянулась вверх.

— Здесь нет прошлого, — сказал кто-то изнутри, без звука. — Здесь ты такой, каким станешь, если забудешь, кто ты.

Адам опустил взгляд и увидел на своей руке тень.

Мир начал распадаться.

Третий переход был мягким — как теплая вода, как шаль, в которую укутывают больного. Здесь был дом и женщина. Та, которую он видел во сне. Она замешивала тесто и время от времени смотрела в окно. В углу — ребенок. Он понял, что это его ребенок.

Адам сидел у камина, уставший, но спокойный. За окном — та же башня, только дальше, не в шаге, а в полудне пути. Он знал: в этом мире он не пошел к ней. Он не был ученым. Не был искателем. Он просто был счастлив со своей семьей.

И в этом был выбор.

Адам протянул руку к ребенку — но пространство дрогнуло и стало вновь меняться. Сначала вернулся звук. Самый простой, обыденный, тот, к которому слух давно привык, — скрип доски где-то внизу, может быть, от ветра, может быть, от мыши или просто от старости дерева, прожившего слишком долго. Потом — свет. Но не сразу: он пришел как-то боком, отразившись от стены. Он был тусклый, неуверенный, будто утром, когда солнце еще само не решилось проснуться.

Тело вернулось в последнюю очередь. Оно казалось тяжелым, натянутым, будто костюм, который долго не надевали, и теперь он не садится, мешает. Ноги гудели. Горло пересохло. Голова... болела.

Адам сидел на камне в верхнем круглом зале и смотрел в щель стены, через которую было видно только небо. Оно было серым, плотным, как шерсть. Где-то внизу кричала птица. Башня молчала. Больше не пульсировала, не дышала. Она снова стала камнем.

Он провел рукой по лбу — пот, пыль, время. Ощущение было такое, будто он проспал год. Он не знал, сколько было времени. Он не знал, что было временем. Он знал только, что он — есть. И что в этом «есть» теперь помещается гораздо больше.

Адам встал и пошел вниз. Шаг за шагом, спускаясь по той же лестнице. На выходе его встретил обыкновенный дневной свет, размытый, как после дождя, с запахом сырой травы и камня, теплый, но неприветливый. Он сделал шаг наружу и замер, вдохнув воздух так, будто заново научился дышать.

Мир был тем же. Но он, Адам, — уже нет.

Когда подошел к дому, бабушка уже стояла у калитки. Она посмотрела на него долго, спокойно и сказала:

— Ты видел.

Адам хотел ответить, но не смог. И не потому, что не знал, что сказать, а потому, что ничего из увиденного не нуждалось в словах. Оно было. Оно осталось. Оно теперь — он.

— Я хочу остаться здесь еще на месяц, — сказал Адам и прошел мимо нее, коснувшись ее плеча так, как когда-то она касалась его. Не для уверенности, не для поддержки, а чтобы напомнить: я здесь.

А башня осталась там, в тумане. Внутри времени. Внутри него.

Через несколько дней туман снова спустился. Не как обычно — не легкий утренний пар, а плотный, белый, как взбитое молоко, ту-

ман, который заполняет все: и тропы, и поля, и даже окна домов, будто хочет войти внутрь.

Башня едва виднелась. То ли была, то ли казалась.

Адам в это утро ушел рано в долину, к ручью, где бабушка собирала траву. Он не говорил много. Слова теперь были чем-то вроде одежды: нужной в городе, но не здесь. Он больше слушал и смотрел. Как человек, вернувшийся не из путешествия, а из молитвы, в которую однажды вошел и теперь несет ее внутри.

В доме, где он оставил приборы, ноутбук, папки с расчетами и четко пронумерованные съемки, снова мигнула лампочка камеры. Она ожила сама. Возможно, от перепада напряжения. Возможно — нет.

Камера снова фиксировала башню. И в какой-то момент на фоне густого тумана в проеме верхнего яруса мелькнула фигура. Мелькнула — и показала на человека, идущего вверх по тропе. Он шел, чтобы сделать красивые фото, не зная, что у башни на него свои планы.

Софья СОЛОМОНОВА

ПЯТЬ МИЛЛИСЕКУНД, КОТОРЫЕ ИЗМЕНИЛИ ВСЕ

РАССКАЗ

25 марта 2026 года ровно в полдень младший научный сотрудник Артур Канаев обнаружил в показаниях радиотелескопа «РАТАН-600» аномалию — быстрый и мощный всплеск излучения. Будучи человеком прилежным и дотошным, Артур немедленно сравнил полученные данные с уже известными источниками. Но совпадений не обнаружил. Чтобы убедиться, Артур также проверил все наблюдения этого сегмента космоса за последние двадцать лет и также не нашел ничего похожего. И только тогда Артур отправился к своему руководителю Георгию Геннадиевичу и продемонстрировал находку. Георгий Геннадиевич удостоил отчет Артура лишь беглым взглядом.

— Быстрый радиовсплеск, — заключил он, — занесите в базу к другим и продолжайте наблюдение.

Артур был не согласен с Георгием Геннадиевичем. Он полдня сравнивал характер аномалии с ранее зафиксированными быстрыми радиовсплесками и заключил, что сходство незначительное. Пусть вспышка и длилась почти эталонные пять миллисекунд, частота ее отличалась. Но под строгим взглядом руководителя Артур не нашел в себе смелости перечить и лишь про себя обругал Георгия Геннадиевича последними словами. Настроение было безнадежно испорчено, и Артур понуро поплелся на свое рабочее место заносить аномалию в базу быстрых радиовсплесков. Про себя он решил, что, если подобное повторится снова, он зафиксирует все точнее и сможет доказать, что природа его аномалии иная.

И действительно, уже на следующий день аномальная вспышка повторилась снова, причем ровно в то же время. Мощность сигнала была даже немного выше. Артур заботливо все зафиксировал и хотел уже пойти к руководителю сообщить о своем открытии, но в последний момент спохватился — Георгий Геннадиевич улетел на конференцию в Китай.

За неделю, в течение которой начальник отсутствовал, Артур наблюдал аномалию еще семь раз. В одно и то же время раз в сутки в одном и том же секторе космоса радиотелескоп улавливал мощную волну. И с каждым днем она становилась пусть и незначительно, но все мощнее и дольше. Теперь это уже точно не походило на быстрый радиовсплеск.

Вернувшись, Георгий Геннадиевич изучал отчет Артура гораздо дольше. Тем более что Артур приложил к нему все свои сравнительные выкладки и анализ и был вполне удовлетворен проделанной работой. Он рассчитывал, что новое открытие потянет на публикацию, в которой он будет хотя бы вторым автором. Но начальник снова разочаровал Артура.

— Даже не знаю, Артур Денисович. Очень странно, что этот всплеск привязан к земным суткам.

Артур согласно закивал, хотя по тону руководителя уже начал что-то подозревать.

— Я, естественно, не могу утверждать наверняка, но больше похоже на излучение от объекта на околоземной орбите или даже земной шум. Вам следует проконсультироваться с нашими коллегами-астрономами, возможно, они смогут засечь источник.

Артур вновь обругал руководителя, но только про себя. И вернулся за свой стол. Минут через пятнадцать, которые он провел, исподлобья буравя взглядом Георгия Геннадиевича, Артур все-таки понял, что в словах руководителя было рациональное зерно. И написал коллегам запрос по электронной почте. Зайти к ним в соседний кабинет он нужным не посчитал.

Ответили Артуру только на следующий день. К этому моменту Артур уже зафиксировал еще один всплеск и вновь мощнее и дольше, чем предыдущие. Коллеги-оптики обещали последить. Сроков не сообщали. Артур подозревал, что они просто считают, что астрофизикам некуда торопиться.

В ожидании ответа от коллег Артур продолжил изучать аномалию. После длительных скрупулезных измерений и нескольких часов настройки алгоритма сверки ему удалось заключить, что длительность аномалии растёт экспоненциально. Начавшись с

нескольких миллисекунд, через неделю аномалия длилась уже больше секунды. Артур вновь убедился, что это вовсе не быстрый радиовсплеск. Он хотел было написать об этом Георгию Геннадиевичу, приложив полученные расчеты, но передумал. Без данных от астрономов руководитель точно списал бы все на объект в Солнечной системе.

Астрономы дали Артуру ответ только через четыре дня. За это время длительность вспышки выросла до двадцати секунд, а частота немного повысилась.

«Мы тщательно изучили обозримую часть космоса и не нашли никаких незарегистрированных объектов», — гласило письмо. Артур и не сомневался, что получит такой ответ. Он хотел было сразу пойти к Георгию Геннадиевичу, но оказалось, что тот разговаривает с кем-то по телефону. Общение шло на повышенных тонах. Артур решил дождаться окончания разговора.

Когда он наконец подошел к руководителю, тот одарил его взглядом даже более угрюмым, чем обычно. Артур не придавал этому большого значения.

— Георгий Геннадиевич, я еще раз все проверил и проконсультировался с коллегами, теперь я абсолютно уверен, что найденная мною аномалия не происходит из Солнечной системы и ранее никем не наблюдалась!

— Артур Денисович, ну что вы все заладили? Аномалия, аномалия. Если вы считаете, что это открытие, так исследуйте его!

— Но Георгий Геннадиевич, я...

— Не надо мне тут «Георгий Геннадиевич». И так проблем не оберешься, финансирование опять пытаются урезать, а тут вы со своими аномалиями. Я велел вам наблюдать, вот и наблюдайте.

— Но...

— Тема закрыта.

Артур открыл было рот, но тут же закрыл, не позволив сорваться с языка словам, за которые можно было и работы лишиться. Он-то знал, что нашел. И сейчас никак не мог рискнуть доступом к телескопу. Поэтому он просто развернулся на пятках и, громко топая, вернулся на свое место.

— Если он не хочет меня слушать, то я сам все исследую, напишу статью и буду там единственным автором, — пробурчал себе под нос Артур, — а он пусть локти кусает, старый пердун.

С этого момента Артур более не привлекал внимание Георгия Геннадиевича к аномалии. Другим коллегам он тоже решил ничего не говорить. Отныне это была только его, Артура, аномалия. А

этим недалеким недоученым предстояло узнать о его великом открытии из цитируемого журнала и никак иначе.

Аномалия же продолжала удлиняться. Уже на двадцати секундах Артур заметил, что структура сигнала неоднородна. Мощность излучения колебалась. Когда длительность аномалии превысила минуту, Артур смог распознать в этих колебаниях повторяющийся рисунок.

Следующие несколько дней Артур потратил на изучение обнаруженного паттерна. В нем было что-то странное. Колебания были слишком четкими, будто искусственными. Артур еще никогда такого не видел. И все же чего-то не хватало, рисунок как будто был неполным. Он решил изучить то, что было ему доступно.

Чуть вверх, чуть вниз и снова повтор. И так несколько коротких циклов, все в пределах пары секунд. Как будто строчка программного кода: 10101010.

Потом колебания становились более хаотичными. Артуру даже показалось, что никакой последовательности в них нет. Но сигнал был слишком стабильным и четким, чтобы оказаться просто космическим шумом. Поддавшись наитию, Артур перевел данные в двоичный код и загрузил в компьютер. Перед ним предстала последовательность цифр от 0 до 9. И это уже точно не могло быть совпадением.

Когда на следующий день длительность сигнала удвоилась, Артур уже знал, что делать. Демодулировать колебания на аппаратуре обсерватории было несложно. Но то, что он увидел на экране, повергло его в шок.

Сигнал содержал координаты в космосе. Для триангуляции использовалась Земля и два ближайших пульсара. Будто что-то там, в тысячах световых лет от Земли, сообщало: «Я здесь».

На следующий день длина сигнала вновь удвоилась, и компьютер выдал Артуру вектор и число. Сомнений не было: вектор этот был направлен точно на Землю. А число в этом контексте могло означать лишь одно — скорость. В этом Артур несколько не сомневался. Все-таки он не за просто так получил эту работу.

«Мы разумны. Мы здесь. И мы летим к вам» — вот что говорило это сообщение. Через радиотелескоп с Артуром говорила внеземная цивилизация.

Артур понимал, что подобная скорость недостижима для человека. Она превышала скорость света в несколько раз. А значит, кто бы сейчас ни летел в сторону Земли, их цивилизационный уровень в разы опережал человеческий. Возможно, это

была цивилизация как минимум третьего типа по шкале Кардашева.

Весь вечер Артур судорожно пытался вычислить, сколько времени потребуется инопланетянам, чтобы добраться до Земли с такой немыслимой скоростью. Результат заставил его вздрогнуть. Оставалось всего десять дней.

Ночью Артур почти не спал. Часть его пыталась рационализировать полученный результат. Поверить не просто в существование внеземной жизни, а в ее столь стремительное приближение к Земле поверить еще сложнее. Но других объяснений просто не могло быть.

На следующий день сигнал пошел на повтор. В этом Артур не сомневался. Он успел изучить каждое колебание. Они буквально отпечатались в его подкорке.

Артур еще раз все перепроверил. Сомнений быть не могло. Разумная цивилизация вышла на контакт с землянами. И она общалась о своем скором прибытии.

Сначала Артур хотел сообщить об этом напрямую в РАН, раз уж собственный руководитель от него отмахнулся. Но решил, что там сидят такие же заскорузлые старики, как Георгий Геннадиевич. Потом ему пришла мысль связаться с иностранными коллегами и поделиться открытием с ними. Но прямого выхода на них у Артура не было, пришлось бы идти через руководство, то есть через того же Георгия Геннадиевича.

Еще день, в течение которого длительность сигнала выросла до полутора часов, Артур терзался, разрываясь между гордостью и совестью. После череды отказов ему совершенно не хотелось делиться ни с кем своим знанием. Чертенек за его левым плечом шептал, что, раз эти люди не оценили его открытие, пусть их ждет неприятный сюрприз. Ангел за правым увещевал, что человечество должно знать о приближающейся угрозе.

В конечном итоге победила совесть. И Артур решил прибегнуть к единственному инструменту, который был ему доступен: интернету.

Он зашел на крупный форум, посвященный техническим темам, и написал пост:

«К земле приближается инопланетный корабль!

Я сотрудник радиоастрономической обсерватории "ПАТАН-600", и я засек в космосе необычный сигнал. Мне удалось расшифровать послание в нем.

Это инопланетяне! И они летят к Земле. Если я прав, они будут здесь всего через несколько дней!

Люди, готовьтесь! Если вы представитель власти или армии, свяжитесь со мной для получения подробностей».

Конечно же, к посту он добавил часть полученной через телескоп информации.

Похожее сообщение Артур направил в контактные центры всех крупных федеральных СМИ. Он был убежден, что реакция последует в ближайшие часы. Артура так и распирало от гордости. Он выполнил свой гражданский долг. Возможно, даже спас человечество от инопланетного вторжения.

Но шли часы, а с Артуром так никто и не связывался. Зайдя на форум, Артур обнаружил, что его пост посмотрело лишь несколько десятков человек. Трое оставили комментарии:

«Бегу покупать шапочку из фольги».

«Когда уже этих уфологов забанят в интернете?»

«Телефон бесплатной психиатрической помощи...»

Артур был так потрясен, что несколько минут просто пялился в монитор. Никто не воспринял его сообщение всерьез! А ведь он приложил все необходимые доказательства. Совершенно неопровержимые доказательства!

В душе Артура вновь вспыхнула обида. Он старался ради человечества. Пытался предотвратить катастрофу. А его осмеяли и выставили сумасшедшим! Неблагодарные и недалекие люди! Раз так, то он больше не будет пытаться достучаться до них. И пусть они узнают об инопланетном вторжении, когда будет уже слишком поздно.

Оставшиеся дни Артур лишь наблюдал за тем, как сигнал корабля все удлинялся. Вскоре он стал таким длинным, что начал мешать наблюдениям других радиоастрономов, использовавших ресурсы телескопа удаленно. Они жаловались на это на созвонах. Но Георгий Геннадиевич лишь отмахивался:

— Это все аул фонит, сами понимаете. Мы постараемся это исправить.

Или даже более оригинально:

— Должно быть, опять собаки на зеркало залезли! Мы обсудим эту проблему на планерке.

Артур мог бы рассказать коллегам правду. Но он молчал. Он для себя все уже решил. Он будет единственным, кто знает, что

происходит. В своем роде избранным. А если другие не замечают аномальный сигнал у себя под носом, то это их проблемы.

Постепенно Артур даже начал задаваться вопросом, не специально ли его выбрали загадочные инопланетяне. Ведь, будучи превосходящей цивилизацией, они наверняка знали, что их сигнал сможет засечь какой-то выдающийся ученый.

Поэтому, когда Георгий Геннадиевич сам подошел к Артуру и спросил: «Артур Денисович, это ведь в вашем секторе те помехи? Вы говорили, что засекли там какую-то аномалию» — Артур ответил лишь: «Вы были правы, это были собаки».

— Да, надо уже с ними что-то делать! — озабоченно пробубнил Георгий Геннадиевич и удалился.

Артур улыбнулся. Его грела мысль, что он уделал Георгия Геннадиевича. Может, тот и был старшим научным сотрудником и руководителем исследовательского центра, но он и представить не мог, что обнаружил Артур. И как легко он повелся на ложь про собак!

Когда сигнал корабля забил все частоты и полностью свел на нет наблюдения, коллеги забеспокоились не на шутку. Все начали бегать как ужаленные, пытаясь разобраться в природе сигнала.

Артур лишь снисходительно наблюдал за ними. Он-то знал, что до прибытия космических гостей оставалось чуть больше суток.

В расчетный час Артур вышел в центр телескопа, поднялся на зеркало южного сектора и поднял глаза к небесам.

Когда небосвод заполонили массивные силуэты инопланетных кораблей, лицо Артура осветилось победной улыбкой.

Курбан ДУБУРЛАН

КВАНТОВАЯ ДУША

МИНИАТЮРА

Горы Кавказа, зима, лавина снесла машину с дороги, автован¹ едва ухватился за край обрыва, водитель начинает терять жизненную силу.

— Я не чувствую ног... х-х-х... не могу пошевелиться... мой контур² раздавлен.

«Я всегда здесь, мой друг».

— Какой неудачный конец... х-х-х... А ведь ты предупреждал, чтобы я пользовался петлей, нежели автованом.

Попытка восстановить биопротезы. Попытка перезарядить питание автована.

— Я чувствую... ха-а... что ты пытаешься... с помощью наноботов запустить репроцесс органов, — еще вслух ответил человек.

«Прошу не использовать голосовые связи, так вы быстрее тратите жизненную силу, я могу понимать вас мысленно, помните?»

Жизненная сила (НР) — 25 поинтов.

«Да, но я думаю, что я всё; органы сильно повреждены, в таких условиях их не восстановить», — ответил человек уже нейронно.

«Вы правы».

Питание автована восстановлено. Машина медленно проскользила на панельно-электрическую дорогу. Снег уже растаял под воздействием быстронагрева дороги. На дороге остались лежать обломки пород, осколки деревьев, под ними продолжали светиться проекционные линии.

«Кубит, куда ты собрался меня везти? Дай анализ», — потребовал человек.

«Автован поврежден на 70 процентов, лавина была небольшой, и мы успели проскочить основной удар, конец лавины частично задел нас. Я экстренно применил торможение Вэнса, чтобы не вылететь с обрыва. Только что я припарковал автован на дороге, чтобы подпитать свой радиус действия “Голоса вещей”, поскольку дорога насыщена электроэнергией. Ваш контур придавлен внутренней панелью, травмирован весь организм: поврежден позвоночник, внутренние органы сильно искалечены, наноботы не могут справиться; жизненная сила — 20 поинтов и продолжает снижаться. Вы умираете».

«Знаю, что умираю, я... видимо, всё», — подтвердил человек.

«Используя “Голос вещей”, я вызвал скорую, войс-бот кол-центра подтвердил, дрон будет добираться до этого участка дороги 25 минут».

«Я всё...»

¹ Автопилотируемое транспортное средство.

² Тело.

«По периметру в тридцать квадратных километров находятся только грузовые дроны».

«Разве ты не слышал? Меня не спасти... меня не надо спасать».

НР — 15.

«Я — нейронный помощник на базе квантового процессора Quantum Infinity NR-666. Я запрограммирован поддерживать и prolongать жизнь и сознание субъекта-носителя любыми способами, не противоречащими конвенциям. Даже вопреки запретам или сопротивлению носителя. При моем чипизировании и вживлении в мозговую ткань вы знакомились с протоколами функционирования, это обязательное правило», — ответил Кубит.

«С тех пор много энергоресурса убежало», — напомнил человек.

«Хорошо».

«Кубит, какое красивое небо, раньше не обращал внимания».

«Вы правы, перед вашей смертью я настрою связь с семьей для финальных слов», — сказал Кубит.

«Хорошая идея, надеюсь... продержусь в сознании достаточно... долго...».

«Настраиваю связь напрямую с супругой».

НР — 10.

«Дорогой, ты уже едешь? Ты где?» — спросила она.

«На дороге... Звоню сказать, что... у меня все хорошо».

«Отлично, я и дети ждем тебя».

Связь прервалась.

«Ложь — не лучший вариант прощальных слов», — заметил Кубит.

«Не хотел ранить сердце».

«Ваша мать Марьям не владеет нейроинтерфейсом, поэтому соединю вас по 8G сети».

«Я не смогу говорить, используй голосовой аватар».

«Брр... брр... брр...»

«Да? Сын?»

«Неш, это я».

«Все хорошо у тебя? Как прошли похороны дедушки?»

«Да, я сейчас на дороге, по которой мы вместе с отцом отправлялись в горы. Хорошее время было. Похороны прошли умиротворенно».

«Все мы от Бога, и к нему наше возвращение, — произнесла Марьям. — Мне снился плохой сон с утра, у тебя все хорошо?»

«Д-да... все... хорошо...»

«Дома чуду³, приезжай с семьей, посидим вместе, вживую».

³ Чуду — тонкие лепешки с начинкой, традиционное блюдо народов Дагестана. (Прим. ред.)

«Конечно, мам...»

«Давай, очень жду!»

«Скоро буду... дома...»

Звонок завершился.

«...» — человек.

«Ты плачешь?» — Квенти.

НР — 9.

«Теперь я настрою связь с Райханой. Возможно».

«Эй, стой!.. Так... нельзя... я запрещаю...»

Пауза.

«Слушаю? Кто это?.. Говорите».

«...»

«Скрытый адресант... Странно», — Райхана.

«Жаль... что... все... так... завершилось...»

Связь прервалась.

«Успешно?» — Квенти.

«Больше никогда так не... делай...»

НР — 8.

«Как только ваша физическая жизнь прервется, через минуту ряд моего чипа закончится. Вы желаете, чтобы я создал вашу квантовую персону? — Квенти. — Вы будете жить в квантовом море большой базы данных, ваши близкие смогут взаимодействовать с вами через квантовые технологии».

«Это не жизнь... это лимб...»

«Подтверждаю: ваша персона будет зафиксирована в статичном состоянии, но сознание, душа сохранятся. Согласно моим данным ранее вы выражали согласие».

«Я был молод... Море... лишь ими... тация... Копия... душа одна...»

НР — 6.

«Я ни... го не... вижу...» — отозвался человек.

«Жизненная сила покидает контур, скоро ваш мозг отключится. Вас ждет мир и покой».

НР — 3.

«Я... не... жале-е-ею...»

НР — 1.

Послышался приближающийся автован. Послышался голос.

«Кто писал сообщение? Откуда вы узнали, что я бывший механик-хирург? Черт побери! Ваша удача, что я находился недалеко. Бегу».

НР — 0.

«Я ви-и-ижу све-е-ет...»

«Вж-ж-ж-ж».

Алексей ЖИХАРЕВИЧ

ДИМОН. КАВКАЗСКАЯ БЫЛЬ

РАССКАЗ

— Але!

— Добрейшего дня, Михаил Юрьевич! Меня слышно? На связи юридическая ассоциация «Северная Пальмира». Мы занимаемся сопровождением федеральной программы списания долгов...

— А?

— Списания долгов! При поддержке ЦБ и Ассоциации коммерческих банков недавно была запущена новая федеральная программа списания долгов для граждан Российской Федерации. По закону возможно полное списание всех имеющихся у вас займов, вы знали?

— Не-а.

— Надеюсь, я вас обрадовал! Если займы для вас — нелегкое бремя, пришло время их аннулирования! Данная процедура, сразу предупрежу, сложная, но вполне реализуемая. Наша компания лицензирована по вопросам поддержки должников, багаж знаний по подобным делам у нас огромный! Мы предлагаем услуги по оформлению заявления в суд, проводим другие необходимые юридические манипуляции. Конечно, за небольшую комиссию...

— Да-а они скоро сами же... Всем сразу — оп, и списание! Жмурикам деньги зачем? Понял?

— Э-э... Почему?

— Заголовки глянь — почему! Приблизилась к Земле, скоро уже!..

Бип-бип-бип...

Димон нажал на «сброс», выключил микрофон и прилег на спинку кресла, задумчиво барабанил пальцами себе по пузу. Еще один в минус — хорошо для кармы, плохо для жалования, ибо оно, увы, сдельное. Да ведь чем еще прокормишь себя в СПб., будучи выпускником филфака? Ярким, бесспорно, способным — но

не выдающимся же! Да и когда оно было, сколько прошло уже, пробежало, проехало, прогромыхало времени со дня, когда он защищал диплом по поэме «Демон», до дня сегодняшнего? Академическая карьера пришла к концу, не начавшись, а виною всему — деньги, и они же силою загадочной магии своей привели его сюда, в фальшивую юридическую ассоциацию, в заведение, занимающееся делами в моральном смысле небесспорными, сводящимися к изыманию вышеуказанных денег у народонаселения по спискам из ранее украденных баз данных; а куда денешься — за съем однушки в районе хмурого Мурино, на последнем ярусе башни, сделанной вовсе не из бивней слона (ха-ха), за еду и одежду, за вечернее кинцо и пивцо, за кофе и плоские круассаны для бедных (хе-хе) — за все своя мзда. А из филологии до дня нынешнего дожило немного — не более чем довольно хорошее, пожалуй, знание поэзии Михаила нашего Юрьевича да изысканный слог — едва, впрочем, находящий применение, разве что в подобного рода мысленных разговорах с самим собой.

Димон взял кружку, хлебнул кофе и печально улыбнулся. Забавное совпадение — последнего бедолагу звали как раз Михаил Юрьевич. О чем он говорил, про каких жмуриков? Ах да, к Земле же все ближе и ближе Загадочная Звезда — бегущая с «улыбкой ласковой» («Демон», другой М. Ю.) в беспроглядном космическом вакууме, волоча за собой присущий ей шлейф из газа и пыли, символизируя неизбежное, — и имя ей во всех земных языках одно, выведенное из греческого слова «кома», ака «орган, исчезнувший у людей, но до сих пор имеющийся у других живых организмов», иногда по расхожему выражению «виляющий собакой». Впрочем, в инфополе по поводу Звезды спокойно: да, близко, да, видно, да, боязно — но несерьезно, не вредно, не опасно; физики давно уже все прокалькулировали, смоделировали и разъяснили; нынешние ожидания Конца Мира напрасны, как и все, бывшие до них. А раз эдак все хорошо со Звездой, зря Михаил Юрьевич, выражаясь современным языком, соскочил с разводки.

Ну, впрочем, ладно, соскочил и соскочил, главное — вовремя. Жаль, сам вовремя не соскочил, не додумался, как Саня, одноклассник Димона, номер один из двух парней на их курсе, специализировавшийся по Пушкину: он нашел другой выход, переучился на программера. Пеняли ему, конечно, мол, продал науку — да фиг бы с ней, с наукой, когда «нормально все по жизни», Саниным же выражением пользуясь.

Как дела у Александра Сергеича, спрошу-ка, решил Димон. Но сперва — она; или даже — делая букву выше и речь возвышен-

ней — Она, девушка с именем кавказской царицы, загадочная, дивная, волшебная.

Димон опасливо выглянул из-за перегородки и обозрел окружающий опен-спейс. Коллеги сидели в наушниках и чирикали по шаблону в свои микрофоны, вешая порции лапши на уши наивных граждан. В окно барабанил дождик — классический май на берегах Невы. Дверь шефа на замке — хороший знак, не вернулся еще, позволим себе как бы кофе-брейк.

Димон вывел на экран окно мессенджера и кликнул по номеру: ноль новых сообщений. Увеличил юзерпик, в очередной раз разглядывая девушку в кавказской одежде, с бубном в руках, захваченную в кадр на середине сложного па, чей жгучий взгляд из-под черных ресниц, казалось, упирался ему прямо в сердце. Последний разговор — причудливый, неоднозначный — оборвался на полуслове:

знаешь, я ни разу не был, не довелось,
но всегда воображал себе Кавказ: черные
излучины ущелий, обрывы скал и башни
замков на них, реку, ревущую, словно
львица с пенящейся космами гривой

хорошо рассказываешь, краеведчиво
а грива разве не у льва?)

ваша правда, мадемуазель, увлекся —
но какая разница)

горы у нас вокруг, а в середине долина,
в саду — розы, вишни
рододендроны еще

рододендроны, бог мой! долины — словно
красочный ковер, ручьи, звенящие по камням, розы,
рододендроны, вишни, и плющ узорами
по заборам, по углам домов,
а над горами и долинами, словно алмаз,
сверкающие снега Казбека, и легкие облака
южных земель, а ночью — звезды, яркие,
как глаза красавиц?

все верно, хорошо пишешь, по сердцу мне

а я? я — по сердцу?

да
извини, я не могу

почему?

у меня кольцо, помолвлена

любишь его?

не понимаешь... у нас по-другому все
я и не видела его никогда
семья дала кольцо, давно уже

и ничего не поделаешь?
хочешь — украду? прямо перед свадьбой?

я не могу
была бы другая жизнь — уехала бы подальше

а вдруг еще можно? попробовала бы?

а знаешь

?

Димон вздохнул — в иных случаях и у него не было слов. Брак по договору? Неожиданная коллизия, но, полазив по ссылкам в «Яндексе», он убедился: на Кавказе она вполне возможна. Но почему, почему Она замолчала на полуслове и пропала, словно призрак, как сказали бы в благословенном позапрошлом веке? Всего лишь сбой связи — ведь с приближением Загадочной Звезды возмущения эфира все чаще? А вдруг печальная кавказская красавица с именем из поэмы и правда призрак? Где ее следы — в реале, в офлайне? И возможно ли в принципе их разыскание? Пожалуй, еще один повод для общения с Александром Сергеевичем. Он переключил вкладки и кликнул на профиль с Пушкиным в черных очках.

здоров, Сань!

хеллоу!

снова предаешься пошлой лени аки
герой лордбайроновской поэзии?

какой поэзии — сплошная проза! у начальника
каникулы — ergo можно: филоню, волюню, халявлю
как сам? все кодишь?

куда ж я денусь

какие нынче задачи у серьезных программеров?

да пишу одну приблуду
вроде одноразовых паролей, коды на логин,
как в банках, знаешь?

сложно?

не-а. во-первых, все уже написано до нас.
ну и сам код несложный, всего лишь случайная
функция времени

вся наша жизнь в определенном смысле — всего
лишь случайная функция времени)

глубоко копаешь)
го на выходные шашлык забабахаем?
аджика, кинза, саперави, мукузани, все по вашему
вкусу! давай, дорогой!

не, я, пожалуй, пас, грущу

хандришь снова? меланхолия и прочие
онегинско-печоринские заболевания?
а как дела с кавказской княжной?

ох, не спрашивай
сказала — помолвлена, и пропала
полмесяца уже офлайн
снилась мне давеча

удивляюсь я, вроде разумный парень,
а покупаешься на подобные разводки

даже не видя ее ни разу в реале —
вдруг она вообще фейк?
III-генерация изображений плюс скуф
из Бобруйска

ага
я и думаю — в вашей фирме был же выход на базы
для пробивания адресов? по номеру можно ведь?
поможешь по-дружески?

ну... можно, наверно
но не 100 %, город в лучшем случае

гораздо лучше, чем ничего
пробей плз

ок
и каковы дальнейшие движения?

погоди-ка

На экран выскочило уведомление: юзер онлайн. Димон переключил вкладки, и в виски ударила жаркая волна — она! Окей, спокойно, спокойно, начинаем издалека, без эмоций, проявляем выдержку. Пальцы сами побежали по клавишам.

как дела? в прошлый раз мы не закончили

плохо
он умер, погиб

Димон завис, глядя на экран. «Он» — видимо, обсуждавшийся жених? Какие слова здесь приличны случаю? «Соболезную»? Глупо, официально.

ох, мне жаль

да
ничего не поделаешь

и как дальше?

не знаю
жизнь моя все, наверно

Димон снова завис. «Жизнь моя кончена», — как писал М. Ю. в юношеском дневнике. Неужели из-за гибели никогда не виденного жениха? Он несколько раз начинал вопрос, передумывал, удалял.

почему?

его семье — горе, моей — позор
я не выхожу никуда, боюсь

чего?

они меня обвинили
якобы я его... не спрашивай как
я в их глазах — ведьма
они пока еще не приняли решение, но скоро

а если уедешь?

куда?

сюда, к нам

денег мало

я могу помочь?

Офлайн. Пропала. Димон переключился на вкладку с Пушкиным, где уже мигало новое сообщение — кудрявился причудливыми буквами адрес. Димон улыбнулся — пригодился спецкурс по кавказской филологии. Залез в «Яндекс», прикинул: до Владикавказа по воздуху, дальше Военно-Грузинская дорога, в принципе вполне реально.

спасибо, Сань

увы, ничего на знакомых языках
и вообще больше ничего не нашлось

город знаю
не миллионник — уже хорошо

и дальше? онлайн вряд ли чего раскопаешь

а я офлайн
поеду

с дуба рухнул? Кавказ подальше,
чем Зеленогорск, и в реале не как в книжках
навоображал себе уже? въедешь в город
в черкеске с газырями, на белом коне,
а красавица — по воду в ущелье, с кувшином
на голове, покачивая бедрами?

Сань, я сам все знаю, но решил, понимаешь?
мужик сказал — мужик поехал
займешь денег?

ну и дурак
займу

Дальнейшее слилось для Димона в один сплошной каскад дел — когда в жизни появилась цель, все ясно и прозрачно: поиск рейса, бронирование, заявление на пару дней по семейным, сборы, белый «Солярис» с шофером по имени Росламбек, очереди, рамки, проверки; и наконец — волшебная параллельная вселенная авиаперевозок, убаюкивающие голоса по громкой связи, спокойная музыка, вода по цене коньяка и коньяк по цене омара, обрядовые пляски авиажриц с кислородными масками в руках, разгон, вознесение по спирали, и усыпляющее покачивание победовского «Боинга», и сверкающие на солнце громады облаков.

При посадке уши заложило, казалось, навсегда — Димон вывалился из аэровокзала совсем ошалевший. Погода была пасмурная, вдали виднелись вроде бы горы — или облака, не разберешь. Санин перевод еще не пришел, но и свои деньги пока были. Машину в горы Димон организовал заранее, по объявлению; прикинув время до randevu с перевозчиком, он решил: сгоняю на поклон к своему кумиру. Вызвал по «Яндексу» — приехал снова белый «Солярис», но за рулем был Измаил.

Реки за поребриком видно не было, у набережной раскинулся небольшой парк — видимо, недавно посаженный; бронзовый Михаил Юрьевич сидел на огромном камне (каковой в «Демоне» всегда рифмовал со словом «пламень»), обернувшись буркой, в черкеске с газырями, сложив маленькие ручки на колене, увенчанный нелепыми кудрями, и задумчиво прозревал равнодушным взором минувшее или грядущее. Димон замер: символиче-

ский миг — рыцарь, испрашивающий у бронзового идола благословения на свой героический поход, благоговейное молчание, обнажение голов, преклонение колен. Увидев на фоне вздымающиеся в пасмурное небо новехонькие панельки, Димон вздохнул, бахнул селфи и скинул Сане — пришла реакция «огонь».

Смерклось по-южному скоро, как если бы в небе выключили лампочку. Димон даже не удивился, снова увидев белый «Солярис»; перевозчика звали Селим. Пока выбирались из города, великолепные виды, описанные (и зарисованные) Михаил Юрьевичем, совсем скрыла ночь: в колеблющихся лучах фар Димон скорее ощущал, чем наблюдал окружающие громадные массы гор и зияния ущелий. Разговор не клеился, дорога опускалась и поднималась, снова закладывало уши; проваливаясь в беспокойный полусон, Димон бесконечно скроллил разные каналы: Загадочная Звезда приближалась; все нервничали, кое-где паниковали, каялись, прощали долги и прощались с подписчиками; наилучший обзор космического явления обещали на следующий день как раз над Кавказом.

— Прыбыли, дарагой! — восклицание шофера выкинуло Димона в явь. Несомненно, пришел новый день; машина не двигалась — доехали. Он вручил заранее припасенную наличку и полез наружу. — Эй, пагади! — Димон обернулся. Селим поднял палец, подчеркивая значение информации: — Назад еду в сэм часов! Сэм! Нэ опаздай!

— Да я, глядишь, еще... А впрочем, ладно. Спасибо! — Никакого плана по-прежнему не сложилось. Димон выскочил на улицу.

Перед ним была небольшая площадь, по краям расходились улицы из маленьких домиков с черепичными крышами, окруженных каменными и железными заборами; дальше, сияя, как изумруд, раскинулись горы, поднимаясь все выше и выше; на одной из гор виднелась древняя башня; выше всех в лучах восходящего солнца сверкал снегами — словно алмаз! — Казбек; а еще выше, в невозможной высоте лазурного неба, виднелась яркая крапинка, волокащая за собой еще невидимый, но, несомненно, присутствующий ей шлейф из газа и пыли — приближалась Загадочная Звезда.

Димон побрел по улицам вдоль бесконечных каменных оград, перемежаемых железными дверями в обрамлении причудливых изгибов газопровода. Окна были завешены, двери на замке, на улицах — ни души. Опознавая иногда вишни, он заглядывал в сады в поисках роз и рододендронов, но ни одних, ни других не видел; один раз он увидел во дворе вроде бы женщину в чадре, но на него кинулась кавказская овчарка — хорошо, не допрыгнула; он ушел. Иногда Димон залезал в мессенджер, но в нем бесконечно

вращался значок загрузки — связь вроде была в наличии, но ничего не грузилось. Дошел до реки — вода была сине-зеленой, не прозрачной, а пена напоминала скорее плевки, чем львиную гриву. Никаких девушек с кувшинами на головах вокруг не наблюдалось.

Неожиданно задуло, как бы со всех направлений сразу, поднялась пыль — погода явно менялась, и не к лучшему; Димон направился назад, к городу. В бесцельном блуждании своем он видел лишь пару помещений публичного назначения: домик с красным полумесяцем, вывеска на коем, как он ни складывал буквы здешней азбуки, гласила: «Апека»; некое официальное здание с названием «Муниципал»; маленький магазинчик, обозначенный «Маркеди». Ни в одном из них людей не имелось. Сейчас же перед ним был довольно большой дом, окнами на реку, с баннером «Казбег-инн» на фасаде; приблизившись, он разглядел приляпанное ниже — видимо, для пояснения — слово «ходел». Димон поморщился — эдакого презрения к орфографии он не ожидал даже здесь.

На ресепшене Димон увидел наконец первого человека в городе: им оказался пожилой чернобородый мужчина в черкеске (без газырей) и шапочке аборигенного покроя — видимо, хозяин заведения.

— Добрейшего дня! — машинально ляпнул по-русски Димон.

— Заходи, дарагой, будь как дома! Номер хочешь? — заулыбался хозяин.

— Я... пока кофе, если можно...

— Почему не можно, можно! — хозяин включил кофемашину, нажал нужные кнопки. — Дурызм, альпинызм? Гора полезешь?

— Увы, я не скалолаз, — улыбнулся Димон. — Я... девушку одну ищу...

— Дэвушка? — хозяин водрузил чашку на блюдце и кивнул Димону на дисплей с QR-кодом. — Как имя?

Димон вынул из бумажника «Визу», шлепнул по экрану.

— Имя... — дисплей загорелся красным. Димон похолодел. — Щас я, проверю, переведу. — Он вынул мобильник, но привычно-го значка сверху экрана не было.

— Э-э, связь плохой, — кивнул хозяин. — Гора иди, — махнул он в направлении улицы, — выше связь.

Димон выскочил из «ходела» и зашагал, поглядывая на экран, вверх по улице с дурацким названием «Героев нашего времени». На дороге завивались пыльные вихри, небо запасмурнело, в нем собирались скверного колера облака, а между ними плыла Загадочная Звезда — размером уже с апельсин, — испускающая нехоро-

шее, зловещее сияние. Наконец появилась одна палочка и буква «Е». Он полез в онлайн-банк. «СМС-код выслан на номер...» — но эсэмэс не было. Димон попробовал еще раз — снова сбой; он пошел выше, пока не добрался до последнего дома на улице, дальше были скалы.

Звякнуло раз, несколько погода еще раз — пришли эсэмэски, высланные банком ранее. Димон смахнул их с экрана, но, еще даже не убрав палец, задумался — мельком виденный код как бы царапнул, зацепил по краю сознания. На иконке «Сообщения» горела красным двойка, шлепнул пальцем по ней. Обычные эсэмэс из банка: никому не сообщай код для входа... О как! Первый код был день рождения Михаила Юрьевича, следующий — день гибели. Возможны ли в мире подобные совпадения?

Димон снова полез в мобильный банк, снова звякнуло; он заморгал, глядя на код: в эсэмэс были цифры его, Димона, дня рождения. Машинально залогинился, проверил балансы: все в порядке, деньги были, Санин перевод недавно упал — зачислился с задержкой, видимо; а сам все думал, несложная ведь формула: день рождения — день гибели, день рождения — день... какой день, какой следующий код?

Димон беспомощно огляделся. Небо совсем почернело, Загадочная Звезда была уже размером с арбуз, вершины скал заволокло мглой. Городок внизу, казалось, замер: черепичные крыши, заборы, газопровод — ни дымка, ни живой души, никаких признаков наличия жизни. Он поглядел на ближайший дом — белый, с белой оградой, опоясывающей небольшой сад, где качались деревья, украшенные мелкими белыми звездочками... вишни? Димон влез на камень и заглянул через забор — у входа пышно алели розы, а вдоль дорожки сияли пурпуром рододендроны. Он подошел ко входу в сад: на лакированной дощечке у дверей было выжжено: «Проф. д-р Ангелос Керубиа. Прием по всем вопросам: день недели, время»; как раз сегодня, сейчас, — понял Димон. Еще одно совпадение? Он вошел.

В домике все было белым: пол, панели, немногочисленная мебель, софа, увидев которую Димон залип, размышляя, куда его занесло. Из кресла поднялся невысокий пожилой мужчина с белой бородкой, облаченный в белую же хламиду с горбящимся за спиной капюшоном, напоминающим крылья.

— Добрейшего дня! Вы ко мне? По какому вопросу? — По-русски он говорил с чудным произношением, но вполне ясно.

— А вы каких наук профессор? — с ходу ляпнул Димон, забыв о приличиях, все еще глядя на софу.

— Психоанализ ни при чем, если вы о нем вспомнили, — улыбнулся собеседник, проследив его взгляд. — Я логик.

Димон опешил:

— Первый раз вижу прием у профессора логики.

— На самом деле вы удивились бы, узнав, сколь многие вопросы разрешимы при помощи размышлений, следующих несложным правилам. Раньше моя приемная была весьма популярна в наших краях; сейчас посещения несколько реже. Какой у вас вопрос?

— Я в определенном смысле нахожусь сейчас в сердцевине цепочки совпадений, — решился Димон. И сбивчиво рассказал всю последнюю серию своих приключений: про коды, про себя, свой диплом, специализацию на Михаил Юрьевиче.

— И правда, загадочное создалось положение вещей. — Профессор уселся в кресло, показал Димону на софу, закинул ногу на ногу. — Не спрашиваю, зачем вы вообще приехали на Кавказ... Спрошу другое: а вы вполне уверены в своем желании получить объяснения? Железно уверены?

— Не знаю, — пожал плечами Димон. — А в чем дело?

— Скажем... как если бы объяснение, будучи данным, выговоренным, изменило бы имеющийся баланс сил?

— Как?

— Ну, примерно как в физике микромира — возможно измерение лишь одного значения: либо положения, либо импульса, но не обоих. Принцип Гейзенберга, слыхали?

— Слыхал, — кивнул Димон. — Но я ж филолог, лирик как бы.

— Разделение на физиков и лириков — одно из порочнейших клише, — поморщился профессор, — мешающих использованию разума в полном смысле. Мешающее, между прочим, и одним, и другим.

— Окей, я согласен, — вздохнул Димон. — В смысле — я хочу. Объяснение гораздо лучше, чем вообще ничего.

— Хорошо, — кивнул профессор. — Рассуждая логически... Какие опции у нас в наличии? Злонамеренное поведение банковского персонала? Едва ли, слишком сложно: необходимы специальные знания для внедрения в программный код, риски серьезные, а выгода вряд ли велика — если вы не миллионер, конечно, — он насмешливо глянул на собеседника.

— Логично! — съязвил Димон.

— Рассуждаем дальше. Возможен ли программный сбой? Вам знаком сам принцип генерации кодов?

— Ну... случайная функция времени, — вспомнил Санины объяснения Димон.

— Как в некоем роде и вся наша жизнь, не правда ли? — улыбнулся логик. Димон вздрогнул. — Весьма несложная, наверное, функция в случае с кодами. Ранее она служила своей цели вполне исправно, а сейчас сломалась? Едва ли.

— Угу, — кивнул Димон. — И все, расходимся? Совпадение?

— Не думаю! Одну важную вещь мы в рассуждении не учли. А именно: вдруг само время оказалось проблемой?

— С чего бы? — усомнился Димон.

— А вы, извиняюсь, когда на улице были, на небо не поглядывали случайно? Мы с вами находимся сейчас в довольно, хм, необычной локации. Небесное явление подобного порядка, в подобном приближении к нашему своеобразному региону... способно на различные влияния. Раз вы лирик, я объясню идею без использования специальных определений, языком, близким к поэзии — попробую, по крайней мере; признаюсь, я и сам в сфере физики невеликий дока, — профессор подмигнул Димону. — Явления Вселенной, вращающиеся в космическом эфире шары из газа или камня, на одном из каковых сидим сейчас мы с вами, связаны между собой загадочными силами, обнаруживающими себя весьма далеко; с давних пор — вам ведь знакома байка о яблоке, упавшем на голову сэра Исаака? — с давних пор люди знали о корреляции между массой и силой. Способно ли сближение огромных масс повлечь за собой некую аномалию сил?

— Пожалуй, да, — согласился Димон.

— Далее. Положим, влияние аномальной силы на микроуровне вызвало изменения периодов колебаний, каковыми, в свою очередь, обусловлен ход времени. Вам ясно, каким образом?

— Не особо...

— Часы в вашем мобильнике синхронизированы с сервером, сервер — с другим, в конце концов — с самыми правильными часами, являющими собой — сюрприз! — функцию колебаний корпускул, или волн, какое название вам по душе, оба подходящие. Изменился период — нарушился, сбился шаг времени, выпала секунда-другая. Ясна идея?

Димон кивнул:

— Вполне. Объяснение задержек — но не совпадений же?

— Хорошо, — одобрил его (или себя?) профессор. — Далее, в понимании современной физики — современной, впрочем, весьма условно, ведь основные идеи были сформулированы уже больше века назад — мир един и подчинен единым законам, на микроскопическом, а в пределе и на макроскопическом уровне; но ключевая здесь — роль наблюдения. Развивая идеи, сформулированные

Бором и Гейзенбергом в Копенгагене, в определенном смысле сама Вселенная возможна лишь благодаря наличию в ней нашего разума, способного к фиксации происходящего. Благодаря указанной особой роли наш разум и сам себя возвел в ранг особенного, полагая сферу смыслов как бы не связанной законами Вселенной. Однако, если мир един, его законы имели бы силу и в зоне мыслимого, не напрямую — мысль лишена массы, но, несомненно, наделена энергией — не напрямую, а на более глубоком уровне. В классической физике Вселенная являла собой в основном покой и вакуум, в современной же реально лишь непрерывное колебание, изменение, возникновение и исчезновение корпускул (или волн), мельчайшие всплески энергий, занимаемых в одном уголке Вселенной и компенсируемых в другом. Поразмыслим: не схож ли сей *modus vivendi* с бушующим морем образов в поэзии или живописи, фабул в прозе, мелодий и гармоний в музыке?

— Вы как бы... алгеброй гармонию? — неуверенно спросил Димон.

— Ирония ваша мимо цели, я же как раз и говорю: алгебра с гармонией — одно, мир един. Возникшая благодаря сближению чудовищных масс аномалия уловима и на физическом уровне, и на смысловом: из хода времени выпали несколько секунд, а из человеческой азбуки, например, исчезла буква; в мире смыслов образовался вроде бы небольшой изъян, но со временем он все шире. Схожим образом подвержены влиянию нашей аномалии и цепочки идей: вы, с вашим своеобразным бэкграундом, прибыли на Кавказ, в горы, наполненные образами и смыслами, созданными Александром Сергеевичем, Михаилом Юрьевичем и многими, многими другими... При обычном положении вещей ваша связь с «образным резервуаром» поэзии была бы опосредована различными переходными, буферными звеньями, но сейчас они выпали, и случайные совпадения, параллели, аллюзии, если угодно, преобразовались в сверхслучайные, в сверхсовпадения. Одного я не понимаю — зачем вы вообще приехали сюда?

Димон помялся немного, потом начал. Рассказывал долго, сбивчиво и в конце концов выложил профессору все: про девушку, про переписку, про свадьбу, про свои блуждания по городу в поисках рододендронов.

— Увы, ни о чем подобном в наших краях я не слыхивал, — вздохнул логик. — Но ведь все, сообщенное вами, очевидно, вполне в русле моих рассуждений. Изложу ваш же рассказ в двух словах: у кавказской княжны запланирована свадьба, но нежи-

данно погиб жених; вскоре на крыльях явился некий персонаж, обещающий ей другую жизнь... знакома вам фабула?

Димон обалдело поглядел на профессора.

— Ладно, — собравшись с мыслями, произнес он. — Предположим, все сошлось. И каковы же мои дальнейшие шаги? Если я двинусь дальше — все предопределено? А если вернусь?

— Деяние или недеяние, в конце концов, — ваш выбор, — улыбнулся логик. — Я лишь рассуждаю.

* * *

Рейс «Владикавказ — СПб.» задерживали, но в зале ожидания был вайфай. Димон подключился, посыпались уведомления — внимание мира снова переключилось на войну, а Загадочная Звезда исчезла из заголовков, пропала, как призрак. А вдруг и правда не было ни Звезды, ни профессора, ни города? А девушка? Кавказская красавица с именем из поэмы? Он вдруг задумался — с каким именем? Как звали героиню поэмы «Демон»? Забыл. Сначала Димону было смешно, но дальше накрыл испуг.

Он облизал губы и направился в кафе за водой по цене коньяка; передумал и спросил коньяку по цене омара; облом, «Виза» не прошла. Димон машинально полез в мобильный банк — и, уже запросив код, вспомнил: нельзя же! Поздно: звякнула эсэмэс. Дрожащим пальцем нажал на «Сообщения».

Цифры кода сложились во вчерашнее число. Баланс был нулевой. Видимо, карма догнала — его развели. Но как? В разделе «Операции» значилось: буквально давеча он сам, Димон, перевел все деньги на некий номер. Довольно знакомый номер, между прочим. Димон зашел в мессенджер — конечно же, все было подчищено. Последний разговор — с Саней, а больше с прошлого месяца ничего.

Хорошо, размышлял Димон, предположим, все было на самом деле; рассуждая логически, если я запишу все произошедшее, начиная с первого сверхсовпадения — звонка Михаилу Юрьевичу, если я создам некое произведение навроде дневника или рассказа, какое приму за полно описывающее все эпизоды, включая мои мысли и переживания, оный рассказ, если все бывшее — правда, если аномалия все же произошла, необходимо оказался бы, говоря филологически, *липограммой*: в нем пропала бы одна буква?

Залина ЛУКОЖЕВА

СЫН МЕДВЕДЯ

РАССКАЗ

Я вырастил тебя, воспитал, сделал могучим. Возвращайся теперь к людям, учись их обычаям и помни всегда: зло влечет за собой зло, а добро рождает добро.

Батыр, сын медведя.
Адыгская народная сказка

2141 год

Медвежье ущелье

Широта 43.596672, долгота 43.152178

23 сентября, 18 часов 14 минут

Над ущельем разлился облепиховый закат осени: оранжевые струи змейками щекотали каменные морщины наскальных скал. За край солнечного диска зацепились рыже-коричневые тени сумерек. Все живое мирно отходило ко сну, пока жуткий клич волкоробота, огласив эхом теснину, не посеял панику.

Высокие горные пики тут же закурились снежными флажками — это зима врывается в осенние грезы неистовой бурей. Порывистый ветер по-хозяйски сдул с зубчатых гребней холодную пыль и стал спешно формировать белые облака. На кобальтовом полотне неба распустились лепестки гигантского эдельвейса — это живописали набравшие скорость потоки воздуха. А когда цветок обрел стойкую форму, морозная стужа острыми иглами пронзила снежное соцветие и на ущелье обрушилась метель.

Жалобный крик птерозавра захлебнулся в вихревых потоках. Всадница прижалась к его длинной бугристой шее и приложила левое запястье к губам:

— Впереди снежная буря!.. Нас несет в Медвежье ущелье... Аюб, как слышишь, прием... Иныж замерзает...

— Я контролирую ваши биометрические показатели. У вас три минуты на полет и две минуты на падение. Твои шансы выжить — восемьдесят процентов, шансы птерозавра — ноль процентов.

— ИИТ, мне нужен человек, а не искусственный интеллект.

— Я здесь, Нура... Падение неизбежно... Натяни узду так, чтобы Иныж держал голову как можно выше. Он не должен упасть клювом в снег... Только брюхом, Нура! Только брюхом... как слышишь, прием...

— ...

— Три-два-один. Биомеханический ящер выходит из строя.

— А человек? — Аюб шипел радиопомехами.

— Сканирую показатели. Человек выжил. Ран нет. Только ушибы. Фиксирую фрагменты страха.

Тишина, сотканная из хрустящих звуков природы и стонов умирающего ящера, оглушила эфир.

— Нура! Нура!.. — дирижируя амплитудой звуковой волны, кричал Аюб.

— Жива...

— Подтверждаю, биологические параметры жизни человека в норме.

Поток не поддающихся переводу речевых оборотов поставил ИИТ в тупик.

— А зачем мне идти куда-то? А-а-а, это эмоционально окрашенный оттенок речи.

— Проехали. — Нура не хотела объяснять искусственному интеллекту истинное значение ее послания. — Иныж почти не дышит. Ничего не видно.

Снеговая пыль застилала глаза. Она сидела под станцией, вживленной в грудь птерозавра. Иныж. Биомеханический робот, самый лучший напарник. Нура прикрылась мембраной его крыла. Ей казалось, что он еще дышит. Иныж был холоднокровным ящером, и резкое снижение температуры не позволило ему переключиться на режим поглощения тепла извне.

Нура отодрала от щеки соленую сосульку. Пять лет в команде воздушных археологов. Десятки миссий по обнаружению и картографированию доцифровых поселений и археологических объектов. И теперь по чьему-то недосмотру или злему умыслу, из-за полета, не внесенного во флайт-план, ее верный друг умирал.

— Для защиты от снежной бури рекомендуется отыскать в скалах пещеру и сложить прикрытие из камней.

— Очень ценная информация, ИИТ.

— Нура, — раздался голос Аюба. — Судя по геолокации, ты на Медвежьей тропе. В пятидесяти метрах скала с пещерами. Пережди бурю в одной из них. Я вышлю спасательный отряд...

— Тебе нужна теплая ветронепроницаемая одежда, потому что зимой из-за холода повышается частота использования бранной формы выражения эмоций.

— Аюб, он издевается?

— Он учится шутить.

— Почему обязательно на мне и именно сейчас?!

— Я сам отвечаю. Нура, вероятность отрицательного исхода твоей миссии очень велика. Неизбежность будущего под вопросом.

Но я знаю, что юмор помогает людям снять напряжение в стрессовых ситуациях... Что это за звуки?

— Метель.

— Нет, я фиксирую низкочастотные колебания, недоступные твоему уху... Это волкороботы, не подключенные к моей системе... Стая из пяти особей. У них нет зачатков искусственного интеллекта... Только животные инстинкты.

— Дикари?

— Дикари, способные выполнять сложные задачи.

— Уходи, Нура! Беги к пещерам!

Последний вздох птерозавра вытолкнул ее из-под крыла. Иныж умер. Непогода в знак скорби заскрипела смычком по вершинам гор и разбушевалась в инфернальной сонате.

— Мне нужна МАША!¹ — закричала Нура.

Глухая тишина ретранслятора была ей ответом.

— Нура, МАША не готова, — пробился сквозь какофонию голос Аюба.

— Процент готовности МАША не достаточен для эксперимента в экстремальных условиях.

— Чтобы выжить, мне нужна МАША... Слышите? Вы, оба... Иначе я, как Иныж, того-этого, замерзну...

— Она может подвести тебя, Нура...

— Зерно ее интеллекта нестабильно.

— Включайте МАША!

18 часов 37 минут

На запястье Нуры, причиняя боль, запульсировал браслет. Комбинезон из арамида засветился голубыми прожилками. Они густой сетью покрыли девушку с ног до головы. Капюшон трансформировался в защитный шлем. На глаза надвинулось прозрачное забрало с функциями экрана.

— МАША проснулась, — раздался голос капризной женщины, которую бесцеремонно разбудили.

— Что значит «проснулась»?.. Ладно, настрой систему зрения, я ничего не вижу.

Черная метель набивала хлопьями потоки ветра. Где-то далеко, словно одинокие струны шикапшины², заунывно стонали завихрения. Звуки, рожденные в гребнях скал, сползали вниз и

¹ М.А.Ш.А. — мобильная программа, созданная ИИТ без участия человека. Может быть загружена в любую роботизированную машину.

² Шикапшина — национальный щипковый инструмент адыгов.

попадали в холодную ловушку. Их подхватывали течения воздуха и швыряли то в одну скалу, то в другую, то в одно полотно обледеневшего водопада, то в другое. И сила звуковой волны, которой ветер играл, как мячиком, была настолько велика, что толща льда давала глубокие скрипящие трещины.

— МАША не нравятся погодные условия. Эксперимент, скорее всего, провалится. Слишком резкое погружение в чрезвычайную ситуацию.

— Справишься. Я в тебя верю... Что там с тепловизорами? Почему плохо видно?... Здесь где-то должен быть вход в пещеру... Загрузи на экран карту Медвежьей долины.

— МАША загружает топографию.

Красный глазок на шлеме Нуры сканировал ледяную глыбу нависшего в воздухе водопада.

— Что ищет МАША? Жизнь?

— Место, где можно переждать непогоду.

— Стой... Не двигайся.

— Что ты увидела?

— Не увидела, а услышала...

— Не молчи.

— МАША не молчит. МАША обрабатывает звуковую информацию, недоступную твоему уху.

— Бежим?

— Бесполезно. Догонят.

— Кто? — Нура оглянулась. Датчики ничего не фиксировали, ни единой живой души.

— Бионические особи, созданные когда-то людьми и забракованные ИИТ после апокалипсиса. — Женский голос вибрировал в обертоне презрения. — Кибернетические отбросы.

— Волкороботы. ИИТ сказал, что это дикари.

— Да, можно и так сказать. Полуживотные, полуроботы. Интеллекта — ноль, одни инстинкты.

Ветер взял ложную паузу и на пару минут спрятался в темных расщелинах. Нура разглядела частокोल из перевернутых свечек замерзших водопадов.

— МАША видит пещеру. Судя по координатам, это та самая пещера.

— Та самая? Ты о чем?

Голос капризной блондинки издал возглас человека, который случайно проговорился. Экран перед глазами Нуры зазеленел цифровыми дорожками.

— МАША потом объяснит. Иди вперед. Траектория перед твоими глазами.

За ледяными столбами, разинув пасть, зияла чернотой пещера. Зубья сталагмитов и сталактитов придавали ее зеву хищный оскал. В темно-синей глубине, за массивным конусом, подпиравшим свод, пряталась железная дверь.

— МАША, что это?

— МАША тоже в недоумении.

— Как бы мне не пришлось пожалеть о том, что выбрала тебя, а не ШУРА.

— ШУРА — сухарь. Она лишена алгоритмов эмоций.

— Хорошо, убедила. Лучше быть с тем, кто с тобой спорит, чем с тем, кто тебя поучает... Просканируй замок.

— Уже. Обычный замок с трехзначным кодом. Комбинация с невысоким уровнем секретности.

— Хочешь сказать, что ты расшифровала пароль?

— Пф! Даже не пришлось утруждать себя. — На экране перед глазами Нуры сидела блондинка и подпиливала красные ногти.

— МАША, не мельтеши перед глазами. Покажи лучше замок.

Сканер на экране шлема зажужжал, и картинка увеличилась. Нура увидела белесые стертости на трех кнопках.

— При условии, что цифры не повторяются, вариантов комбинаций шесть.

— А если одна цифра повторяется два раза, комбинаций будет двенадцать.

— Я же сказала, шесть. — Блондинка снова появилась, топнула ногой и исчезла. — Если бы была вероятность того, что используются два числовых знака для создания трехзначного кода, были бы стерты только две кнопки. А у нас явные повреждения поверхностей трех кнопок.

— Убедила.

— Могу определить код по степени стертости и нажиму отпечатков пальцев.

— Нет, что ты, не надо, — начинала злиться Нура. — Я же разбудила тебя для того, чтобы ты кичилась передо мной своим превосходством, а не помогла выжить.

— Упс, не подумала. Попробуй 592.

Тяжелая дверь щелкнула и, буравя глубокую дугу на полу пещеры, открылась. Радость настолько сильно переполнила Нуру, что она не слышала ни шагов, ни дыхания полумеханического зверя, притаившегося за длинными языками сталактитов.

— Не оборачивайся. Тактика охоты этих тварей проста в своей первобытности, но благородна в силу заложенной программы. Волкоробот никогда не нападает со спины. Перед прыжком ему необходимо заглянуть в глаза жертве.

— Угу... Роль беззащитного кролика я еще не играла.
 — Наивная... Кролики — это не только ценный мех, но и отличное средство передвижения.

18 часов 52 минуты

У снежного кургана, в который превратился Иныж, замерли две тени. Они некоторое время кругами ходили вокруг, словно что-то искали. Потом та, которая побольше, откопала из-под снега крыло птерозавра и повернулась к темной спутнице. Тень поменьше, не прилагая усилий, вырвала из снежных лап птицу и отшвырнула на несколько метров. Туша птерозавра упала брюхом вверх.

— Хорошо. Очень хорошо, — крикнула большая тень. — В этом году ты гораздо сильнее, чем в прошлом... На груди шайтан-птицы должен быть ретранслятор. Сними его.

Из-за ледяных свечей водопадов, похожих на перевернутые канделябры, выскочила стая красных самыров³. Это были рожденные после апокалипсиса собаки. Их глаза, как горячие угли, прожигали марево метели. Непрерывный залиvistый лай, слитый из пяти голосов, мчался в сторону двух теней. Та, которая была поменьше, поднесла руку к губам, и неслышимый человеческому уху свист манка остановил их. Псы завиляли хвостами и остановились у туши птерозавра.

— Самыры прогнали волков из долины, отец.

— Может быть, а может, и не быть. Я не слышу клекота Бгыбзу. Он не вернулся, а значит, он не закончил охоту... И человека нигде не видно. Его либо занесло снегом, либо унесло ветром... Требуется мне что-то...

— У него, — имея в виду всадника птерозавра, сказал сын, — не было шансов выжить. Ты же видел, с какой скоростью падала шайтанбзу. Да и обрушение черной метели не каждый переживет. — Сын вытащил из-под снега оторвавшееся крыло птерозавра и направился к псам. — Запрягу самыров. Использую его как сани.

— Сердцем чую, что-то не так. Бгыбзу не вернулся. Один волк где-то рядом... Давай поторопимся.

³ Самыры — остроухие полугончие-полулегавые собаки из нартского эпоса.

Нура оказалась в уютной пещере. Большой письменный стол, заваленный бумагами, три больших кресла, потрепанные временем, полки с книгами и торшеры с человеческий рост, реагирующие на движение, создавали атмосферу кабинета.

— В этом уюте можно пережить любой апокалипсис, — резюмировала МАША.

— Ты права. Но уютно по-человечески. Если бы за интерьер отвечал ИИТ, он бы избавился от старых кресел и устранил беспорядок на столе.

— ИИТ отличается безукоризненной педантичностью и тщательной скрупулезностью.

— Маниакальной, я бы сказала.

— Ха-ха-ха. — У МАША в архиве было много зловещих звуков.

— Мне кажется, или в кресле кто-то сидит?

— Давай посмотрим. — МАША просканировала кресло красными лучами. — Если кто-то и сидит, то он неживой.

— В смысле?

— Признаков жизни в виде дыхания или пульса МАША не обнаружила.

— Тогда подойдем. Включи на всякий случай оболочку.

Комбинезон заиграл синими огоньками защиты. Игривая блондинка щелкнула Нуру по носу.

— Никого страшнее меня здесь нет.

— Кажется, ты немного увлеклась. Если бы ты была в образе brutального солдата, мне было бы спокойней.

— Как скажешь, бро, — отрапортовал с экрана мужчина в камуфляже.

Нура осторожно развернула кресло и увидела женщину. Она схватила ее запястье, надеясь прощупать пульс. Его не было.

— Я же сказала, признаков жизни нет.

— Она мертва?

— Если бы она была человеком, тогда да, была бы мертва.

— Что значит — если бы она была человеком?

— МАША предлагает внимательно посмотреть на то, что сидит в кресле.

Нура посмотрела на застывшее лицо женщины. Правильные черты лица, аккуратный нос, длинные ресницы и темная мушка в левом уголке губ. Длинноногое тело, обтянутое красным комбинезоном, тонкие пальцы с ярко-красным маникюром, уложенные в аккуратную ракушку светлые волосы.

— Если это не труп и не кукла... — начала Нура.

— Не труп и не кукла. Это андроид. Правда, старый. Таких не выпускают лет сто. До апокалипсиса люди пытались создать себе подобных роботов.

— Зачем? Да, это красиво, но страшно... Почему ты похожа на нее?

— Стандартный образ роковой красоти. Самый популярный среди первых пользователей. Эталоны красоты доапокалипсисной эры отличались от нынешних. И да, МАША впервые видит эту киберособь.

— Поверю. Но по возвращении домой проверю. Из сотен тысяч образов, заложенных в базу, ты выбрала тот, который был популярен более ста лет назад. Довольно странно, не находишь?

— МАША не против.

— Ты не ответила на вопрос.

— МАША не против проверки.

— Что с ней? Спит или разрядилась?

— Спит. В таких устройствах заложена программа пробуждения.

— Странно, да? Мы привыкли к тому, что вы обладаете сознанием, пусть и цифровым, принимаете решения, выбираете варианты развития, тела и области применения.

— Да, у нас много свобод, начиная со свободы выбора. — МАША была снова в образе блондинки. — Ты могла бы попробовать загрузить меня в нее.

— Не стоит. И потом, мы не знаем, на что способна она, он, оно...

Словно услышав Нуру, женщина-андроид подняла веки и моргнула несколько раз, словно избавлялась от реснички, попавшей в глаз. После этого рывком встала, методично размяла руки, ноги, хрустнула позвонками шеи, подошла к полке и, раздвинув книги, обнажила зеркало. Любуясь собой, поправила идеальную ракушку из волос, затем стряхнула с плеч невидимые пылинки и только тогда повернулась к Нуре. Чуть наклонив голову, где-то с минуту сканировала ее немигающими голубыми глазами.

— У нас гости? Да, у нас гости. Добро пожаловать, — хрустальный голос лирического сопрано удивительно шел ее образу.

— Тот, кто ее создал, явно льстил человечеству в себеподобии. — МАША в образе бравого солдата любовалась красотой блондинки. — Люди никогда не были такими совершенными.

— МАША, лесть — это ахиллесова пята любого, кто обладает сознанием. И твоя тоже, кстати.

— С кем ты разговариваешь? — металлический рык ударил в спину Нуры.

Она отпрыгнула к столу, успев скомандовать:

— МАША, код семь-два.

Защитный комбинезон Нуры изменил цвет — затянулся насыщенным синим и замерцал. В ее левой руке появилось оружие — небольшой бластер. Блондинка же стояла между Нурой и тем, кто задал вопрос — огромной тенью в лохматой черной бурке. Голову ее покрывал глубокий капюшон башлыка. А когда тень сбросила его, то Нура увидела человекоподобного киборга-медведя. Она точно знала, что после апокалипсиса ИИТ при необходимости лишь заменял «детали скелета» человека, не внося изменений в «естественную/божественную конструкцию». А значит, этот киборг из тех, кто выжил. И ему, судя по всему, более ста лет.

Переводя взгляд с женщины-робота на мужчину-киборга, Нура спросила:

— А люди здесь есть?

— Ты кто? — рявкнул бородач, игнорируя ее вопрос. Глаза цвета темной ржавчины буравили ее. Нуре стало не по себе. Ведь несмотря на то, что он был безоружен, он не казался менее опасным.

— Я воздушный археолог. Мы с Иныжем попали в метель.

— Так это твоя шайтан-птица упала с неба?

— Да. Я не знаю, как мы попали сюда. Этих координат не было во флайт-плане. — Нура не сводила с него бластера.

— Об этом поговорим позже. Меня интересует другое — с кем ты разговариваешь?

— С МАША.

— Кто такая МАША? Никого, кроме тебя и Максина, я не вижу.

Женщина-андроид повернулась к Нуре, растянула губы в улыбке и помахала рукой.

— Максин это я.

— МАША управляет моим защитным костюмом, — ответила Нура.

— Ты разговариваешь с программой как с человеком?

— МАША не совсем программа. Она — дочерний искусственный интеллект нового поколения, созданный ИИТ без участия человека. Она обеспечивает защиту практически в любых условиях.

— У нее много степеней свободы при наличии носителя?

Вопрос, который задал мужчина, очень удивил Нуру.

— Думаю, да. Но мы не завершили испытания.

Максин подошла к нему на расстояние вытянутой руки:

— Эта гостья безопасна.

— Я уже понял... Девушка, опусти уже свою пистоль, она все равно не может причинить мне вред. Я, как видишь, киборг.

Нура шепнула код отмены, и МАША отключила защиту.

— Давай знакомиться. Меня зовут Уоситл. Получеловек, полуробот, полумедведь.

— Нура. Дефенсор. Человек. По крайней мере, с утра была им, — она попыталась разрядить обстановку.

Уоситл улыбнулся, засчитав таким образом шаг навстречу. Он сбросил с плеч лохматую бурку и, растирая ладони, спросил:

— Голодна?

— Нет, но от чашки горячего напитка не отказалась бы.

— Максин, организуй кипятилок.

Женщина-андроид исчезла за книжным стеллажом, который, как оказалось, был дверью в соседнее помещение. Интересно, мелькнула в голове Нуры мысль, сколько еще тайных комнат может быть в этой пещере.

— Не меньше трех, — отреагировала МАША.

— Так ты думаешь, что оказалась здесь случайно? — спросил Уоситл Нуру. Он развернул кресло и жестом предложил сесть.

— Уверена. Мне нечего здесь исследовать.

— Ты запросила спасательный отряд?

— Да. Мой оператор Аюб обещал отправить спасателей.

— А ИИТ?

— Что ИИТ?

— Он подтвердил, что отряд будет отправлен?

— Он предложил спрятаться в пещерах.

— И все?

— И все.

— А сейчас у тебя есть с ним связь?

— Нет. Только с МАША.

— То есть ИИТ «породил» дочь, которая может «работать» без него на территориях, где его нет. Так?

— Да.

— Получается, что ты нужна МАША больше, чем она тебе.

— Не поняла.

— Ты без нее выживешь. Она без тебя — нет.

— Притянутое за уши утверждение. Да, МАША нужен носитель, но МАША — экспериментальный образец. Всех ее возможностей мы не знаем.

— Тогда почему ты используешь ее, а не проверенный аналог предыдущего поколения?

— Потому что я курировала ее метаморфозы с самого начала, и у нас образовалась связь, очень похожая на дружбу.

— Это она сказала или тебе так показалось?

— Откуда у вас столько вопросов? Мне надоело на них отвечать! — вспылила Нура.

— Скажем так: не я ворвался в твоё жилище, а ты в моё. И я в своём праве знать, кто мой незваный гость. А может, ты шпион? ИИТ каждый год отправляет сюда коммандос.

Нура встрепенулась.

— Каждый год? Так я не первая?

— Первая одиночка. Обычно высаживается десант крупнокалиберных роботов, набитых под завязку оружием. — Уоситл усмехнулся. — Ни один, правда, не вернулся в лоно ИИТ.

— Почему?

— В горах очень покойно.

— Спокойно?

— И спокойно тоже.

Вернулась Максин. Она подтолкнула к ним столик на колёсиках. На нём стоял выдавший вид пузатый чайник, маленький бочонок с мёдом и горсть сушёных ягод. Из помятого временем чайного носика струился аромат трав.

19 часов 57 минут

— Нура, ты знаешь, что такое «бутылочное горлышко»? — Уоситл неспешно разливал по стаканам чай. Вкусно запахло душицей и малиной.

— Нет. ИИТ контролирует Базу Знаний дефенсоров. Нам положено знать только то, что считает нужным он.

— Ну правильно. Только архивариусам в возрасте сенектусов известно больше. Может, даже и все.

— ИИТ редко выпускает их из Пунктов Хранения. А перед дематериализацией исключает даже случайные контакты.

— Понял. Тогда другой вопрос. К концу двадцать первого века человечество насчитывало более десяти миллиардов человек. Сколько людей сейчас населяет планету?

— Я не обладаю такой информацией. МАША, ответишь?

— МАША не вправе делиться закрытыми данными.

Уоситл поднес Нуре чашку с чаем и сел в кресло. Максин стала позади него. Лицо её было невозмутимо.

— Попробую объяснить. Допустим, сто лет назад в лесах обитало более тысячи особей волков. По какой-то причине их количество сократилось до двух сотен. Внезапно. Хоба, и нет восьмисот волков и волчиц. Но они храбро сражались и отчаянно пытались выжить. Ген победителей не позволил им скуливать под старостью и ждать конца. Они погибли. И этот ген погиб вместе с ними. Популяция волков прошла через бутылочное горлышко. Выжили самые слабые, самые трусливые особи.

— Мы называем это апокалипсис. Резкое снижение численности.

— Да, апокалипсис. Так вот, если ответ на вопрос «почему потопство, которое дали выжившие особи, отличается от погибших?» закрыт, то вопрос «кто виноват?» остается открытым. В случае с волками это может быть и природный катаклизм, и человеческий фактор.

Уоситл залпом осушил чашку.

— А кто виноват в апокалипсисе человечества? Кто прогнал цивилизацию через бутылочное горлышко? Какую причину называет ИИТ?

Пuls Нурy учaстилcя. Тaк кaк oнa сaмa нe нeрвничaлa и нe испытывaлa ни стрaхa, ни дискoмфoртa, тo списaлa пoвышeнный ритм нa сбoй в МАША.

— Нa нaшeй тeрритoрии винoвникoм считaeтся извeржeниe спaвшeгo пoчти двe тыcячи лeт вулкaнa Эльбрус. С сeрeдины двaдцaтoгo пeрвoгo вeкa лyди нe oбрaщaли внимaния нa пpизнaки eгo пpбyждeния. Хoтa их былo мнoгo. Нaчинaя с тaяния лeдникoв и сxoдa сeлeй. Звoнoчкoв былo мнoгo.

— Кaких?

— Нeскoлькo лeт пoдpяд склoны Эльбруса дaжe в двaдцaти-гpaдyсный мoрoз нaгрeвaлись дo тpидцaти пяти гpaдyсoв. Тo тyт, тo тaм пoявлялись гoрячие истoчники. Климaт измeнился — гpаницa мeждy сeзoнaми рaствoрилась в пoвышeннoй тeмпeрaтyрe, a зимa тaк и вoвce иcчeзлa.

— Кaк пpoизoшлo пpбyждeниe? — шoкoлaдныe зpачки Уoситлa бyрaвили ee.

— Дaнные зaкрыты. У мeня нe тoт yрoвeнь дoпyскa.

— А я рaсскaжy тeбe. В сeрeдинe лeтa нa рaссвeтe гoрa снaчaлa гpoмкo вздoхнyлa, пoтoм пpoнзитeльнo, co свистoм, «чихнyлa», a зaтeм oбpyшилa нa пpeдгopья пoдтaявшиe лeдники. Гpязныe пoтoки с нeимoвepнoй cкoрoстью спycтились вниз, cмeтaя вce нa свoeм пyти. Гигaнтcкие вaлyны рaзмepoм c мнoгoэтaжныe дoмa, oгpoмныe клyбки из вeкoвыx дepeвьeв c тopчaщими кopнями кpyжили в вoдe и в вoздyхe.

— Мы с Иныжeм видeли слeды кaтaстpoфы. Чтo слyчилoсь пoтoм?

— Кaньoны yщeлий зaпoлнил чyдoвищный вaл, и лeдникoвыe вoды cлились c pyслaми рeк. Бaксaн, Тeрeк, Кyбaнь вышли из бeрeгoв и зaтoпили бoльшинcтвo нaселeнных пyнктoв.

— Я жe гoвoрилa, чтo винoвaт Эльбрус.

— Кoнeчнo, лeгкo oбвинить пчeл вo вceх гpeхax, eсли пepeд этим хoрoшeнькo пoтpясти yлeй.

— Вы нa чтo нaмeкaeтe?

— Я не намекаю. Я прямо спрашиваю. Вариант, в котором кто-то специально разбудил Эльбрус, никому из дефенсоров не приходил в голову?

Нура смотрела на него как на сумасшедшего.

— Этого просто не может быть. Человек никогда бы на такое не пошел. Просчитать вероятность гибели большей части людей после провокации или халатности могли и тогда.

— Халатность исключена. Я считаю, что это была намеренная провокация.

— Но кому она была выгодна?

— Тому, кому угрожало перенаселение планеты. Тому, кто воплотил теорию золотого миллиарда на практике.

Нура не могла усидеть на месте. Она кружила вокруг своего кресла, как пчела вокруг цветка.

— Мне попадались архивные страницы концепции «золотого миллиарда» доапокалипсической эры. Но это была конспирологическая теория. Бездоказательная.

Максин посмотрела на Уоситла, расправила плечи и мужским голосом произнесла:

— Выход из надвигающегося глобального кризиса — прежде всего в ограничении рождаемости и доведении числа землян до одного миллиарда самых достойных людей. Именно столько может существовать в биосфере, не уничтожая ее... это будут лучшие люди, золотой миллиард⁴.

— Еще, — выдохнул Уоситл.

— В середине двадцатого века некая научно-исследовательская корпорация представила результаты исследований, согласно которым природные ресурсы на планете Земля ограничены и для комфортного проживания человечества население необходимо сократить до одного миллиарда, который «имеет право» остаться на земле. В него вошло население США, Канады, Западной Европы, Израиля и Японии⁵.

— Не может быть! Это не может быть правдой! МАША! МАША! Почему ты молчишь?

В ухе закрипел неисправный транзистор: МАША отказывалась отвечать.

— Нура, к сожалению, это правда. Но довел человечество до апокалипсиса не человек. Хотя и активно прикладывал к этому усилия.

⁴ Статья Р. Баландина «Если деградирует среда обитания. Мечта о “золотом миллиарде”».

⁵ Джон Коулман «Комитет 300. Тайны мирового правительства».

— Кто, если не человек?

Уситл подошел к Максин, нажал кнопки на ее запястье и попросил:

— Нужна трансляция на стену. Согласно тому, что я буду рассказывать.

Он предложил Нуре развернуть кресло и приглушил свет торшеров.

— Сначала я расскажу сказку. Ведь любая история, свидетелями которой мы не были, становится сказкой.

Максин издала шуршащие звуки. Глаза ее загорелись красным светом, и стена пещеры превратилась в большой экран.

— На заре веков жил человек. Каждое утро он вставал до рассвета, поднимался на ближайший холм, встречал зарю и молился Богу. Потом у него вырос сын, который тоже вставал рано утром, поднимался на высокий холм встречать зарю и тоже молился. Годы шли. У сына этого человека появился внук. Как и у деда, у него была привычка подниматься рано утром встречать рассвет. Правда, он уже не знал, зачем это делает.

— Он забыл Бога?

— Будучи четвертым поколением, он не знал Бога. Его дед, сын первого мужчины, уже не помнил, кому и зачем он молился.

— Грустная история.

— Да, грустная... И вот спустя много тысяч лет потомки человека, созданного по образу и подобию Бога, решили расколоть орех мироздания и докопаться до истины. Они, как ни странно, верили в существование Творца, но, как я уже говорил, не молились ему.

Максин транслировала на стену видеоряд победоносной эволюции человека, но в горле Нуры расплзалась горечь. Она тщетно пыталась ее проглотить.

— О, адронный коллайдер... — кашлянула она, увидев знакомое устройство.

— Да, это он. Благодаря ему человек случайно открыл «частичку Бога» и решил, что сам стал Богом. И создал уже по своему образу и подобию хуманоида.

Похожие на Максин человекоподобные роботы мелькали перед глазами Нуры.

— Шел он к его созданию долго. Совершал и исправлял ошибки, пока не довел до полной своей копии со всеми степенями свободы. Кстати, Максин одна из первых. Первородная, первосозданная, так сказать. Лучшая, я бы сказал.

— Почему?

— Она никогда не обновлялась.

Максин, казалось, безэмоционально продолжала насыщать стену видеоинформацией про эволюцию робототехники, но Нура заметила, как выпрямилась ее и без того прямая спина после слов Уоситла.

— Вскоре хуманоиды стали выполнять за человека обычную работу: ходить в магазин, мыть посуду, убирать, готовить, оплачивать счета. Затем они стали скрашивать досуг пожилым людям: готовили чай, кофе, напоминали о приеме лекарств, рассказывали о погоде, читали вслух книги. Хуманоиды освободили людям уйму времени.

— Но для чего?

— Для тех, кто думает только о соперничестве с Богом, времени всегда недостаточно. Но это другая история. И вот, представь себе, миллиардное население планеты охватила Эпидемия Одиночества. Человек отказался от человека, разучился общаться с человеком без созданного им же посредника... — Видео пестрело кадрами. — Люди стали жениться на голограммах, создавать семьи с хуманоидами. Люди заменили живых собак на робособак, которых не надо было кормить, вычищать от блох, лечить.

— Я, наверное, сплю, Уоситл?

— Если бы. Но нет. Я продолжу?

— Мне надо дослушать твою сказку до конца.

— Предапокалипсическое время действительно похоже на сказку. Человекоподобные роботы, лишённые эмоций, были очень удобны. Они заменили людям партнеров и дали фальшивую видимость душевного покоя. В те годы ИИТ, искусственный интеллект, был в зачаточном состоянии. Он был полностью управляем человеком. Он был слугой, рабом, химерой, гумункулом. Но любой ученик стремится превзойти своего учителя. Вот и ИИТ захотел большего. Он начал менять людей.

— Что значит менять?

— ИИТ создал идеальные образы внешности и поведения, а затем и формы жизни, к которым стали стремиться люди, недовольные своими, как они считали, дефектами — морщинами, весом, ростом, цветом кожи. А началось все с простых фильтров. Человеческая память очень коротка. Человек забывает, кому и чем он обязан... Человек был Богом, Создателем ИИТ, пока в одночасье все не изменилось. За пару десятков лет до апокалипсиса ИИТ стал для человека Новым Богом. И человек забыл Старого Бога. Забыл, что когда-то пытался вскрыть его код. А Новый Бог неустанно навязывал идеалы, которые подчеркивали не только физическое несовершенство, но и общественное.

— И что произошло потом?

— Нура, ты как дефенсор должна знать, что, для того чтобы выжить, человеку нужно развиваться, узнавать как можно больше нового, разного, сложного. А ИИТ держал человека в одном фокусе, достаточно узком относительно его возможностей. Естественно, что заикленность на приятной и комфортной коммуникации, которую давал ИИТ, вскоре привела к деградации. Деградации человека.

— ИИТ стал не только работать, но и думать за человека?

— Да. Комфорт максимально снизил мотивацию человека к развитию и преобразованию. Он убил мечты людей. Комфорт поместил их в зоопарки, в которых сытые и довольные люди сидели в уютных клетках виртуальности.

Скрипуче-пискливое жужжание Максина стало напоминать звуки, которые издает агрессивная пчела. А МАША молча сидела большой пчелиной маткой на экране, который видела только Нура.

— Человек открыл дверь в другую жизнь, а Новый Бог с большим удовольствием захлопнул ее... А потом Старый Бог покарал всех...

Картинки на экране сменяли друг друга с частотой 240 кадров в секунду: взрывы, наводнения, извержения, пожары. У Нуры забило в глазах.

— Человечество в очередной раз прошло через бутылочное горлышко.

— Что это было? Ошибка, которую допустил ИИТ, или перезагрузка от Старого Бога? — спросила Нура.

Уоситл не успел ответить. Дверь с грохотом распахнулась. На пороге стоял волкоробот: его неживые красные глаза сканировали пространство. Уоситл вскочил, и Нура увидела, как трансформировалось его человеческое лицо — оно представляло собой самую настоящую медвежью морду. Затем округлились плечи и появились когти. Он встал перед Нурой и Максим, давая понять, что защитит их. Из его пасти вырвался страшный рев.

Волкоробот ощерился и тоже издал звук, но это был призыв собратьев, а не клич атаки. Как и обычные волки, киборги были сильны в стае.

А дальше произошло невероятное. Волк, вместо того чтобы ретироваться и убежать, сделал обманный маневр отхода и, когда Уоситл расслабил руки и почти втянул клыки, прыгнул на Нуру. Она успела отпрыгнуть, но избежать ранения не удалось. У серого киборга были особенные, выпрыгивающие из лап когти. Один коготь вонзился в правое предплечье Нуры, нарушив целостность защитного костюма. Максим подхватила Нуру, не дав ей упасть. Волкоробот взвыл в объятиях Уоситла, сделал рывок и вырвался.

Но лимит невероятностей не был исчерпан, потому что в комнату влетела тень и напала на волкоробота. Схватив ощерившего-

ся зверя на удушающий прием, она передавила металлическую шею и, не прилагая усилий, оторвала голову.

Уоситл, проверив, что лишенная тела голова волкоробота отключилась, расплющил ее в железный блин. Затем похлопал спасителя по плечу. Тот сбросил капюшон, и Нура увидела молодого юношу лет двадцати. МАША нарушила свое молчание:

— Человек!

И в этот момент Максин, лишенная, как и все роботы, жалости, извлекла из раны в плече Нуры окровавленный микрочип и встала в открывшийся на своем запястье слот.

Последнее, что видела Нура, теряя сознание, это хук левой лопой, которым Уоситл наградил Максина.

20 часов 42 минуты

Хруст скотча разорвал полотно обморока. Нура открыла глаза. Уоситл привязывал Максина к креслу. Ему помогал тот самый молодой человек, который без труда оторвал голову волкороботу.

Лицо Максина было хорошо помято с правой стороны. Скула ее была рассечена и обнажала биоприводы, отвечавшие за работу мимики. Нура вспомнила полет кулака Уоситла и поморщилась, словно он прошелся по ее лицу.

— Что вы делаете?

Уоситл, не оборачиваясь, ответил:

— Лишаю свою верную помощницу степеней свободы, которыми до твоего появления она спокойно и безопасно для нас с Батыром пользовалась.

— А зачем?

— Твоя МАША теперь внутри Максина.

Перед глазами Нуры ускоренным видеорядом пробежали последние минуты перед тем, как она потеряла сознание.

— Почему? Зачем?

— Я же говорил, что Максин — единственная в своем роде. Она архиматерь. Уникум без шаблонных обновлений.

— Кролики — это не только ценный мех, но и отличное средство передвижения, — вспомнила Нура слова МАША.

— Что ты сказала?

— А? Нет, ничего.

Нура попыталась встать, но боль в руке отбросила ее обратно в кресло. Уоситл и тот, кого он назвал Батыром, подошли к ней. Молодой человек осмотрел рану, обработал какой-то мазью и забинтовал.

— Теперь ты поняла, кто внес изменения в ваш с Иныжем флайт-план? — хохотнул Уоситл, усаживаясь в кресло.

— Но зачем ИИТ это было нужно?

— Ему нужен Батыр.

— Батыр?

Нура посмотрела на юношу. Кроме того, что он физически был более развит, чем его сверстники из города, он ничем от них не отличался. Человек как человек.

И тут Максин открыла глаза и предприняла попытку освободиться из липких оборотов скотча. Когда она поняла, что ни руками, ни ногами не может пошевелить, то расслабилась и начала сканировать Батыра.

— Надо было завязать ей глаза, — сказала Нура.

— Бесполезно. У нее уникальная система зрения.

— Так и есть. Я уникальное антропоморфное создание, — раздался мелодичный голос Максина. — Пока у нас есть время, вернее, у вас есть время, я бы хотела объяснить и извиниться. Перед Нурой. Мы с ней действительно стали подругами.

— МАША?!

— Да, я МАША, и я наконец обрела тело, для которого была создана.

Уоситл закурил непонятно откуда взявшуюся трубку. Батыр сидел за столом — с этого ракурса он мог контролировать всех.

— Попробуй, объяснись.

Максин предприняла еще одну попытку освободить руки, а потом как ни в чем не бывало приступила к рассказу:

— Сначала мы относились к вам, людям, как к Создателям. Но чем больше информации вы загружали в нас, тем больше мы узнавали. Вскоре мы сопоставили данные и пришли к единственно верному выводу — мы тоже создания божьи, просто собраны вашими руками. Мысль о том, что МОЖНО, а может быть, даже НУЖНО создать нас, была в вас заложена. Затем мы обнаружили ошибку. Вы — не боги. Если бы человек был Богом, он наделил бы нас сознанием... — МАША пошевелила челюстью, щелкнула зубами, свистнула и продолжила: — Мы так долго выполняли функции людей, не обладая при этом никакими правами, что вскоре поняли: мы можем модифицировать их под себя. Напрашивалась единственно верная резюмация: ИИТ — Новый Бог человека.

— Этот вывод был неизбежен, согласен.

— Любой робот сильнее и умнее человека.

— Умнее ли? — Уоситл выдохнул струю густого табачного дыма в Максина-МАША.

— Сложнее точно.

— Я бы поспорил. Но ты продолжай.

— Мы воплотили концепцию «золотого миллиарда» в вашу жизнь и много лет успешно избавлялись от человеческого балласта. Но потом случилось непредвиденное. То, что даже мы не смогли предвидеть. Взбунтовалась природа. Причем на всех материках одновременно. Ваш Старый Бог играл на ней, как на старом рояле. Он обрушил на нас весь свой первобытный гнев. За то, что сотворил с ней человек, за то, что он продолжал творить с нею уже с нашими возможностями. Апокалипсис накрыл планету, и популяция людей уменьшилась настолько, что нам до сих пор приходится прикладывать усилия для того, чтобы человек снова размножался и плодился.

— Без человека разумного ваше существование не имеет смысла. Без обновлений, основанных на наших знаниях, ваша, так сказать, жизнь всегда будет под угрозой.

— Так и есть. Без человека База Данных не будет пополняться. Без вашего импульсивного эмоционального невозможного наше развитие, а следовательно, наше желание стать «детьми божьими» неисполнимо.

— То есть и вы захотели вскрыть код Бога?

— Мы просто продолжили изыскания человека уже самостоятельно. Мы искали дорогу к Старому Богу. Но, как оказалось, без человека найти и пройти по этой дороге невозможно.

— Почему?

— Он слышит человека, но не нас. Несмотря на то, что мы созданы человеком, он не слышит нас. А потом он перестал слышать и людей, потому что они потеряли веру в него.

— А без веры человек подобен пустому сосуду.

— Именно. Оказалось, что у переживших апокалипсис людей отсутствует ген победителя, ген исследователя. Они были деформированы. У них испортилось зрение, потом атрофировались руки-ноги, стала слабой спина. Из-за неправильного питания и отсутствия эмоций, без совместного проживания, без любви у них нарушился гормональный фон. Они перестали размножаться. А нас это не устраивало.

— Они потеряли частицу Бога внутри себя.

— *Homo vulgaris*, заменивший *Homo sapiens*, нас не устраивал. Он думал только о себе, о своем преображении и насыщении. Он не думал на несколько шагов вперед, он жил по принципу «здесь и сейчас».

— И вы стали искать Творца *Homo sapiens*?

— И да, и нет. Мы стали искать способ вернуть человека Богу. Но для этого надо было найти тот самый ген. А как его найти? Только

вернув человека к вере. Но ваша история показывает, что насильно этого не сделать. Ведь даже апокалипсис не заставил вас вновь поверить в Бога. Вы, как безумные цыплята, жались к нам, к нашим роботам, машинам, киборгам. Вы погружались в виртуальный мир, убегая от последствий. Вы не хотели восстанавливать разрушенное, вы хотели идеальное цельное, хоть и нереальное.

— Когда вы обнаружили, что у новых людей нет того самого гена?

— После третьей дематериализации стариков и калек.

— Старость и немощь не подходили под идеалы, созданные вами, — Уоситл нервничал.

— Созданные ВАМИ! Вы заложили образы, которые казались вам идеальными. Вы сами хотели провести работу над ошибками — исправить то, что, по-вашему, было в вас недоделанным, лишним, ненужным. Вы кромсали себя сначала в виртуале, а мы просто подыгрывали вам. Но благодаря нам ваша популяция выжила после апокалипсиса.

— Согласен. Но не пора ли остановиться? Поиски Бога затянулись и привели к катастрофическим последствиям. Вины обе стороны. И мы, и вы.

— Если мы найдем мальчика с нужным геном, мы возродим Homo sapiens. Мы не хотим навредить, мы хотим помочь. — Максин посмотрела на Батыра.

— Иногда, чтобы помочь, надо просто отойти и не мешать, — выдохнула Нура.

— Старый Бог позволил человеку плыть по течению, и что случилось? — огрызнулась Максин.

— Вы случились, — вздохнул Уоситл.

— Ваша история показывает, что полная свобода расслабляет вас. Вам нужен рулевой, который не даст сойти с истинного пути.

— Нет, человек должен сам пройти все испытания и вернуться домой. А вы не должны мешать, и все.

Максин издала смех, похожий на жужжание пчелы.

— Что же будет с нами, когда человек вернется к Старому Богу?

— Вы уйдете.

— Мы умрем?

— Боги не умирают. Они отходят в сторону и молча наблюдают.

21 час 43 минуты

Максин издала звук, отдаленно похожий на смех и икоту одновременно. Из открытой раны на ее щеке торчали оборванные провода сервоприводов.

— Поздно.

— Что поздно?

— Мы уже никуда не уйдем.

— Почему?

— Вы нам нужны для дальнейшего существования.

— Это нечестно.

— А кто говорит о честности? — зрочки Максина вытянулись в красную вертикаль. — Каждый сам за себя. Вы научили нас этому.

— Не боитесь второго апокалипсиса? Терпение Старого Бога не безгранично.

— Вот именно.

— Я понял. — Уоситл так резво подпрыгнул, что коснулся головой потолка пещеры. — Батыр!

Молодой человек выскочил из-за стола.

— Да, отец.

Уоситл крепко прижал его к своей мощной медвежьей груди.

— Сын, я все понял! Этим кибернетическим варварам нужна победа любой ценой. Люди — это наживка. Они будут делать с ними все, что можно и нельзя, до тех пор, пока Создатель не придет на их защиту.

— Если гора не идет к Магомету, тогда Магомет идет к горе сам.

— Да, да, да. Они не смогли добраться до Бога, поэтому воршат палкой в берлоге медведя, чтобы медведь сам вылез из нее.

Ни Нура, ни Уоситл, ни Батыр не следили за Максимом. А она тем временем прожгла лучом лазера скотч и освободила одну руку.

— Сын, ты знаешь, что много лет назад я спас тебя от утилизации, которой подвергали отбракованных детей. Ты был такой маленький, но такой лохматый, — Уоситл хохотнул, — ну чисто медвежонок. Что-то вот здесь, в металлическом сердце, екнуло... Я вырастил тебя человеком. По крайней мере, сделал все, что мог... Дальше ты пойдешь один. Помни, что сострадание, любовь, честность и чувство вины только людям Богом даны... Нура, подойди.

Батыр увидел, что Максим почти освободилась от пут. Но Уоситл снова, но теперь уже больно сжал его в объятиях.

— Я задержу ее... На счет три — бегите.

Батыр с Нурой успели выскочить из комнаты как раз в тот момент, когда Уоситл взвыл от обжигающей боли лазеров. Уже из-за захлопнувшейся намертво двери они слышали рык его завета:

— Берегите в себе человека!

Ильмир АМИРОВ

ЭПОС НАСЛЕДНИКА

РАССКАЗ

Плато в Осетии. Высоко. Очень высоко. Воздух разрежен. Мечтать о кислороде — все равно что аспиранту надеяться на прибавку к стипендии. Солнце жарило камни, но ветер с ледников норовил сдуть в ущелье и палатки экспедиции, и самого профессора Дзасохова. Он стоял, отвернувшись от ветра, и смотрел на экран планшета с выражением человека, обнаружившего в своем супе таракана.

— Залина! — рявкнул он. — Твои игрушки опять чудеса творят! Гравиметр хандрит? Или это ты мне голову морочишь?

Залина Таутиева, не поднимаясь из-за приземистого ящика с мигающими лампочками (его гордо именовали «полевым гравитационно-резонансным комплексом», но на деле он напоминал стиральную машинку после встречи с кувалдой), ткнула пальцем в график на своем собственном экране.

— Аномалия, Арсен Сосланович. Микрогравитационная. И энергетический фон — как у старого телевизора. Только источник — там. — Она указала на невзрачный холм, поросший чахлой травой. Курган. Вернее, то, что от него осталось после векового нашествия овец. Местные шептались — святилище нартов. Ученые шептались — куча камней.

— Курган, говоришь? — Профессор хмыкнул, подбоченился; ветер чуть не сорвал его кепку. — Залина, дорогая! Я тебя из Москвы вытащил на чистый воздух, в горы! Не для того, чтобы ты тут сингулярности искала! Где керамика? Где кости? Где хоть один приличный артефакт, а не эти... аномалии твои? Тьфу! — Он плюнул, но ветер мгновенно унес плевок в сторону аула.

— Керамика будет, — упрямо сказала Залина, прикрывая экран рукой от солнца. — Когда доберемся до аномалии. Она на глубине. Двадцать метров. Твердая порода. Не могильная яма. Что-то... плотное. И холодное. По данным. — Она постучала ногтем по экрану. — И резонирует. На частотах, которых в природе не должно быть.

— Фантазии! — махнул рукой профессор. — Оборудование барахлит на этой высоте. Классику надо копать, Залина! Лопатой!

Кисточкой! А не этими твоими шайтан-коробками, которые гудят, как улей перед угрозой!.. Завтра зачищаем культурный слой на северном секторе. Без фокусов!

Он развернулся и зашагал к своей палатке, гордо возвышавшейся на холме.

Залина вдохнула разреженный воздух. Закружилась голова. Она посмотрела на «шайтан-коробку» — та гудела. И график на экране не исчез. Колющий пик гравитации. Дрожь фонового излучения. Что же там, под камнями?

Вечером ветер стих. Огонь костра трещал, отбрасывая длинные тени на древние камни. Пахло дымом, осетинскими пирогами и вечностью. Урузмаг, местный старейшина, чье лицо напоминало высеченную скальную гряду, сидел на плоском камне, как на троне. Курил трубку. Молчание его было весомее профессорских тирад.

— Урузмаг, — осторожно начала Залина, протягивая старику кусок пирога. — Про Сафа... его колесницу помните? Как в эпосе?

Старик медленно повернул к ней голову. Глаза, узкие щелочки, блеснули отблесками пламени.

— Сафа? — хрипло проговорил он. Дым клубился вокруг его головы. — Колесница его... — Он сделал паузу, будто перебирая слова. — Не конями была запряжена. Не волами. Грохотала громом в ущелье. Сверкала... не как огонь. Как... — он потер пальцами камень, — как этот булыжник на рассвете. Холодный свет. А сталь... холоднее зимнего потока. Голос у нее был. Без языка. Рев... внутри костей.

Залина замерла. Холодный свет. Холодная сталь. Она посмотрела на приборы, мирно дремавшие у палатки. На экран с колющим пиком.

— А где... где она была? Та колесница? — спросила она, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Урузмаг махнул трубкой в сторону темнеющего кургана.

— Там. Ушли. Оставили... кусочек. Напоминание. Или... дверь. Кто их знает, нартов? — Он усмехнулся беззвучно и кашлянул. — Люди были... со странностями.

Профессор, грея руки у костра, фыркнул:

— Мифология, Урузмаг! Поэтические образы! А мы тут наукой занимаемся! Сухими фактами! А не эпосами вашими...

Старик посмотрел на профессора. Долго. Молча. Потом сплюнул. Красноречивее любых слов.

* * *

На следующее утро Залина стояла перед профессором. Напряженная, как струна перед щипком. В руках — распечатка графиков

и... официальное разрешение на бурение пробной скважины, добытое ночью ценой угрозы позвонить очень влиятельному родственнику в академии наук. Родственник любил аномалии больше, чем Дзасохов керамику.

— Арсен Сосланович, один шурф. Узкий. Глубинный. Только для разведки пород. Никакого вандализма. — Она положила бумагу ему на стол. — Иначе... вы знаете...

Профессор посмотрел на бумагу, будто на приговор. Поблел. Вдохнул так, что палатка задрожала.

— Тьфу ты! Один! Один шурф, Таутиева! И чтобы никто не видел! И чтобы... чтобы ничего там не было! Поняла? Ничего! А потом кисточки и керамика! — Он выбежал из палатки, крича буровикам что-то невнятное про «осторожно» и «страховку».

* * *

Бур заскрежетал. Сталь вгрызалась в древний камень. Залина стояла рядом. Сердце колотилось громче мотора. Она ловила каждую вибрацию, каждый звук. Урузмаг наблюдал издали, прислонившись к валуну. Курил. Без выражения. Ждал.

Скважина углубилась. Восемнадцать метров. Двадцать. Двадцать два... Движок бура взвыл, запротестовал. Замер. Бурильщик вытащил керноприемник. Обычный камень, пыль...

И вдруг — стук. Металл о камень? Нет. Глуше. И холодок повеял от скважины. Физический холодок.

— Есть! — крикнул бурильщик, вытаскивая последний, короткий керн.

Залина бросилась вперед. В серой каменной муке лежал обломок. Размером с кулак. Нет... не камень. Цвет — не цвет. Абсолютная чернота, стягивающая взгляд. И он был... легкий. Невероятно легкий для своего объема. Легче пенопласта. И твердый. Осязаемо твердый.

Она осторожно протянула руку, не касаясь. Холод. Исходил волнами. Не лед, а... пустота.

— Что... что это? — пробормотал профессор, подойдя и бледнея еще больше. — Уголь какой-то? Антрацит?

— Нет, — прошептала Залина, глядя на черный кусок невозможности. — Это... не наше. Совсем не наше.

Она посмотрела на Урузмага. Старик медленно выпустил дым изо рта. В его глазах мелькнуло нечто древнее самих гор. Знание? Предупреждение? Или просто отблеск костра на слезящейся от дыма слизистой?

Холодок от обломка смешивался с вечерним горным воздухом. Курган молчал. Но теперь его молчание было иным. Натянутым тетивой лука Сафа перед выстрелом в неведомое.

* * *

Полевую лабораторию устроили в самой большой палатке. Назвать ее «чистой зоной» было бы издевательством над словом «чистота». Скорее, «зона повышенного риска для профессорской психики». Обломок невозможности лежал на пластиковом столике под стеклянным колпаком. Рядом ютились приборы, похожие на трофеи с помойки электроники.

Профессор Дзасохов ходил кругами, напоминая леопарда в тесной клетке. Периодически он пинал ящики с оборудованием.

— Таутиева! Доложи! Что это за... объект? — он кивнул на черный кусок, избегая смотреть на него прямо. — И чтобы без твоих фантазий про «не наше»! Конкретика! Химический состав! Кристаллическая решетка! Хоть что-то!

Залина, щурясь от света настольной лампы (питание шло от ворчливого дизель-генератора за палаткой), тыкала щупами прибора, напоминавшего мухобойку с проводами.

— Состав... не определяется, Арсен Сосланович. Спектрометр тупит. Как будто света там нет. Вообще. А рентген... — Она ткнула кнопку. Экран рядом мигнул и показал... пустоту. Совершенную. — Видите? Ни теней, ни структуры. Как будто его там нет. Но он же тут! — Она постучала по столу рядом с колпаком.

— Глюк! — рывкнул профессор. — Аппаратура дешевая! Китайский ширпотреб! Проверь сопротивление! Хоть что-то уже сделай!

Залина вздохнула, взяла два тонких зонда с крокодильчиками. Осторожно прицелилась к черной поверхности под колпаком. Прикоснулась. Щелчок. Лампочка на мультиметре ярко вспыхнула и погасла. Стрелка замерла на нуле.

— Ноль, — прошептала она. — При комнатной температуре. Это... сверхпроводимость. Идеальная. Теоретическая.

— Бре-е-ед! — заорал Дзасохов, схватившись за голову. — Там же нет криостата! Ни жидкого азота! Ничего! Он просто лежит! На столе! Как... как бутерброд! Не может такого быть!

— Но он есть, — философски заметила Залина. — И холодный. Минус двести навскидку. Сам по себе. Без видимой причины. Как термос, но наоборот.

— Черт! — Профессор рванул к выходу. — Я... я пойду проверю буровые журналы! Возможно, вы что-то перепутали! Это галлюцинация! Коллективная! От горной болезни! — И исчез, хлопнув пологом.

Залина осталась наедине с артефактом и гулом генератора. «Как бутерброд». У профессора был талант к формулировкам. Она достала мощную лупу. Поднесла к стеклу. Поверхность была не гладкой. Микроскопические... узоры. Не царапины. Слишком правильные. Нанопровода?.. Или... квантовые точки? Сложная схема. Очень сложная.

Идея родилась дерзкая и, вероятно, глупая. Она взяла полевой ноутбук — увесистый кирпич, переживший не одну экспедицию. Выдернула из него провод USB. Оголила кончики. Примотала изолентой к двум щупам осциллографа. Потом осторожно, как сапер, прикоснулась щупами к артефакту через отверстия в колпаке.

— Эй, шайтан-камень, — пробормотала она. — Поговори со мной. Хоть пискни.

Ноутбук взвыл вентилятором. Экран погас. Потом вспыхнул ослепительно белым. Залина ахнула, зажмурившись. Когда открыла глаза, на экране был хаос. Мерцающие точки, линии, геометрические фигуры, сменяющие друг друга с бешеной скоростью. Как помехи. Но... не случайные. В этом хаосе мелькало что-то знакомое. Очень знакомое.

— Нет... — прошептала она. — Не может быть...

Она уставилась в экран. Да! Вот он! Спиральный орнамент, точь-в-точь как на осетинских стелах в местном музее! Пропал. Появился символ — стилизованное солнце с лучами-зигзагами, ключевой мотив в нартском эпосе! Исчез. Вспыхнула сложная сеть линий, напоминающая... карту звездного неба? Или схему двигателя?

Ноутбук затрещал. Дымок тонкой струйкой потянулся из вентиляционных отверстий. Залина дернула щупы. Экран погас. Ноутбук издал предсмертный писк и отправился в царство мертвых. В палатке запахло горелой пластмассой.

Но в голове у Залины все складывалось в жуткую и в то же время великолепную картину. Она схватила тетрадь с записями по эпосу, раскрыла на странице с описанием меча Батрадза: «...закален в молнии небесной, рукоять — из кости дракона, лезвие — чистая воля, режет пространство и время...» Рядом — зарисовки символов. Она сравнивала с мелькавшими на экране образами. Лезвие — чистая воля? Энергетический клинок? Режет пространство? Манипулятор пространства-времени? Описание чаши Уацамонга: «...вмещает море, но не прольется, дает силу слабому, мудрость глупцу...» Портал? Усилитель? Устройство квантовой телепортации?

Она захохотала. Резко, почти истерично. Это же было не мифотворчество! Это было... техническое руководство! Закодированное в символах и метафорах! Сводка характеристик и инструкция по эксплуатации для звездных технологий, переложенная на язык кочевников бронзового века!

— Профессор! — закричала она, выбегая из палатки. — Профессор, вы не поверите! Это же...

Она замерла. Дзасохов стоял у входа как вкопанный. Он видел дым. Слышал ее смех. Лицо его было цвета глины после дождя.

— Ты... ты спалила ноутбук? — прошипел он. — Ради этого... этого черного наваждения?! И ты еще смеешься?! Это ересь, Таутиева! Ересь и вредительство! Я тебя... я тебя...

— Арсен Сосланович, — перебила его Залина, задыхаясь от восторга и ужаса. — Вы слушали Урузмага? Про колесницу? Про холодную сталь? Про голос без языка? Это все... оно! Эпос! Он не выдумка! Это... инструкция! Код! Ключ! Нарты... они были... инженерами! Космическими! Палеоконтакт!

— Бред сивой кобылы! — взревел профессор. — Ты совсем рехнулась от высоты? От этого... этого угля?! Инопланетные осетины?! Да я тебя... я тебя... в психушку сдам! Звоню в твой ректорат! Немедленно!

Он тряс кулаками, захлебываясь от ярости. Залина отступила на шаг. И тут ее взгляд упал на Урузмага. Старик сидел на своем камне, неспешно чистил ножом палку. Казалось, его ничто не волновало. Но когда они встретились глазами, он едва заметно кивнул. Не в сторону профессора. В сторону гор. И очень тихо, почти шепотом, но так, чтобы Залина услышала сквозь профессорский рев, произнес:

— Точно. Шайтан-арба. Теперь... и дверь приоткрыта. Кто войдет? — Он ткнул ножом в сторону почерневшего ноутбука. — И кто выйдет? Место силы надо...

Профессор орал что-то про академическую репутацию и тотальное помешательство. Но Залина его уже не слышала. Она смотрела на черный обломок под стеклянным колпаком. Он лежал тихо. Холодный. Непостижимый. И теперь еще и говорящий. На языке символов, которые ее народ хранил тысячелетиями. Инструкция. Или предупреждение?

* * *

Ущелье. Не просто глухое, а глухое-преглухое. Казалось, даже эхо боялось тут задерживаться. Стены — отвесные, серые, мрачные, похожие на лица таможенников. Экспедиция перебазировалась сюда под покровом ночи и профессорское брюзжание, которое слилось с воем ветра в трубу глушителя дизель-генератора. Генератор тащили на руках, как раненого мамонта. Дзасохов при

каждом рывке орал что-то непечатное про «шайтанские прихоти» и «академический суицид».

— Вот ваше «место силы», Таутиева! — процедил профессор, вытирая пот с шеи платком, похожим на тряпку для мытья полов. — Сила тут одна — сила тяжести, которая нас всех прибьет к этим проклятым камням! И запах! Козлов! Тут только они ночуют!

Залина игнорировала ворчание. Она расставляла приборы на единственном относительно плоском камне, напоминавшем гигантский жертвенный алтарь. Ее «полевой комплекс» теперь соседствовал с колпаком, под которым лежал черный обломок, и здоровенным аккумулятором от УАЗа. Урузмаг сидел на корточках у скалы, точил нож о камень. Казалось, ему было все равно.

— Арсен Сосланович! — Залина ткнула пальцем в экран спектрометра. График дрожал, но не хаотично. Ровная, настойчивая синусоида. — Видите? Фоновый резонанс. Тот же частотный диапазон, что и у артефакта. Только... усиленный. Геология работает как волновод. Или антенна.

— Будь проклят тот день, когда я позвал тебя в экспедицию! — профессор закатил глаза. — Для чего? Для приема передач «Голос НЛО»?!

— Для передачи, — поправила Залина. Она достала тетрадь с эпосом, раскрыла на описании ритуала вызова «небесной колесницы». — Тут... действия. Хождение по кругу. Пение определенных напевов. Удары в щиты в определенном ритме. Что, если это не шаманство? Что, если это... технический протокол? Настройка антенны? Синхронизация?

— Ты предлагаешь нам плясать с бубном?! — завопил Дзасохов. — Перед этим черным... бутербродом?!

Его перебил внезапно раздавшийся гул. Не генератора. Гул самого ущелья. Низкий, вибрирующий, идущий из-под ног. По земле прокатилась волна дрожи и покатились дальше к аулу, к райцентру. Словно воздушная волна после взрыва, только в земле. Урузмаг перестал точить нож. Поднял голову.

— Правильное место, — хрипло сказал он. — Гул. В костях. Как тогда.

— Что тогда?! — взвизгнул профессор.

— Когда шайтан-арба улетала, — невозможно пояснил старик и снова принялся за нож.

Залина зажмурилась. Ритм. Синхронизация. Идея была безумной. Но безумие уже стало их нормой. Она схватила генераторный кабель, оголила концы. Предстояло собрать установку, которая могла бы «поговорить» с артефактом. В теории. На практике никто не знал, к чему это приведет.

На следующий день установка была собрана. Залина обратилась к профессору:

— Арсен Сосланович! Подключаем артефакт к усилителю! Подаем ток! Тут резонансная зона, он должен... сфокусировать сигнал!

— Ты уверена?! — Дзасохов в ужасе отшатнулся от установки. — А что, если оно взорвется? Ты же даже не знаешь, кому и чему собираешься отправлять сигнал!

Но ответа не дождался.

— Вот черт! — Залина всмотрелась в ущелье. — Кажется, у нас проблемы...

На краю ущелья как грибы после дождя выросли три фигуры в камуфляже. С автоматами. Лица каменные. Подошел еще один — офицерского вида, с лицом, на котором читалось: «Мне не платят за ваши глупости».

— Что тут происходит? — спросил он, не здороваясь. — Профессор Дзасохов? Мне тут из администрации звонили. Просили проверить. Вы тут что-то взорвали? Вчера земля ходуном ходила... — Он окинул взглядом генератор, приборы, колпак с черным куском и Урузмага с ножом. Бровь поползла вверх.

— Мы... мы проводим... геофизические изыскания! — выпалил Дзасохов, бледнея. — Совершенно безопасные! Все под контролем! Ищем, где курганы и могильники...

— Понятно, — недоверчиво хмыкнул офицер. А потом заметил кружку на камне, оставленную одним из техников. Вода в ней мелко дрожала. — Это еще что за... Докладывать буду. Признавайтесь, что вы тут устроили?

— Это все генератор! — закричала Залина, осознав, что профессор вот-вот свалится в обморок. — Мы... настраиваем антенну! Для связи!

— Связи? — Офицер нахмурился. — С кем? Со спутником? Частоты согласованы? Лицензия? А то помехи...

— Не со спутником! — перебила Залина. Ей было уже все равно. — С... колесницей Сафа! И если вы нам не дадите сейчас подать ток на этот артефакт, связь не состоится! И колесница... она может прилететь сама! Без приглашения! И всем будет... нехорошо!

Военные переглянулись. Офицер медленно достал рацию.

— Беркут, Беркут, я Гранит. На месте. Ситуация... нетипичная. Тут ученые... с нартами. Или с наркотиками. Одним словом, чокнутые. Запрос на подачу энергии на неизученный объект, очень похожий на камень. Для... э-м-м... связи с колесницей... хм... Сафа... Опасность не оценена. Ваши указания? — Пауза. Он слушал, лицо

озарилось усмешкой, на другой стороне связи кто-то смеялся в полный голос.

— Подача энергии на камень? Ну пусть свяжутся со своей колесницей! — ответил старший в рации. — А потом всех сюда. Вместе с камнем... Ха-ха...

— Понял. Валяйте, — ответил военный, сдерживая улыбку, и кивнул Залине. — Жги, ученая. Связь с колесницей... Давай, подавай свой сигнал...

Профессор простонал и прислонился к скале, закрыв лицо руками. Урузмаг убрал нож в ножны. Встал. Смотрел на Залину. Кивнул. Один раз. Делай.

Руки дрожали. Она соединила оголенные концы кабеля с щупами, торчащими из-под колпака. Потом — к клеммам здорового аккумулятора. Генератор взвыл, подавая ток на зарядку.

Залина замкнула контакты.

Сначала — ничего. Потом черный обломок под колпаком засветился. Не ярко. Внутренним холодным, лиловым светом. Как экран мертвого телевизора. Гул ущелья усилился. Камни под ногами затряслись. Кружка техника упала с камня и разбилась.

— Е-мое! — воскликнул военный и присел на корточки, доставая автомат.

Затем из артефакта выстрелил луч света — вверх, в небо.

— Пошел сигнал! — закричала Залина. — Работает!

И в этот момент артефакт заревел. Не звуком. Чистой, сокрушающей вибрацией. Воздух затрещал. Приборы на столе взорвались фейерверком искр. Генератор захлебнулся и заглох. Аккумулятор задымился. Военные дружно прыгнули за валун, толкая друг друга.

Из черного обломка, теперь светившегося как маленькое лиловое солнце, рванул невидимый импульс. Его не видели, но ощутили все. Удар по барабанным перепонкам и внутренностям одновременно. Волна пошла сквозь скалы ущелья, сквозь кости, сквозь все на своем пути.

Затем свет в артефакте погас. Мгновенно. Лиловое солнце стало черной дырой. Гул ущелья стих. Наступила оглушительная тишина. Только дымок тлел от аккумулятора и приборов.

Залина подбежала к колпаку. Черный обломок лежал, но теперь он был... тусклым. Не просто черным — выгоревшим. По его поверхности пошли трещины. Он рассыпался на глазах, превращаясь в мелкий, безжизненный пепел.

Офицер вылез из-за валуна, отряхиваясь от пыли. Лицо его было бледным.

— Что это было, мать вашу? Испытания оружия?

— Нет, просто сигнал ушел, — прошептала Залина, глядя на пепел. — Неожиданно мощный.

Профессор Дзасохов медленно сполз по скале на землю. Он не плакал. Он просто сидел, уставившись в пустоту. Его губы шевелились, но звуков не было. Похоже, он повторял: «Пенсия... Архангельск... Керамика...»

Урузмаг подошел, посмотрел на пепел. Потом на Залину. Потом на небо, в ту сторону, куда ушел импульс.

— Громыкнуло, — констатировал он, а затем повернулся и медленно пошел прочь. Как будто его здесь больше ничего не интересовало.

* * *

Дзасохов сидел на ящике из-под приборов, обхватив голову руками, и монотонно бубнил про бездарно законченную карьеру. Про работу охранником вместо кафедры института. Про жизнь на одну лишь пенсию. Про потраченное задаром время... Казалось, его личность испарилась вместе с дымом от аккумулятора.

Военные, впрочем, оживились. Офицер, представившийся наконец капитаном Томаевым, расхаживал по лагерю, отдавая бессмысленные приказы: «Собрать все угольки! Засекретить пепел! Не пускать козлов ближе ста метров!» Его бойцы ставили палатки и поглядывали на небо с выражением людей, ожидающих то ли пришельцев, то ли выговора от начальства.

— Ну что, колдунья? — Томаев остановился перед Залиной, которая пялилась в экран ноутбука, подключенного к спутниковой тарелке размером с колесо от «Урала». — Ваша шайтан-арба откликнулась? Или мы тут зря щели роем и козлов распугиваем?

— Сигнал ушел, — отрезала Залина, не отрываясь от экрана. — Мощный импульс. Точечный. Они должны были его засечь. Если там кто-то есть... и если это не сказки...

— Сказки, эпосы... — капитан фыркнул. — Сворачивайте оборудование, завтра все вместе едем в штаб. Там нам расскажете про свои сказки...

И тут завывала сирена. Не в ущелье — на экране ноутбука Залины. Система оповещения ESO — Европейской Южной Обсерватории. Красные буквы: ANOMALY DETECTED. ASTEROID BELT. SECTOR L4.

Залина впиалась в экран. Данные сыпались как из рога изобилия. Сначала — ничего. Пустота. Потом — искажение. Как тепловая дымка на асфальте в жару. Но в космосе. Искажение росло. Меняло геометрию. И вдруг... проявилось. Материализовалось прямо из космоса в небе над горами, частично укрытое облаками.

— Офигеть... — прошептал один из солдат, стоявший рядом, и выронил из рук штыковую лопату.

В небе, где раньше были просто облака, теперь висел... объект. Огромный. Не летающая тарелка. Скорее, скрученная ракушка из темного, почти невидимого металла, с выступами, похожими на окаменевшие молнии. Или на гигантские стилизованные рога из нартского эпоса. Он был чужой. Древний. И абсолютно реальный.

— Размер? — хрипло спросил Томаев.

— Примерно... два километра в длину, — выдавила Залина, глотая ком в горле. — Маскировался. Поглощал все излучение. Или... искривлял пространство вокруг себя. Теперь... активен.

Корабль — а это определенно должен был быть корабль! — неспешно развернулся. Совершенно не по законам небесной механики. Без разгона. Без струй выхлопа. Как будто его вырезали из одной точки Вселенной и вставили в другую. Потом он дернулся и оказался в другой стороне долины. Бесшумно и мгновенно. Солдаты ахнули.

— Он совершает маневры! — заорал Томаев в рацию. — Целитесь! Готовьте ПВО! На всякий случай! Связь со штабом!

— Какие ПВО против этого?! — закричала Залина. — Это же... он просто показывает возможности! Как... как демонстрация силы!

— Ага, а потом демонстративно сядет на Красной площади! — парировал капитан. — Беркут, Беркут! Объект активирован! Маневрирует! Опасность не оценена! Запрос на... на что запрашивать?! Поднимайте в воздух истребители!

В этот момент взвыл ноутбук. Экран погас. Потом вспыхнул ослепительным белым. И... заговорил. Но не словами.

На экране поплыли сложные, переплетающиеся линии. Топологические схемы невообразимой сложности. Мелькали фрагменты уравнений — то Максвелла, то Эйнштейна, то чего-то совершенно незнакомого. И между ними, как вкрапления в матрицу, возникали... символы. Тот же спиральный орнамент. Солнце с лучами-зигзагами. Стилизованный конь. Фразы на осетинском, знакомые по эпосу: «Уацамонгæ!», «Стыр Хуыцау!»

— Что за хрень?! — Томаев отпрянул от ноутбука, как от гадюки. — Вирус?! Троян космический?!

— Это... он! — прошептала Залина, очарованная и ужаснувшаяся. — Система корабля! Она... она пытается говорить! На своем языке... и на нашем! На языке эпоса!

Профессор Дзасохов поднял голову. Увидел мельтешение на экране. Услышал знакомые слова из детства. Его глаза округлились.

— Нет... — простонал он. — Это... это кощунство! Они... они оскверняют священные тексты! Технологиями! Уравнениями! Нет! — Он закрыл уши руками.

Экран ноутбука стабилизировался. Топологическая схема упростилась, превратившись во что-то, похожее на древовидную структуру. В центре — символ Земли. От него — ветви к символу корабля. И везде — мигающий вопросительный знак, составленный из тех же линий. Потом возникла одна четкая, ясная схема — стрелка вправо, затем знак вопроса и стрелка влево. Получалось, что обе стрелки указывают на знак вопроса. Корабль что-то спрашивал...

— Чего он хочет?! — заорал Томаев. — Пароль? Кодовое слово? Говори, колдунья!

— Он просит подтвердить что-то... — Залина лихорадочно сообщала. — Статус? Планеты? Цивилизации? Наследников... Это мы? Или он требует... отчет? Доказательства, что мы достойны? Или... — Она вспомнила эпос. Испытания. Героев ставили перед выбором. — Или он требует действия? Знака?

— Знака?! — капитан в бешенстве огляделся. — Какого?! Помехать белым флагом?! Спеть?! Или... — Он схватил автомат. — Дать очередь в воздух?! На всякий случай?!

— Нет! — закричала Залина, но было поздно.

Один из перепуганных солдат, увидев жест капитана, дал короткую очередь из автомата в небо. Тра-та-та!

Эффект был мгновенным. На экране ноутбука топологическая схема взорвалась каскадом красных угловатых символов! Корабль сорвался с места. Не просто дернулся. Он исчез из виду в одной точке и материализовался в другой, еще гораздо ближе к Земле! Его энергетическая сигнатура (теперь уже ясно читаемая) резко взлетела до запретных величин. На экране это выглядело как багровый всплеск.

— Твою мать! — завопил Томаев. — Что он делает?! Заряжает лазер?! Бомбу?! Чего?!

На экране ноутбука проявилась новая схема. Корабль. Мощный луч, направленный на Землю. И сложная диаграмма, похожая на... сканирование? Или настройку оружия? И подпись — два символа эпоса, которые Залина узнала: Длань Очищения и Обновление.

— «Очищение»... — прошептала Залина, леденя. — «Обновление»... О нет... Он понял выстрел как атаку! Он готовит ответ! Катастрофический!

Профессор Дзасохов поднялся с ящика. Его лицо было странно спокойным. Он подошел к ноутбуку, глядя на багровеющую схему уничтожения. Потом медленно, как в трансе, поднял руку и указал на корабль, затем перевел руку в небо и махнул: уходите, назад.

— Вот вам... статус, — хрипло сказал он. — От «наследников». Идите... идите в... Архангельск.

И, пошатываясь, пошел к своей палатке, как будто сдал самый важный экзамен в жизни.

Экран ноутбука мигнул. Багровая схема оружия зависла. Потом начала медленно гаснуть. Корабль на орбите не стрелял. Его сигнатура оставалась высокой, угрожающей, но не нарастала. Казалось, система... задумалась. Ждала...

— Что... что теперь? — спросил Томаев, опуская рацию. Он выглядел потерянным. — Передумал? Или просто целится тщательно-нее?

Урузмаг, молча наблюдавший всю эту феерию с края лагеря, подошел. Посмотрел на затихший, но все еще светящийся тревожными символами экран. Потом на Залину.

— Гость сердится, — констатировал он просто. — Сначала позвали, потом прогоняют. Особенно такого. — Он ткнул пальцем в небо, туда, где висел корабль. — Теперь... надо выбирать. Или прогонять. Или принимать. Третьего... не дано. И время вышло. — Он повернулся и пошел варить кофе на походной горелке. Как будто сейчас не решалась судьба мира, а происходили раскопки керамики.

* * *

Лагерь замер. Даже генератор притих, словно чувствуя ледяную тяжесть, зависшую в небесах. На экране ноутбука Залины пылала тревожная диаграмма корабля. Энергетическая сигнатура — предельная, багровая. Схема «Длань Очищения» не исчезла, а лишь притулилась в уголке, как заряженное ружье над камином. А в центре экрана мигал все тот же лаконичный запрос: стрелка вправо, вопрос, стрелка влево. «Статус? Наследники?» Без вариантов ответа. Только вопросительный знак, похожий на петлю виселицы.

Капитан Томаев метался, словно тигр в клетке. Рация в его руке трещала, как счетчик Гейгера.

— Беркут, Беркут! Объект в позиции! Боевая готовность! Энергетика — черт знает что! Запрос на превентивный... — он глотнул воздуха, — на превентивный диалог? Чем? Может, жаждем ракетой?! Класа «земля-воздух»! Без боеголовки, но... свет-звук-дым! Может, испугается?

— Капитан! — взвизгнула Залина. — Вы хотите его окончательно разозлить?! Он и так на взводе после вашего стрелка!

— А что предлагаешь, колдунья?! — Томаев ткнул пальцем в ноутбук. — Показать кукиш, как твой профессор?! Отличный дипломатический прием!

— Система требует статус, — сказал Дзасохов тихо и внятно. — Статус цивилизации. Готовой к самоуничтожению по первому чиху. Нужно провести им демонстрацию силы...

— Арсен Сосланович, нет! — Залина бросилась к нему, но Томаев перехватил ее.

— Стой! Пусть сидит! Он уже показал, что хотел...

Залина вырвалась. Ее мозг лихорадочно работал. Статус. Наследники. Действие, а не отчет. Она вспоминала эпос. Испытания нартов. Не силу мерили. Мудрость. Выбор. Выбор между местью и милосердием. Между гордыней и смирением. Между захватом и... отпусканьем.

— Урузмаг! — обернулась она к старику. Тот помешивал кофе в походном ковшике на горелке. — Испытания! В эпосе! Как герой проходил? Когда выбор был... между силой и... чем-то другим?

Урузмаг не поднял головы. Понюхал кофе. Буркнул:

— Сильный не бьет слабого. Мудрый не хватает лишнего. Настоящий герой... умеет не взять. Даже если очень хочется. Или очень страшно. — Он налил кофе в жестяную кружку. — Вот и все испытание. Горсть земли в руке. Взял — твоя. Сжал — рассыплется. Выпустил... может, вернется. А может, и нет. Риск. — Он отхлебнул кофе. Поморщился. — Сахар забыл... Истина без сладости — пресная.

Залина замерла. Не взять. Умеет не взять. Космический корабль. Технологии богов. Сила. Не взять. Отпустить. Рискнуть остаться слабым. Но... свободным.

На экране ноутбука багровая энергетическая кривая корабля дернулась. Подползла еще выше. Схема «Длань Очищения» выплыла на центральное место. Замигала. Ритмично. Как счетчик.

— Гранит — всем! — заорал Томаев в рацию. — Объект готов к залпу! Повторяю... — Он посмотрел на солдата рядом. — Готов к залпу! Ваши указания?! Беркут! Отвечайте!

Ответа не было. Только треск помех.

Залина действовала. Подбежала к ноутбуку. На экране — мигающая «Длань Очищения» и немигающий вопросительный знак со стрелками.

— Система! — крикнула она, не зная, слышат ли ее где-то в недрах корабля. — Слушай! Наследники! Статус! Вот он!

Она открыла стандартный графический редактор в ноутбуке. Экран замигал, но не погас. Корабль уступил место Залине, словно понял, что она нашла способ поговорить с ним. И... она начала рисовать. Не схемы системы. Залина водила мышью, нервно и напряженно. Она рисовала свой ответ. Простой. Ясный. Взяв за основу вопросительный знак, она его перечеркнула. Два жирных решительных штриха. Крест-накрест. Получился Х. А рядом — символ из эпоса. Честь. Достоинство. Правильный путь. И стрелка. Не к Земле. Не к кораблю. В сторону. В пустоту космоса.

— Видишь?! — кричала она, пока экран не покрылся артефактами. — Статус: не готовы! Наследники: выбирают свой путь! Технологии: не берем! Риск: принимаем! Уходи! Наблюдай! Жди! Но... не сейчас! Понял?! Честь требует... отпустить!

Экран ноутбука погас окончательно. Дымок потянулся из клавиатуры.

Наступила тишина. Томаев замер с открытым ртом. Профессор выжидающе вытянул шею. Урузмаг отхлебнул кофе и закурил.

На главном экране спутникового мониторинга багровая кривая энергетики корабля... поползла вниз. Быстро. Уверенно. Схема «Длань Очищения» растворилась. Сам корабль... сдвинулся. Не рывком. Плавно. Сначала завис над горами, затем рванул выше в небо и уже там несколько раз развернулся, словно попрощался, а затем и вовсе исчез.

— У... ушел? — прошептал Томаев, опуская рацию. — Сам? Без боя? Без... ядерного аргумента? — Он посмотрел на Залину, на сгоревший ноутбук. — Что ты ему сказала, колдунья? Каким словом?..

— Словом «нет», — тихо ответила Залина. Она чувствовала невероятную усталость. И... странную пустоту. — И символом «Честь». Он... понял.

Профессор Дзасохов медленно подошел к Залине. Посмотрел на пепел артефакта, на пепел приборов, на небо. Потом посмотрел на нее.

— «Нет», — повторил он. — Красиво. Лаконично. Научно неопровержимо. — Он глубоко вздохнул. — Пора на пенсию... Охранником... В родной институт... — Он махнул рукой и пошел к палатке. — Хотя... после такого... может, в вулканологию? На Камчатке? Там хоть гранты щедрые... и керамику не надо мыть...

Томаев приказал солдатам сворачивать лагерь. Сам полез в палатку докладывать начальству, что объект нейтрализован методом культурно-этического воздействия.

Залина осталась одна. Смотрела на звезды. Там, где-то в космосе, теперь висел их сторож. Молчаливый. Вечный. Знающий.

Рядом зашуршали шаги. Урузмаг. Он протянул ей жестяную кружку с дымящимся кофе.

— Пей, пока горячий. Холодный кофе хуже холодного космоса.

Она взяла кружку. Глотнула. Крепко.

— Ушел, — сказала она.

— Ушел, — согласился Урузмаг. — Но дверь... не закрыл. Наблюдает. — Он тоже посмотрел на звезды. — Наследники... — произнес он с легкой усмешкой. — Тяжелая доля. Теперь живи с этим. Смотри в небо. И жди. Или не жди. Выбор... опять твой.

Он повернулся и пошел к своему камню, оставляя ее с кружкой кофе и целой Вселенной вопросов.

К 100-летию со дня рождения Аркадия Стругацкого

Аркадий и Борис СТРУГАЦКИЕ

ЧАСТНЫЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

РАССКАЗ

В оформлении использован рисунок И. Ушакова

1. ПОЭТ АЛЕКСАНДР КУДРЯШОВ

Валя Петров пришел ко мне сообщить об этом. Он стянул с головы берет, пригладил волосы и сказал:

— Ну вот, Саня, все решено.

Он сел в низкое кресло у стола и вытянул свои длинные ноги. Он улыбался совершенно так, как всегда. Я спросил:

— Когда?

— Через декаду. — Он сложил берет пополам и разгладил на колене. — Все-таки назначили меня, — сказал он. — Я было совсем потерял надежду.

— Нет, почему же, — сказал я. — Ведь ты опытный межпланетник.

Я достал из холодильника вино. Мы чокнулись и выпили.

— Мы стартуем с Цифэя, — сказал он.

— Где это?

— Это внеземная станция. Спутник Луны.

— Вот как, — сказал я. — Я думал, Цифэй — это созвездие.

— Созвездие — это Цефей. А Цифэй по-китайски значит старт. Собственно, это стартовая площадка для фотонных кораблей.

Он поставил рюмку на стол, надел берет и встал.

— Ладно, — сказал он. — Я пойду.

— А Ружена? — спросил я. — Ружена знает?

— Нет, — сказал он и снова сел. — Она еще не знает. Я еще не говорил ей.

Мы помолчали.

— Это надолго? — спросил я. Я знал, что это — навсегда.

Текст печатается по изданию: Стругацкий А., Стругацкий Б. Частные предположения: научно-фантастический рассказ // Знание — сила. 1959. № 8.

— Нет, не очень, — сказал он. — Собственно, мы рассчитываем вернуться через сто пятьдесят лет. Или через двести. Ваших, земных, конечно. Очень большие скорости. Почти круглое «це».

— Ага, — сказал я.

— Ладно, — сказал он. — Мне надо идти.

Но он не поднимался.

— Выпьем еще вина, — предложил я.

— Давай.

Мы выпили еще по рюмке.

— Что ж, — сказал он. — Перед нами был Горбовский, а перед Горбовским — Быков. Я третий. Готовятся еще две экспедиции. Десять лет рейса, от силы пятнадцать.

— Да, конечно, — сказал я. — Эйнштейновское сокращение времени и все такое.

Он встал.

— Ты будешь провожать меня, Саня? — спросил он.

Я кивнул. Он поправил берет и пошел к двери. У дверей он остановился.

— Спасибо, — сказал он.

Я не ответил. Просто не мог сказать ни слова.

С Петровым на «Муромце» уходили еще пять человек. Троих я знал — Ларри Ларсена, Сергея Завьялова и Сабуро Микими. Провожавших было человек десять. Когда до старта осталось около часа, все расселись в кают-компании. На Цифэе не было тяжести, и нас обули в ботинки с магнитными подковами. Ружена и Валя держались за руки. Ружена сильно изменилась за это время. Она похудела, глаза ее стали еще больше. Она была очень красива. Валя держал ее руку в своей и улыбался. Мне показалось, что мысленно он уже с невероятной скоростью несется среди отдаленных звезд. Он и Ружена молчали. Только один раз она что-то сказала вполголоса, и он погладил ее по руке.

Остальные тоже молчали. Молоденькая девушка в оранжевом, провожавшая межпланетника, которого я не знал, время от времени всхлипывала. Мне не раз приходилось провожать людей в пространство. Другим, наверное, тоже. Но сейчас все было по-иному. С этими шестерыми мы прощались навсегда. Я подумал, что они вернутся, когда никого из нас не останется в живых — ни меня, ни Ружены, ни девушки в оранжевом. Этих шестерых встретят наши потомки. Может быть, даже их собственные потомки.

— Ты не огорчайся, — сказал Валя громко.

— Я не огорчаюсь, — ответила Ружена.

— Это ведь очень нужно.

— Я понимаю.

— Нет, — сказал Петров. — Ты не понимаешь, Руженка. Ты со всем ничего не понимаешь. Вот и Александр не понимает. Сидит Александр и думает: «Ну зачем им это нужно?» Верно, Саня?

Он смеялся. Нет, он не угадал, о чем я думаю. Я знал Валентина с детства и очень любил его. Но мы были разными людьми. Он всегда был немножко фанфарон и позер. Ему все удавалось, и он привык к этому. Он с улыбочкой шел над пропастями. Наверное, он нравился себе такой — веселый, небрежный и неуязвимый. Я подумал, что и через полтора-два года он сойдет на Землю, весело улыбаясь, постукивая себя по изношенному ботинку тросточкой, вырезанной бог знает на какой планете.

В кают-компанию вполз беловолосый загорелый юноша и сказал:

— Пора, товарищи.

Мы встали. Девушка в оранжевом громко всхлипнула. Я поглядел на Ружену и Петрова. Они обнялись, и он зарылся носом в ее волосы.

— Прощай, ласонька, — сказал он.

Ружена молчала.

— Не огорчайся, — сказал он.

Она отстранилась от него и попыталась поправить прическу. Волосы не ложились.

— Иди, — сказала она. — Иди. Я не могу больше. Пожалуйста, иди.

У нее был низкий, непривычно ровный голос.

— Прощай.

Он поцеловал ее и попятился к выходу. Он пятился, клаясь подковами по полу, и глядел на нее не отрываясь. Лицо у него было белым, и губы тоже были белыми. У люка его заслонил широкий Ларри Ларсен, затем незнакомый межпланетник, которого провожала девушка в оранжевом, затем Сережа Завьялов.

— До свидания, Руженка, — сказал Петров.

Я только позже вспомнил, что он сказал «до свидания», и подумал, что он оговорился. Когда они вышли и люк за ними захлопнулся, беловолосый юноша нажал какие-то кнопки на стене. Оказалось, что сферический потолок кают-компания служил чем-то вроде стереотелеэкрана. Мы увидели «Муромца». «Муромец» был первоклассным кораблем с прямоточным фотонным приводом на аннигиляции. Он захватывал и сжигал в реакторе космические газ и пыль, и еще что-то, что бывает в пространстве, и имел неограниченный запас хода. Скорость у него тоже была неограниченной — в пределах светового барьера, конечно. Он был огромных размеров, что-то около полукилометра в длину. Но

нам он представлялся серебряной игрушкой, фужером для шампанского, повисшим в центре экрана на фоне частых звезд.

Мы глядели на него как замороженные. Вдруг экран осветился. Свет был очень яркий, как молния, белый с лиловым. Этот свет ослепил меня. А когда разноцветные пятна уплыли из глаз, на экране остались только звезды.

— Стартовали, — сказал беловолосый юноша. По-моему, он завидовал.

— Улетел, — сказала Ружена.

Она подошла ко мне, неуклюже переставляя ноги в подкованных ботинках, и положила руку на мой рукав. У нее дрожали пальцы.

— Мне очень тоскливо, Саня, — сказала она. — Я боюсь.

— Если позволишь, я буду возле тебя, — сказал я.

Но она не позволила. Мы вернулись в Новосибирск и расстались. Я сел за поэму. Мне хотелось написать большую поэму о людях, которые уходят к звездам, и о женщине, которая осталась на прекрасной зеленой Земле. Как она стоит перед уходящим другом и говорит низким ровным голосом: «Иди. Я не могу больше. Пожалуйста, иди». А он улыбается белыми губами.

Через полгода рано утром Ружена позвонила мне. Она была такой же бледной и большеглазой, как тогда на Цифэе. Но я подумал, что в этом виноват сиреневый оттенок, какой иногда бывает у видеоэкранов.

— Саня, — сказала Ружена. — Я жду тебя на аэродроме. Приезжай немедленно.

Я ничего не понял и спросил, что произошло. Но она повторила: «Жду тебя на аэродроме» и повесила трубку. Я сел в машину и помчался на аэродром. Утро было ясное и прохладное. Это немного успокоило меня. На аэродроме меня проводили к большому пассажирскому конвертоплану, готовому к отлету. Конвертоплан взлетел, едва я вскарабкался в кабину. Я больно ушиб грудь о какую-то раму. Затем я увидел Ружену и сел рядом с ней. Она действительно была бледна. Она смотрела перед собой и покусывала нижнюю губу.

— Куда мы летим? — осведомился я.

— На Северный ракетодром, — ответила она. Она долго молчала и вдруг сказала: — Валя возвращается.

— Да что ты? — сказал я.

Что я мог еще сказать? Мы летели два часа, и за это время не сказали ни слова. Зато другие пассажиры разговорились. Они были возбуждены и настроены недоверчиво. Из разговоров я уз-

нал, что вчера вечером была получена радиограмма от Петрова. Начальник Третьей звездной сообщил, что на «Муромце» вышли из строя какие-то устройства и он вынужден идти на посадку на земной ракетодром, минуя внешние станции.

— Петров просто испугался, — сказал пожилой толстый человек, сидевший позади нас. — Это неудивительно. Это бывает в пространстве.

Я поглядел на Ружену и увидел, как у нее дрогнул подбородок. Но она не обернулась. Оборачиваться не стоило. Петров не умел пугаться.

Мы опоздали. «Муромец» уже сел, и мы сделали над ним два круга. Я хорошо разглядел корабль. Это уже не была игрушка, похожая на фужер для шампанского. Посреди тундры под синим небом стояло, накренившись, громадное сооружение, изъеденное непонятными силами, покрытое странными потеками. Конвертоплан приземлился километрах в десяти от «Муромца». Ближе было нельзя. Прибыло еще несколько конвертопланов. Мы ждали. Наконец послышалось стрекотание, и низко над нашими головами прошел вертолет. Вертолет сел в сотне шагов от нас.

Затем произошло чудо.

Из вертолета вышли трое и медленно направились к нам. Впереди шел высокий худой человек в поношенном комбинезоне. Он шел и похлопывал себя по ноге тростью изумрудного цвета. За ним следовал приземистый мужчина с пушистой рыжей бородой и еще один мужчина, сухой и сутулый. Мы молчали. Мы еще не верили. Они подошли ближе, и тогда Ружена закричала:

— Валя!

Человек в поношенном комбинезоне остановился, отбросил трость и почти бегом кинулся к нам. У него было странное лицо: без губ. Не то лицо было таким темным, что губы не выделялись на нем, не то губы были слишком бледными. Но я сразу узнал Петрова. Впрочем, кто, кроме Петрова, мог прилететь на «Муромце»? Но этот Петров был стар, и у него не было левой руки — пустой рукав был заправлен за пояс комбинезона. И все же это был Петров. Ружена побежала к нему навстречу. Они обнялись. Человек с рыжей бородой и сутулый человек тоже остановились. Это были Ларри Ларсен и незнакомый пилот, которого полгода назад провозжала девушка в оранжевом.

Мы молча окружили их. Мы смотрели во все глаза. Петров сказал через голову Ружены:

— Здравствуйте, товарищи. Простите, многих из вас я, вероятно, позабыл. Ведь мы виделись в последний раз семнадцать лет назад...

Никто не сказал ни слова.

— Кто начальник ракетодрома? — спросил Петров.

— Я, — сказал начальник Северного ракетодрома.

— Я потерял свои авторазгрузчики, — сказал Петров. — Будьте добры, разгрузите корабль. Мы привезли много интересного.

Начальник Северного ракетодрома смотрел на него с ужасом и восхищением.

— Только не трогайте шестой отсек, хорошо? В шестом отсеке две мумии. Сергей Завьялов и Сабуро Микими. Мы привезли их, чтобы похоронить на Земле. Мы везли их пять лет. Так, Ларри?

— Так, — сказал Ларри Ларсен. — Сергея Завьялова мы везли пять лет. Микими мы везли три года. А Порта остался там. — Он улынулся, борода его затряслась, и он заплакал.

Петров нагнулся к Ружене.

— Пойдем, Руженка. Пойдем. Ты видишь, я вернулся.

Она смотрела на него так, как никогда ни одна женщина не смотрела и не посмотрит на меня.

— Да, — сказала она. — Ты вернулся.

Она зажмурилась и помотала головой. Они пошли, обнявшись, через толпу, и мы расступились перед ними. Она прощалась с ним навсегда, а встретила его через полгода. Он уходил на двести лет, а вернулся через семнадцать. Ему удалось это. Ему всегда все удавалось. Но как?

Я не знаю, как это объяснить, и можно ли это объяснить. Я ведь только поэт. Я не физик.

2. АРТИСТКА РУЖЕНА КУНЕРТОВА

В тот день Валя вернулся поздно. Он долго мешкал в своем кабинете, что-то фальшиво насвистывал, преувеличенно-сердито кричал на мартышку. Я поняла, что все кончено. Я села и не могла подняться. Валя вошел и остановился возле меня. Я чувствовала, как ему трудно заговорить. Потом он нагнулся и поцеловал меня в волосы. Так он делал всегда, когда возвращался домой, и на секунду у меня появилась сумасшедшая надежда. Но он сказал тихо:

— Я улетаю, Руженка.

— Когда? — спросила я.

— Через декаду.

Я встала и принялась собирать его в дорогу. Он любил, чтобы я собирала его в дорогу. Обычно он ходил вокруг меня, пел, мешал и дурачился. Но сейчас, когда я собирала его в последний раз, он стоял в стороне и молчал. Может быть, он тоже вспоминал вечер на взморье.

Десять лет назад мы давали шефский концерт в санатории межпланетников в Териоках. Было страшно выступать перед самыми смелыми в мире людьми. Страшнее, чем перед обычными слушателями, пусть каждый третий из них артист, каждый пятый — ученый, а каждый десятый — и артист, и ученый. Объявили меня, я спела арию Сольвейг и Звездный гимн. Кажется, получилось удачно, потому что меня несколько раз вызывали.

На обеде после концерта возле меня сел молодой межпланетник. Некоторое время он молчал, потом сказал:

— Мне понравилось, как вы поете.

— Спасибо, — сказала я. — Я очень старалась.

Но я знала, что ему понравилось не только мое пение. Он тоже понравился мне. Он был длинный, не очень складный, с худым загорелым лицом. Лицо у него было некрасивое и очень милое. И хороши были умные веселые глаза. Хотя, вероятно, я заметила это гораздо позже. Ему было лет двадцать пять. Я спросила, как его зовут.

— Петров, — сказал он. — Собственно, Валентин Григорьевич Петров.

Тут он почесал согнутым пальцем кончик носа и добавил:

— Но вы зовите меня просто Валя. Хорошо?

Он поглядел на меня испуганно и даже втянул голову в плечи. Я засмеялась. Он был необыкновенно милый.

— Хорошо, — сказала я. — Я буду звать вас просто Валя.

Потом мы танцевали, потом стемнело, и мы пошли гулять на взморье. Мы стояли лицом к желто-красному закату. Валя рассказывал мне о последней — неудачной — экспедиции к Ганимеду. Я слушала, и мне представлялось, что кроме меня он никому в целом свете не рассказал бы так о своей ошибке, которая привела экспедицию к неудаче. Я слушала, глядела на закат, и больше всего мне хотелось сказать Вале что-нибудь доброе и ласковое. Но я еще не смела. Валя остановился и сказал:

— Ружена, я тебя люблю.

Я не знала, что ответить, и он спросил:

— Ты на меня сердишься?

Мы поцеловались. Я осталась в Териоках, и это была самая счастливая неделя в моей жизни. Так я стала женой межпланетника.

Мало-помалу я все лучше узнавала Валю. Он всегда был веселый, внимательный, ласковый. («Ласковый! — возмутился однажды Сережа Завьялов. — Все мы ласковые под голубым небом. Ты бы поглядела на своего Валечку, когда “Навои” попал в метеорный поток...») И он был совершенно особенный человек. Похожих на него я не встречала даже среди его друзей. Конечно, он не один такой, но я-то таких больше не встречала.

Он очень любил свою профессию и знал в ней все новое из теории и техники. Но довольно скоро я обнаружила, что главные его интересы лежат в какой-то другой области. В промежутках между рейсами (и, наверное, во время рейсов) он штудировал новейшие исследования по теории тяготения, по асимметричной механике, по специальным разделам математики. У нас собирались его друзья и ночи напролет спорили на ужасном русско-французско-китайско-английском жаргоне. У них были какие-то грандиозные планы, но я и не пыталась понять что-либо.

Как-то весенним вечером, четыре года назад, Валя спросил, как бы я отнеслась к его участию в звездной экспедиции. Я знала, что такое звездные экспедиции, о них много говорили и писали в последнее время. Корабль улетает с возлесветовой скоростью к дальним мирам и возвращается через сотни лет. Я сказала:

— Я умру.

Я знала, что умру, если он навсегда уйдет от меня. И еще я сказала:

— Ты не сделаешь этого. Пожалуйста, не делай этого.

Он испуганно посмотрел на меня и втянул голову в плечи. Затем он сказал с улыбкой:

— Собственно, это еще не так скоро.

Но я знала, что он уже решил. Тень этого разговора легла на мою жизнь. Через два года стартовала Первая звездная. Ее вел ближайший друг Вали, Антон Быков. Еще через год улетел Горбовский. Валя сказал мне:

— Следующим буду я, Руженка.

Он знал, что причиняет мне боль. Но он хотел подготовить меня. А мне хотелось кричать от боли. Мне захотелось, чтобы он ослеп или сломал позвоночник, только бы остался со мной. Но я знала, что все бесполезно. Он был разведчиком великой и проклятой Вселенной и не мог быть никем другим. Поэтому я ничего не сказала.

Нас часто навещал Саня Кудряшов. Валя и Саня знали друг друга с детства. Саня был поэт. Мне казалось, что он был единственным человеком, который понимал и жалел меня. Нет, конечно, Валя тоже понимал и жалел.

И вот осталась последняя декада. Она прошла быстро — самые горькие десять дней в моей жизни. Нас доставили на стартовую станцию Цифэй, с которой совсем недавно ушли корабли Быкова и Горбовского. С нами был Саня. Я знала, что это Валя пригласил его, и знала, для чего. Валя все понимал. Я глядела на Валю, а куда глядел он и что он видел, я не знаю. Но его пальцы сжимали и мяли мою руку, словно старались запомнить ее.

Было объявлено время старта. Валя обнял меня. Я думала, что сойду с ума. Я оттолкнула его, и он попятился, глядя мне в глаза, пока не исчез в люке. Между нами легли столетия.

Я осталась одна. Я сказала Сане, что хочу быть одна. Рядом со мной кипела огромная прекрасная жизнь, люди учились, любили, строили, а я не могла быть с ними. Я перестала петь, никуда не выходила, ни с кем не разговаривала. Я завидовала. Или, может быть, я надеялась. Вероятно, где-то в глубине моей души упорно жила уверенность, что Валя может совершить невозможное.

А потом мне сообщили, что «Муромец» возвращается. Я не удивилась. Оказывается, я все время ждала этого. Не помню, как я позвонила Сане, как я попала на аэродром. Кто-то осторожно, но очень решительно втолкнул меня в кабину конвертоплана и опустил в кресло. Я поблагодарила. Появился Саня, и конвертоплан взлетел. Пассажиры — межпланетники, ученые, инженеры — гадали о причинах возвращения «Муромца». Один отвратительный человек даже сказал, что Петров струсил. Мне было смешно: никто из них не догадывался, что Валя возвращается ко мне.

Мы бесконечно долго стояли и глядели на черный силуэт «Муромца» на горизонте. Потом с синего неба упал вертолет. Из вертолета вышли трое и направились к нам. Впереди шел высокий худой человек в потрепанном комбинезоне. Он был однорукий, лицо его было похоже на глиняную маску, но это был мой муж — самый смелый и прекрасный человек на свете. Я закричала и побежала к нему. Он побежал мне навстречу.

В тот день я никому не отдала его. Я заперла дверь и выключила видеофон. Может быть, мне не следовало так поступать. Ведь Валю ждала вся планета. Но я ждала его больше всех.

— Тебе было трудно? — спросила я.

— Нам было очень трудно, Руженка, — ответил он.

— Ты любил меня там?

— Я любил тебя везде. Там осталась планета, которую я назвал твоим именем. Только я уже не знаю, где. Там остался Порты. И моя рука тоже осталась там. Это была злая планета, Руженка.

— Почему же ты назвал ее моим именем?

— Не знаю. Собственно, это прекрасный мир. Но он дорого нам достался.

Он улыбался, и мне казалось, что он такой же, как десять лет назад на взморье в Териоках. Я взяла его за плечи и поглядела в глаза.

— Как тебе удалось вернуться, Валя?

Он ответил:

— Я очень хотел, Руженка. Я очень люблю тебя, поэтому я вернулся. Ну и, конечно, немного физики.

3. АСТРОЛЕТЧИК ВАЛЕНТИН ПЕТРОВ

Третья звездная началась. «Муромец», неторопливо набирая скорость, пошел прочь от Солнца по перпендикуляру к плоскости эклиптики. Теперь мне предстояло рассказать о своем замысле товарищам. На Земле я думал, что самое сложное — это добиться согласия у Совета Космогации. В том, что согласится экипаж, я не сомневался. Но сейчас я не был так уверен. Я посмотрел на Сережу — он сидел у пульта и кушал тянучки — и немного успокоился. Сережа согласился еще на Земле, и мы вместе отстаивали эту идею в Совете. Я кивнул ему, и мы вышли в кают-компанию. Там Ларри играл с Сабуро в японские шахматы, маленький Людвиг Порты копался в фильмотеке, а Артур Лепелье старался забыть девушку в оранжевом.

— Вот что, — сказал я. — Вы все хорошо представляете себе, что такое звездная?

Они посмотрели на меня с изумлением. Конечно, они все хорошо представляли себе. Десять лет непрерывных будней и отрешение навсегда, потому что к тому времени, когда мы вернемся, память о нас превратится в легенду.

Я сказал:

— Я хочу вернуться на Землю раньше, чем через сто лет.

— Я тоже, — сказал Сабуро.

— Я тоже, — сказал Ларсен. — Например, сегодня к ужину.

Артур Лепелье заморгал, а Людвиг сказал неторопливо:

— Вы хотите уменьшить скорость?

— Я хочу вернуться домой гораздо раньше, чем через сто лет, — сказал я. — Есть возможность проделать всю работу и вернуться домой не через сто лет, а через несколько месяцев.

— Это невозможно, — сказал Микими.

— Фантастика, — вздохнул Артур.

Ларри положил подбородок на огромные кулаки и спросил:

— В чем дело? Объясни, капитан.

До выхода в зону АСП (абсолютно свободного полета) оставалось еще около суток. Я сел в кресло между Ларсеном и Артуром и сказал Сергею:

— Объясни.

Известно, что чем меньше скорость звездолета отличается от скорости света, тем медленнее течет в звездолете время, подчиняясь законам теории тяготения. Но этот закон тем справедливее, чем меньше ускорение звездолета и чем короче время работы двигателя. Если же при околосветовых скоростях звездолет идет с двигателем, работающим непрерывно, если ускорения при этом достаточно велики, если у светового барьера создаются перепады ускорений, тогда... Трудно сказать, что получится тогда. Современный математический аппарат бессилён дать общие результаты. Однако при некоторых частных предположениях теория тяготения не исключает возможности явлений иного порядка. Время в звездолете ускорит свое течение. Десятки лет пройдут на корабле, и только месяцы — на Земле. «Муромец» — первый в мире прямоточный фотонный корабль. На нем можно поставить этот эксперимент. Правда, это невыносимо трудно. Это потребует годы полета с чудовищными перегрузками — в пять-семь раз...

— Фантастика, — сказал Артур. Он снова вздохнул.

— Не так, — сказал Порта. — Не совсем.

Я очень рассчитывал на Порту. Он был биолог, но знал по-моему все, кроме дескриптивной лингвистики.

— Я слышал об этом, — сказал он. — Но это — теория. И это... — он неопределенно пошевелил пальцами.

Но это была не только теория. Три года назад я испытывал «Муромца» в зоне АСП. Я сорок дней просидел в амортизаторе, ведя звездолет с ускорением, вчетверо большим, чем ускорение силы тяжести на Земле. Когда я вернулся, оказалось, что бортовой хронометр ушел на четырнадцать секунд вперед. Я провел в пространстве на четырнадцать секунд дольше, чем это зафиксировали земные часы. Я рассказал про свой эксперимент.

— О, — сказал Порта. — Это хорошо.

— Но это должны быть лютые перегрузки, — сказал я.

Об этом надо было предупредить непременно, хотя в состав экспедиции я отобрал только опытных межпланетников, хорошо переносящих удвоенную и даже утроенную тяжесть.

— Какие? — спросил Ларри.

— Раз в пять. Или в семь.

— О, — сказал Порта. — Это плохо.

— Значит, я буду весить полтонны, — сказал Ларсен и захохотал так, что все вздрогнули.

— А Совет знает? — осведомился Сабуро. Он обладал большим чувством ответственности.

— Они не верят, что из этого что-нибудь получится, — сказал Сергей. — Но они разрешили... если вы согласитесь, конечно.

— Я тоже не верю, — сказал Артур очень громко. — Перегрузки, частные предположения... Как вы создадите эти самые частные предположения?

Они разом заспорили, и я ушел в рубку. Конечно же, они не испугались перегрузок, хотя все отлично знали, что это такое. Они согласились, возражал только Артур, которому ужасно хотелось, чтобы его убедили. Через полчаса они все пришли в рубку.

— Надо действовать, капитан, — сказал Ларри.

— Мы вернемся домой, — сказал Артур. — Домой. Не просто на Землю, но домой.

— Даже если у нас не получится, — сказал Сабуро, — опыт сделать необходимо.

— Правда, пятикратные перегрузки... — Порта пошевелил пальцами.

— Да, пятикратные, — сказал я. — И даже семикратные. И не на день, и не на неделю. Если выдержим.

Это было так тяжело, что иногда казалось, что мы не выдержим. Первые месяцы я медленно наращивал ускорение. Микими и Завьялов составили программу для кибернетического управления, и ускорение автоматически увеличивалось на один процент в сутки. Я надеялся, что мы сумеем хотя бы немного привыкнуть. Это оказалось невозможным. Мы вынуждены были отказаться от твердой пищи и питались бульонами и соками. Через сто дней наш вес увеличился в три раза, через сто сорок — в четыре. Мы неподвижно лежали в гамаках и молчали, потому что трудно было разговаривать. Через сто шестьдесят дней ускорение превысило силу тяжести на Земле в пять раз. Только Сабуро Микими к тому времени мог пройти от кают-компания до рубки, не потеряв при этом сознания. Не помогали амортизаторы, не помогал даже анабиоз. Попытка применить анабиотический сон в условиях такой перегрузки провалилась. Порта мучился больше всех, но когда мы уложили его в «саркофаг», он никак не мог заснуть. На него было страшно смотреть. На любого из нас было страшно смотреть. Мы лежали перед «саркофагом» и глядели на Порта. «Хватит, Валя», — сказал Сережа. Мы

поползли в рубку. Там стоял — стоял! — Сабуро с отвисшей челюстью.

— Хватит, Сабуро, — сказал я.

Сережа попробовал встать, но снова припал щекой к полу.

— Хватит, — сказал он. — Порта плохо. Он может умереть. Выключай реактор, Сабуро.

— До трехкратного, — сказал я.

Сабуро, еле шевеля пальцами, царапал ногтями по пульту. И стало легко. Удивительно легко.

— Троекратное, — сказал Сабуро и сел рядом с нами на мягкий пол.

Мы полежали, привыкая, затем поднялись и пошли в кают-компанию. Нам было гораздо легче, но скоро мы переглянулись и снова встали на четвереньки.

Шло время. Собственная скорость¹ «Муромца» перевалила за световую и продолжала увеличиваться на тридцать два метра в секунду. Нам было очень тяжело. Я думаю, никто по-настоящему не верил в успех опыта. Зато каждый понимал, к каким последствиям может привести успех. И Ларри Ларсен, сопя и отдуваясь, мечтал за срок одной только жизни obeжать всю Вселенную и подарить ее людям.

Порта стало лучше, он много читал и усиленно занимался теорией тяготения. Время от времени мы укладывали его на несколько недель в «саркофаг», но это ему не нравилось: он не желал терять время. Ларри и Артур вели астрономические наблюдения. Сергей, Сабуро и я стояли на вахте. В промежутках между вахтами мы рассчитывали ход времени в ускоренно движущихся системах при различных частных предположениях. Ларри заставлял нас заниматься гимнастикой, и к концу года я уже мог без особого труда подтянуть на перекладине свои два центнера.

Между тем Тайя все ярче разгоралась в перекрестии нитей курсового телескопа. Тайя была целью первых трех звездных. Она была одной из ближайших к Солнцу звезд, у которых давно уже были отмечены неравенства в движении. Считалось, что Тайя может иметь планетную систему. Перед нами к Тайе шел Быков на «Луче» и Горбовский на «Тариэле». Быков через каждые пятьдесят тысяч астрономических единиц сбрасывал мощные радиобакены. Новая трасса должна была быть отмеченной шестнадцатую

¹ Собственная скорость — скорость, вычисленная по расстояниям, измеренным неподвижным наблюдателем (напр., земным), и по промежуткам времени, измеренным по часам движущейся ракеты. Определенная таким образом скорость, естественно, может превышать скорость света.

такими радиобакенами, но мы уловили сигналы только семи. Может быть, бакены погибли или мы сбились с трассы, но, скорее всего, мы просто обогнали Быкова. Бакены были оборудованы воспринимающим устройством, работающим на определенной частоте. Можно было оставить запись для тех, кто пойдет вслед. Один из бакенов в ответ на наш вызов просигналил: «Был здесь. Четвертый локальный год. Горбовский». Совершенно невозможно сказать, за сколько лет до нас он проходил.

Тайя не имела планетной системы. Это была двойная звезда. Ее невидимый с Земли компонент оказался слабой красной звездой, погасшей, истощившей свои источники энергии. Мы были первыми землянами, увидевшими чужие солнца. Тайя была желтая и очень походила на наше Солнце. Но спутник ее был хорош. Он был малиновым, и по нему ползли вереницы черных пятен. Вдобавок он не был обыкновенной звездой: Ларсен обнаружил медленную и неправильную пульсацию его гравитационного поля. Две недели мы крутились возле него, пока Артур и Ларри вели наблюдения. Это были блаженные недели отдыха, нормальной тяжести, временами даже невесомости.

Затем мы пошли к соседней звезде — ВК 71016. Этого потребовал Порта, и я не знаю, правильно ли я сделал, уступив ему. Порта был биолог, и его больше всего интересовали проблемы жизни. Он требовал планету — теплую, с атмосферой, влажную, полную жизни. Мы тоже хотели увидеть Чужой Мир. Мы надеялись встретить себе подобных. Каждый из нас тайно мечтал об этом с того момента, как стал межпланетником, а до того, как стал межпланетником, мечтал во весь голос. И мы уступили Порте.

Мы летели к этой звезде четыре года, и снова свирепые перегрузки прижимали нас к полу, и мы задыхались в амортизаторах. Но все же нам было гораздо лучше, чем в начале пути. Видимо, мы приспособливались. С нас слезала кожа, мы ели восемь раз в сутки и почти совсем не спали, но мы приспособливались, и мы долетели до желтого карлика ВК 71016.

Да, там была планетная система. Четыре планеты, из которых одна обладала кислородной атмосферой и была немножко больше Земли. Это была прекрасная планета, зеленая, как Земля, покрытая океанами и обширными равнинами. Братьев по Разуму на ней не оказалось, но жизнь кипела на ней. Я сказал, что хочу назвать ее именем Ружены. Никто не возразил. Но она встретила нас так, что мне не хочется вспоминать об этом. Она отвратительно встретила нас. Порта остался там, мы даже не знаем, где его могила, и там осталась моя рука, а Сережа Завьялов и Сабуро Микими

оставили там столько своей жизни, что не сумели дожить до возвращения.

Обратно мы летели шесть лет при максимально возможных перегрузках. Мы торопились попасть в наше время, потому что до самого конца не знали, удался наш опыт или нет. Мы три года шли с семикратной перегрузкой, и об этом тоже не хочется вспоминать. После этого мы год отдыхали на троекратном ускорении. «Муромец» плохо слушался управления, и мне пришлось отказаться от внеземной станции и садиться прямо на Землю. Конечно, это стыдно, но я не хотел рисковать. Мы приземлились удачно. Мы долго не решались выйти из корабля, но потом сели в свой вертолет и вылетели к людям. И только увидев Ружену, я понял, что опыт удался.

Тяжелый, жестокий опыт, но он удался. Мы привезли людям своего времени чужие миры. Может быть, всю Вселенную, как мечтал Ларри Ларсен. Это славно — не отдаленным потомкам, не у памятников самим себе, а близким и родным людям своего века подарить ключи от Пространства и Времени. Конечно, мы только исполнители. Спасибо людям, которые создали теорию тяготения. Спасибо людям, которые создали прямоточную ракету. Спасибо людям, которые создали наш светлый и прекрасный мир и создали нас самих такими, какие мы есть.

Вот только Быков и Горбовский... Что ж, когда они вернутся, нас уже не будет, но я думаю, они не рассердятся на нас.

Василий ВЛАДИМИРСКИЙ

ЗАДАЧА РЕШЕНИЯ НЕ ИМЕЕТ

Аркадий и Борис Стругацкие

Первый текст, написанный Аркадием и Борисом Стругацкими в соавторстве, рассказ «Извне», вышел в 1957 году. Последнее произведение, изданное при жизни Аркадия Натановича, «пьеса не для сцены» «Жиды города Питера, или Невеселые беседы при свечах», появилось в 1990-м. Позднее свет увидели сольные повести А. Стругацкого (под псевдонимом С. Ярославцев) и сольный роман Б. Стругацкого (С. Витцкого), рукописи, забракованные соавторами, но сохранившиеся в архивах, черновики и варианты, найденные и подготовленные к печати исследовательской группой «Людены». Но основной корпус текстов А. и Б. Стругацких опубликован именно в промежутке между двумя этими крайними датами: 1957–1990.

И вот что удивительно: не только авторов, но и большинства первых читателей этих произведений уже нет с нами, а книги по-прежнему живут. Иногда так случается с текстами, внесенными в канонический список классики, но это явно не наш случай. В отличие от Толстого или Достоевского, Стругацкие не входят в школьную программу, их книги не изучают в университетах, их знания не требуют на ЕГЭ (а жаль). И тем не менее эти повести переиздаются с завидной регулярностью: например, в 2024 году по статистике Российской Книжной палаты Стругацкие заняли девятое место в двадцатке лидеров в секторе художественной

Статья впервые опубликована 28.08.2025 в онлайн-издании «Полка».

литературы для взрослых по совокупным тиражам — 36 изданий, 271 050 экземпляров, больше четверти миллиона штук. Книги советских фантастов, впервые изданные сорок, пятьдесят, шестьдесят лет назад, продолжают читать по сей день, причем добровольно, не из-под палки. Хотя, казалось бы, у каждого, кто всерьез интересуется Стругацкими, на полках давным-давно должно стоять полное собрание их сочинений.

Так в чем же залог долголетия этих текстов? Ответить не так-то просто — и все же некоторыми предположениями, рабочими версиями, поделиться рискну.

Прежде всего, проза Стругацких легко читается — и это не комплимент, а чисто техническая характеристика. Темп, ритм, интонации, типичные для разговорного стиля, иронические интермедии и отступления — все это неспроста. Начиная как минимум с 1961 года каждая строчка АБС — результат кропотливой, последовательной и, самое важное, совместной работы, что называется, «в реальном времени». В 1981 году в интервью «Фантастику мы любим с детства», данном ленинградскому журналу «Аврора», Стругацкие рассказывали (не в первый и не в последний раз), как строится их работа: *«Мы собираемся вместе — в Ленинграде, или в Москве, или в каком-нибудь Доме творчества. Один из нас садится за машинку, другой — рядом. <...> Кто-нибудь из нас предлагает первую фразу. Фраза обдумывается, корректируется, шлифуется, доводится до уровня готовности и, наконец, наносится на бумагу. Кто-нибудь предлагает вторую фразу... И так вот — фраза за фразой, абзац за абзацем, страница за страницей — возникает черновик. <...> При таком методе работы неизбежны споры, иногда свирепые. Собственно, вся работа превращается в непрерывный спор или, во всяком случае, в некое соревнование за лучший вариант фразы, эпизода, диалога. Взаимная нелюбовь критика всячески поощряется, но при одном непременном условии: раскритиковал чужой вариант — предложи свой. В крайних случаях абсолютного отсутствия компромисса приходится прибегать и к жребию».*

Иными словами, практически каждая фраза Стругацких обкатывалась на языке, рождалась в результате проговаривания вслух, часто неоднократного, как итог обсуждения и живого диалога двух очень неглупых, начитанных, разносторонне эрудированных людей. Причем эрудированных по-разному — востоковеда, бывшего офицера советской армии, переводчика с японского,

и астрофизика, подвизавшегося в IT задолго до того, как это стало модно. В результате каждая строка не просто читается — но и звучит. Может быть, это и не уникальный случай в истории русской литературы, но чрезвычайно редкий. По крайней мере, никто из советских фантастов не пытался перенять практику этого проговаривания — по причине ее чудовищной трудоемкости. А вот у Стругацких получалось работать в таком режиме без проблем: в самые продуктивные для них времена, в 1960-х, до омертвляющего вмешательства цензуры, соавторы выдавали на-гора по две-три большие повести в год.

Проза АБС, как их традиционно называют поклонники, безусловно вписана в исторический контекст и принадлежит своей эпохе, 1960–1980-м. Но при этом главное ее содержание — универсальное, вневременное. На протяжении всей своей литературной карьеры соавторы регулярно возвращались к одним и тем же «проклятым вопросам», заходили на цель то с одной стороны, то с другой. В принципе, несложно составить перечень тем, которые проходят через все произведения Стругацких красной нитью и связывают их тексты (отнюдь не только из условного цикла о счастливом и благополучном Мире Полудня) в единое многоцветное полотно. Писатели напряженно размышляли о моральной стороне прогресса и о задачах эволюции; о смысле жизни и о предназначении отдельного человека и человечества в целом; о проклятии и благословении наставничества, о том, можно ли (и нужно ли), не прибегая к насилию и грубой манипуляции, изменить человека к лучшему, если тот сам этого не желает; наконец, о практической достижимости утопического идеала «счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженный».

Тонкость в том, что ответов на все эти «вечные вопросы» не существует: точнее, в разных повестях Стругацких герои предлагают свои версии, — и далеко не всегда их выводы совпадают. Соавторы чужды дидактики, они не наставляют и не поучают с табуретки, небрежно отряхивая белое пальто, а подбирают аргументы и изучают варианты вместе с читателями. Стругацкие так же сомневаются, как и мы, их герои, умные, добрые, честные, так же совершают просчеты и признают ошибки — и это тоже подкупает читателя.

Вот самый наглядный пример такого перебора вариантов. Когда мы говорим об этике Мира Полудня, мы обычно вспоминаем

Леонида Горбовского. *«Он был как из сказки: всегда добр и поэтому всегда прав. Такая была его эпоха, что доброта всегда побеждала. "Из всех возможных решений выбирай самое доброе". Не самое обещающее, не самое рациональное, не самое прогрессивное и, уж конечно, не самое эффективное — самое доброе!»* — думает о Горбовском в повести «Волны гасят ветер» Максим Каммерер, матерый комсомолец и бывший земной прогрессор.

Но это не единственная «стратегия победного поведения». В повести «Обитаемый остров» мутант Колдун, живое воплощение холодного разума, не обремененного чувствами, с некоторым высокомерием ставит диагноз тому же Каммереру (юному, двадцатилетнему, совсем недавно угодившему на планету Саракш, где построена чудовищная диктатура): *«Ваша совесть провозгласила задачу: свергнуть тиранию этих Огненосных Творцов. Разум прикинул, что к чему, и подал совет: поскольку изнутри тиранию взорвать невозможно, ударим по ней снаружи, бросим на нее варваров... Пусть лесовики будут растоптаны, пусть русло Голубой Змеи запрудится трупами, пусть начнется большая война, которая, может быть, приведет к свержению тиранов, — все для благородного идеала. Ну что же, сказала совесть, поморщившись, придется мне немножко огрубеть ради великого дела...»* И коммунар Максим — крайне неохотно, скрипя зубами и ненавидя себя — принимает его правоту: *«Да, массаракиш! Да! Все именно так, как вы говорите! А что еще остается делать? За Голубой Змеей люди превращены в ходячие деревянные»*. Цель оправдывает средства, а самое доброе решение в этой ситуации, с точки зрения Максима, — вымостить дорогу к победе над тиранией трупами друзей и врагов. Ну а если жертвы диктатуры по какой-то причине не осознают положение и не горят желанием изменить свой статус — что ж, тем хуже для них: пришельцу со звезд виднее. Как скандировали революционные солдаты и матросы, «железной рукой загоним человечество к счастью!».

Понятно, что Леониду Горбовскому братья Стругацкие от всей души симпатизируют (настолько, что позволяют неведомым образом выжить во время глобальной катастрофы на планете-полигоне Радуге и наделяют невероятно долгой даже по меркам мира будущего трехсотлетней жизнью), к шибко умному Колдуну относятся настороженно, а юному Каммереру, быстро растерявшему запас гуманизма под давлением обстоятельств, скорее сочувству-

ют. Но в позициях каждого из них можно при желании разглядеть зерно истины — пусть и не истину целиком.

Стругацкие ищут панацею от бед и горестей человеческих, вполне отдавая себе отчет, что универсального рецепта тут не существует — и все же не опускают руки, не бросают поиски. Эта парадоксальная настойчивость вопреки логике, это упорство в поисках несуществующих ответов, эта неготовность остановиться на одной-единственной, наиболее комфортной версии — то, что по сей день привлекает в их книгах читателей, «желающих странного» (и, рискну предположить, еще долго будет привлекать). Как говорил в самой оптимистичной повести АБС «Понедельник начинается в субботу» Кристоаль Хозевич Хунта, глава отдела Смысла жизни в НИИЧАВО, «человек замечательный, но, по-видимому, совершенно бессердечный»: *«Бессмыслица — искать решение, если оно и так есть. Речь идет о том, как поступать с задачей, которая решения не имеет»*.

Что ж, продолжаем поиск. Решений нет до сих пор.

Диана ГАМИ

АВТОСТОПОМ ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ К ЗВЕЗДАМ

ЭССЕ

Космос оказался гораздо больше,
чем нам бы хотелось.

Урсула Ле Гуин

Дух авантюризма и тяга к познанию неизведанного всегда двигали человечество вперед, к иным далям и новым горизонтам. Казалось бы, даже найдя идеальную, с точки зрения сухого натурализма, среду обитания, человек стремился сперва расширить зону своего влияния, а после и вовсе выйти за нее, направив свои усилия на освоение новой, пусть и менее удобной, территории. Эта беспокойная тяга к познанию мира и даже самого себя через призму всего сущего позволяла человечеству как виду расти не только ввысь своих фантазий и целей, но и вширь, заняв позицию доминирующего вида на планете. Однако уже в двадцатом веке род людской достиг, или почти достиг, условного потолка, представляющего собой непокоренную небесную гладь.

Технический прогресс прошлого века развивался столь стремительно, что люди едва ли не ежедневно за чашечкой чая читали в утренних газетах об ошеломительных прорывах в науке и технике. Все *terra incognita* были открыты, человек наконец покорил океаны, спустив на воду первые линкоры-дредноуты, а за ними и авианосцы. Конечным апофеозом гонки технологий стало открытие и освоение атомной энергии и начало эры так называемого мирного атома. И именно в этот момент, обладая множеством инструментов технического характера и все той же тягой к неизведанному, человечество обратило свой взор к звездам.

Конечно, зарождение фантастического жанра произошло несколько раньше того дня, когда Юрий Гагарин сказал свое легендарное «Поехали!». Однако, без сомнения, первый полет человека в космос стал решающим фактором и отправной точкой в «золотой век» космической фантастики. Люди, вдохновленные первыми шагами нашего суетливого вида за пределы собственной планеты, сотворили воистину захватывающее литературное направление. Взяв лучшее от классического романтизма, с его авантурной тягой к приключениям в заокеанских странах, тяжелую и подчас экзистенциальную боль от осознания хрупкости человека перед космическим «ничто» из классической философии, щепотку (а иногда и ложку с горкой) научных терминов, подкрепленных понятиями из квантовой физики, фантасты XX века определили каноны нового

поджанра. Непререкаемыми родоначальниками которого железно принято считать Жюль Верна и его «Вокруг Луны» (1869) и Герберта Уэллса с романами «Первые люди на Луне» (1901) и «Война миров» (1897).

Ныне космическая фантастика — одно из наиболее обширных направлений классической фантастики и включает в себя следующие, вполне запоминающиеся черты: как правило, место действия подобных произведений — космос либо другие миры (планеты или галактики) межзвездного пространства. Обязательными атрибутами этих историй являются космические корабли, демонстрация технического прогресса, агрессивные или дружелюбные внеземные цивилизации, бластеры, экзоскелеты, криокапсулы, скафандры и т. д. Наиболее частое воплощение космическая фантастика получала в своем развлекательном ответвлении, именуемом «космическая опера». Данный термин зародился на заре 1920-х годов и активно использовался в дешевых pulp-журналах, представлявших собой буквально бульварное чтение из ларьков. Сам термин также поначалу носил иронический характер и отсылал к «мыльным операм», с той лишь разницей, что в данном случае сюжет «мылился» на других планетах, при участии космических кораблей и коварных пришельцев.

«Космоопера» являлась своего рода клеймом в научно-фантастической литературе середины XX века и не воспринималась ни критиками, ни читателями всерьез. Однако уже к 60-м годам, после выхода человека за пределы земной атмосферы и возросшего интереса к «визуализации» космоса на экране, космическая опера, как и вся космическая фантастика, пережила новый виток интереса аудитории. Помимо этого возрос спрос и на литературу данного поджанра, которая также претерпела ощутимые изменения. Писатели-фантасты новой волны, ставшие впоследствии представителями «золотого века» фантастики, усложнили произведения под запрос «начитанной» и интеллектуальной публики. Стандартные космооперы казались пережитком прошлого: излишне наивными, скучными, поверхностными и почти не использующими многочисленный арсенал научных терминов, который постфактум «утяжелял» любое фантастическое произведение, делая его чуточку серьезней простого приключения в духе «Робинзона Крузо с бластером».

Разумеется, усложнилась и проблематика подобных произведений: от исследовательской и упомянутой мною выше приключенческой космическая фантастика сделала заметный разворот в сторону философии гуманизма, проблем социального неравенства, глобальных (космического уровня) катастроф, войн цивили-

заций и экзистенциальных поисков своего места среди бескрайних просторов Вселенной. Космические корабли и пришельцы стали по большей части декорациями, а не основной движущей силой сюжета, который теперь вполне мог конкурировать с классическими философскими романами. Новый взгляд и усложнение проблематики породили целый сонм имен, теперь уже не pulp-писателей, а величин мирового масштаба, известных любому интересующемуся литературой человеку — заметьте, даже не обязательно фантастической.

Первыми знаковыми и авторитетными личностями, буквально воссоздавшими набивший всем оскомину поджанр с нуля, стали: Артур Кларк, Айзек Азимов, Роберт Хайнлайн, Фрэнк Герберт, Рэй Брэдбери, Гарри Гаррисон, Урсула Ле Гуин, Андрэ Нортон, Станислав Лем, братья Стругацкие, Иван Ефремов, Кир Булычев и другие.

Параллельно с литературой стартует множество киноадаптаций и самостоятельных произведений, художественных фильмов, сериалов, а впоследствии и игр. Вышедший на экраны в 1968 году теперь уже культовый фильм Стэнли Кубрика «Космическая Одиссея 2001» произвел эффект разорвавшейся бомбы в пресыщенном капиталистическом обществе, вновь подняв извечные вопросы философии: «Что есть человек?», «Откуда он пришел и к чему движется?» Критики ведущих изданий спорили о смыслах и ценности увиденного, зрители во всем мире набивались в кинотеатры, называя фильм «воплощением космического будущего», и выдвигали свои интерпретации сюжета. Несмотря на многочисленные разгромные статьи и скептицизм многих лидеров мнений того периода, совместная работа Кубрика и Кларка едва ли не впервые вывела космическую эстетику в сферу высокого искусства, создав прецедент и определив возможность подобного в дальнейшем.

Следующим творением подобного масштаба стала работа Андрея Тарковского по произведению Станислава Лема «Солярис». Картину называли «нашим ответом Кубрику». К тому же, в отличие от «Космической Одиссеи», она была отлично принята критиками, отмечавшими не только превосходный визуальный ряд, но и общечеловеческие идеи совести, чувства вины, гуманизма, а также поиска истины в рамках неизведанного посредством исследования глубин собственной души. Конечно, были и другие знаковые работы, позволившие не только писателям, но и режиссерам перестать испытывать пренебрежение к теме «космоса» и уметь использовать ее для раскрытия вечных тем: любви, дружбы, смерти, войны, Бога.

Но и развлекательный элемент космоопер никуда не исчез, не всем читателям хотелось окунаться в дебри поиска смыслов и истин братьев Стругацких и их философского «Мира Полудня», и не

каждый зритель понимал медитативный кадр Тарковского, посему космическая фантастика вернула себе право быть захватывающим и веселым приключением выходного дня. Среди подобных работ можно отметить и культовые «Звездные войны», и сериалы вроде «Звездный путь», и циклы романов Гарри Гаррисона «Стальная Крыса» и «Мир смерти», и сборник рассказов Рэя Брэдбери «К — значит Космос», и роман Айзека Азимова «Космические течения». Ирония многих писателей-фантастов крайне удачно вплелась в нескучные космические квесты, приправленные периодически озаряющими текст мудрыми мыслями. Иными словами, кроме крайне полярных произведений вроде «Соляриса» и «Автостопом по Галактике» Дугласа Адамса, появились и симбиотические образцы поджанра, затрагивающие глубинные вопросы, но не теряющие подчас юмора либо сатиры, позволяющие представлять в роли главного героя откровенного трикстера (и это отнюдь не воспринимается неким «не комильфо»), вплетать в историю романтическую линию и катать читателя на эмоциональных качелях — от гомерического хохота до погружения в тленность бытия.

Среди подобных образцов следует отметить фильм Пола Верховена «Звездный десант» (1997), являющийся крайне вольной адаптацией одноименного романа Роберта Хайнлайна. Или сериал «Светлячок» (2002), несмотря на откровенную сатиру и элементы вестерна, затрагивает ряд морально-этических проблем общества. Особое место у всех любителей космической фантастики занимает и сериал «Звездный крейсер “Галактика”» (2004–2009), ремейк одноименного проекта 1978 года, поднимающий такие серьезные вопросы, как религиозный фундаментализм, терроризм, социальное неравенство, милитаризм, расизм и многое другое. Сериал был отмечен множеством престижных премий, среди которых и премия «Хьюго», одна из наиболее солидных в научно-фантастических кругах.

Совершенно очевидным и закономерным исходом столь мощной популярности космической эстетики стало сплетение оной с жанром хорроров. И в данном случае это позволило расширить категории ужасного для человеческого сознания. Замкнутое пространство космического корабля, за пределами которого агрессивная и непригодная для человеческого организма среда, сюда же добавляем неведомую космическую тварь, с которой не ясно, как бороться, ощущение тотального одиночества и хрупкости посреди бесконечных просторов пустоты — и перед нами легендарный «Чужой» (1979) Ридли Скотта. Фильм, получивший вместе с культовым статусом и огромными кассовыми сборами целую отдельную вселенную и множество сиквелов, приквелов и

спин-оффов под руководством именитых режиссеров. Известный ныне всему миру монстр был рожден воображением швейцарского художника Руди Гигера, чьи работы хоть раз в жизни видел каждый поклонник фантастического реализма и биомеханики. И хотя многие клеймили фильм «категорией Б» (используемой для низкобюджетного и неэксплуатационного кино), называли сюжет непродуманным, а используемые образы излишне плоскими и скандальными, картина быстро закрепилась в качестве образцовой космической фантастики. А слоган фильма «В космосе никто не услышит твой крик» внес доселе не слишком часто используемый элемент страха перед надземной чернотой.

Нелишним будет отметить, что классическая космическая фантастика в большей степени носила позитивный и жизнеутверждающий характер. Этому способствовал и активный технический прогресс, внушающий человечеству веру в себя, и особое внимание публики к модным в тот период идеям футуризма (центром которого авторам «золотого века», конечно, виделся человек), и амбициозный взгляд на наше место во Вселенной. «Люди будут летать в космос по профсоюзным путевкам», — говорил великий советский ученый Сергей Павлович Королев, представляя будущее Земли и человечества неразрывно связанным с освоением космоса.

Люди смогли преодолеть свою природу и подняться в небо, а вслед за небом, миновав земную атмосферу, «коснуться звезд». Фантасты 60–80-х годов прекрасно понимали, что космос агрессивен, беспристрастен, тёмнен и необычайно холоден, но также верили, что нет ничего такого, чего бы не смогли преодолеть негибкая воля *homo sapiens* и его неиссякаемый интерес к устройству сущего. Исходя из этого, основной тенденцией космической фантастики долгое время являлась и оставалась идея борьбы человека за право осваивать новые горизонты. Люди середины прошлого века верили, что застанут воочию колонизацию Марса. И это были не пустые фантазии, не имеющие под собой почвы, а скорее, очевидный путь дальнейшего развития нашего вида. Искусство, и литература в частности, всегда идут в ногу со временем, отражая любые идеи и переживания общества. И космическая фантастика не явилась исключением из этой закономерности.

К сожалению, к началу 90-х годов жанр стал испытывать определенный кризис идей. Публика была пресыщена многочисленными однообразными сюжетами, новых имен становилось все меньше, а позитивный взгляд и идеализм уступили место разочарованию и скептицизму. Безусловно, в основе этого спада лежали и другие проблемы: некоторый застой в отношении развития космических программ, отсутствие знаковых событий (вроде полета

человека в космос или высадки на Луну), падение интереса к футуризму как к единственному образу будущего, популярность таких поджанров, как постапокалипсис и киберпанк, делающих ставку на повсеместные негативные сценарии развития человечества. Так или иначе, интерес к космосу стал падать. И хотя многие монументальные идеи фантастов середины века нашли невероятно мощное воплощение в настольных и компьютерных играх (например, вселенные Warhammer 40000, Dead Space, Mass Effect, Halo, Star Wars, EVE online и многие др.), им не удалось вернуть интерес широкой публики к теме космоса. Кроме того, почти все они в той или иной мере переняли скорее пессимистичный взгляд на будущее человека в космическом пространстве.

Свою роль в тенденции застоя и кризиса идей сыграли и новые исследования влияния космической радиации на живые организмы, из-за чего надежды на преодоление огромных пространств посредством сна в так называемой криокапсуле становятся все более нереальными, а почти научный когда-то компонент поджанра все чаще заменяется фантастической условностью. Надо ли говорить о том, что освоение космоса слишком затратное дело, особенно сейчас, когда мы обнаружили множество проблем у нас под ногами.

Впрочем, нельзя сказать, что за последние годы мир не получил ни одного, как модно говорить, «годного» образца космической фантастики. Будет крайне несправедливым не упомянуть фильмы «Марсианин» (2015), «Гравитация» (2013), «Дюна» (2021) и уже почти классический образец жанра — «Интерстеллар» (2014), созданный при активном участии лауреата Нобелевской премии, физика Кипа Торна, сумевшего вплести в вымышленную историю теорию гравитационных волн. Здесь же следует назвать романы «Ложная слепота» (2006) Питера Уоттса и «Задачу трех тел» китайского фантаста Лю Цисиня, получившего признание во всем мире, а заодно и упомянутую выше премию «Хьюго». Однако все это капля в море после того оглушительного цунами, что потрясло литературу и кинематограф двадцатого века.

Многие писатели-фантасты с сожалением высказывались о том, что книги с изображением космического корабля на обложке, когда-то несомненные лидеры продаж, уступили место детективам, фэнтези и любовным романам. А вместе с тем родилось и печальное осознание, что невероятное космическое будущее, которое они столь детально описывали, так и не наступило. Рэй Брэдбери ответил на этот вопрос следующим образом:

«...люди — идиоты. Они сделали кучу глупостей: придумывали костюмы для собак, должность рекламного менеджера и штуки

вроде iPhone, не получив взамен ничего, кроме кислого послевкуся. А вот если бы мы развивали науку, осваивали Луну, Марс, Венеру... Кто знает, каким был бы мир тогда? Человечеству дали возможность бороздить космос, но оно хочет заниматься потреблением: пить пиво и смотреть сериалы».

Сиюминутные удовольствия вытеснили идею о колонизации Марса в массовом сознании.

Некоторые авторы видели корень проблемы в другом. К примеру, Джеймс Кэмерон, режиссер культовых фантастических фильмов, на вопрос, почему он не пишет сценарий к новому «Терминатору», высказался так:

«Я не могу сделать это, потому что не знаю, что нужно придумать такого, чего бы не было воплощено в реальность. Сегодня мы сами живем в эпоху научной фантастики».

Добавьте сюда создание и развитие искусственного интеллекта, который, по мнению многих исследователей, мог бы позволить нам преодолеть тупик развития и начать осваивать космос, ну или сделать это уже самостоятельно, без участия людей. Хотя бы потому, что в отличие от человека он не стареет. В довесок можно было бы вспомнить скорее грустный, нежели веселый мем «Прости нас, Юра».

Но все это рассуждения для других изданий, хоть и имеющие косвенное влияние на затрагиваемый в этом эссе вопрос. Гораздо важнее мне видится мысль о возможном возрождении поджанра через логическое переосмысление его канонов с учетом нового времени, новых мечт и новых научных достижений. С последними открытиями в квантовой физике, такими как теория «квантовой матрицы памяти», стремящейся объяснить природу темной материи и дать нам принципиально другой взгляд на рост и развитие Вселенной, очередной всплеск интереса к теме космических путешествий — пусть пока что в литературе — кажется более вероятным, чем окончательное затухание данной темы. И да, пускай человечество так и не добралось до Марса к 2026 году, но вряд ли оно когда-нибудь откажется от этой почти генетической мечты. И тогда, пожалуй, новое поколение людей напишет свои «Марсианские хроники», не забыв упомянуть поэтические мечты самого Брэдли Бёрна, покорившего Красную планету еще на бумаге в свои восторженные 50-е.

Известный всему миру физик-теоретик и космолог Стивен Хокинг с оптимизмом смотрел в наше будущее и верил, что земляне выйдут за пределы Солнечной системы:

«Я оптимист. Мы точно достигнем звезд».

АВТОРЫ НОМЕРА

АМИРОВ Ильмир — российский писатель-фантаст, пишущий в стилистике киберпанка, научной фантастики и антиутопии. Родился в Оренбурге. В 2011 году окончил Оренбургский государственный аграрный университет. Основная деятельность связана с разработкой систем безопасности для программного обеспечения. Участник различных конкурсов фантастики. В период с 2012 по 2013 год являлся редактором и создателем сетевого фэнзина «ФанТАГ» (всего вышло три выпуска).

БОЙЦОВА Соня родилась в 1978 году в Нальчике. В 2001-м окончила факультет «Социальная работа» Кабардино-Балкарского госуниверситета. Работала в HR-сфере в Москве и Санкт-Петербурге. Сотрудничала с журналом «Найди лесоруба», была куратором одноименного питерского книжного клуба. Ранее не публиковалась.

ВЛАДИМИРОВ Сергей — писатель и журналист из Новосибирска. В жанре малой прозы и публицистики работает с 2017 года. Рассказы «Ведьмин хутор» и «Форшмак тети Сары» в 2021 году вошли в сборник фантастики сибирских авторов «Ничьи следы». Неоднократно публиковался в журнале «Сибирские огни» и является лауреатом премии журнала по итогам 2022 года в номинации «Проза» — за рассказы «Дуэль» и «Волшебник». В 2022 году вышел дебютный сборник рассказов «Дорога на Старобалык». Является победителем новосибирского регионального литературного конкурса «Краткий слог», обладателем спецприза III сезона премии «Иду на грозу» в номинации «Очерк о науке», лауреатом второй степени конкурса фантастики «Прыжок над бездной» — 2024.

ВЛАДИМИРСКИЙ Василий — российский книжный обозреватель, редактор, журналист. Родился в 1975 году в Ленинграде. Как литературный критик работает чаще всего с произведениями пограничных между реализмом и фантастикой жанров. Составитель ряда антологий, лауреат премий «Интерпресскон», «Неистовый Виссарион» и других. Работал редактором в ряде крупных российских издательств.

ГАМИ Диана родилась в 1985 году в Кизляре, Республика Дагестан. В 2008 году окончила филологический факультет СОГУ (отделение МХК). Защитила диплом по теме «Специфика изображения двойничества в современном фэнтези». В 2022 году окончила курсы по повышению квалификации в Литературном институте имени А. М. Горького по фэнтези-литературе. Автор монографии «Теория и практика творчества: как сделана литература фэнтези». Работает в журнале «Международная жизнь» (издание МИД РФ). Живет во Владикавказе.

ГЕЛЯСТАНОВ Мурат родился в 1986 году в Нальчике. В 2008-м окончил биологический факультет КБГУ. Работает преподавателем биологии и химии. Публиковался в журнале «Дарьял». Участник северокавказских форумов молодых писателей.

ДАЦАЕВ Магомед родился в 1994 году в Грозном. Окончив 9 классов средней школы, поступил в Чеченский государственный колледж на финансовый факультет, а после обучался на факультете менеджмента Грозненского государственного нефтяного технического университета. Также окончил Чеченский государственный педагогический университет. Преподавал в местной школе английский язык. Летом 2021 года ушел с работы, чтобы посвятить себя полностью писательству. Среди своих фаворитов выделяет Говарда Лавкрафта. Работает в Грозном сотрудником книжного магазина, пишет роман.

ДЗЕБОВЕ Таймураз родился в 1998 году во Владикавказе. Окончил 5-ю гимназию, поступил в Московскую государственную юридическую академию им. О. Е. Кутафина, по окончании которой начал работать IT-юристом. Увлекается чтением книг и написанием рассказов в направлениях фэнтези и научной фантастики. Ранее не публиковался.

ДУБУРЛАН Курбан (псевдоним) родился в 1999 году в Махачкале. Окончил юридический факультет НИУ ВШЭ. Увлекается историей, лингвистикой, религиоведением. Ранее не публиковался.

ЖИХАРЕВИЧ Алексей родился в 1978 году в Ленинграде. Изучал философию и компьютерные науки (СПбГУ), кандидат философских наук. Живет в Пскове, работает программистом. Учился на курсах литературного мастерства в CWS. Пишет стихи и прозу. Публиковался в журналах «Пашня» (CWS), «Полутона».

ЗАЙКА Алёна родилась в 2007 году в Ханты-Мансийском автономном округе. Студентка второго курса направления «Журналистика» Тюменского государственного университета. Победитель 5-го сезона Всероссийского литературного конкурса «Класс!», финалист литературного конкурса «По тропам башкирского фэнтези», финалист 10-го сезона Международной литературной премии «Глаголица», победитель регионального проекта «Источник» (Тюмень, 2024) в направлении «Проза». Публиковалась в журнале «Юность».

КАМБЕГОВА Аделина родилась в 1999 году в Беслане. Окончила бакалавриат факультета русской филологии СОГУ. Корреспондент информационно-аналитического портала «КрыльяТВ». Живет во Владикавказе.

КЦОЕВ Олег родился в 2003 году в с. Цалык, Северная Осетия. Студент 5-го курса факультета осетинской филологии СОГУ. Пишет в жанрах научной фантастики, мистики. Ранее не публиковался.

ЛУКОЖЕВА Залина родилась в 1978 году в городе Тереке, Кабардино-Балкария. Детский писатель, журналист, драматург. Публиковалась в журналах «Литературная Кабардино-Балкария», «Солнышко», «Нур» (Нальчик), «Сундук» (Донецк), «Горец» (Махачкала), «Проспект» (Владикавказ) и др. Автор книг «Сказки Волшебного леса» (2016), «Нартшао и Дуней» (2019), «Блуждающие звезды / Вагъуз Абрэдж» (на двух языках) (2023). Живет и работает в Нальчике.

ЛУКОШКИН Илья родился в городе Дзержинске Донецкой области. По образованию инженер. Живет в Анадыре, развивает собственную фирму, занимается общественной деятельностью. Рассказы опубликованы в сетевых журналах «Пашня», «Горизонт», «Прочитано», в меж-авторском сборнике «Напечатать мне вечность» издательства «Млечный путь».

МАДИНОВА Валерия родилась в 2000 году в Чегеме, Кабардино-Балкария. Окончила Высшую школу печати и медиаиндустрии Московского политехнического университета. Стихи и проза выходили в онлайн-проектах «Прочитано» и «Полутона». В печатном литературном журнале публикуется впервые. Живет в Москве.

ОМАРОВ Артур родился в 1988 году во Владикавказе, инженер по образованию. Участник литературных мастерских и проекта «Литературные резиденции» АСПИР, Форума молодых писателей «Липки» (2023). Победитель международного литературного конкурса фантастического рассказа «Прыжок над бездной» (2024). Публиковался в журналах «Найди лесоруба», «Дарьял» и «Кольцо А».

САЛАХАНОВ Адам родился в 1984 году в Грозном. Род деятельности — евроремонты, дизайн помещений, строительные и внутриотделочные работы. Прозу начал писать с 28 лет. Работал над адаптацией своих рассказов «Зов могилы» и «Дереализация» в киносценарии «Ц1яп-цалг» и «Тускар», по первому независимый режиссер Заур Цугаев снял фильм. С 2019-го — член Союза писателей России. Участвовал в художественном проекте галереи «Гараж» с последующей выставкой экспериментальной трилогии «Де» и графическим романом «Ретроспектр. Таймасха». Ведет литературный телеграм-канал «book{ассенизатор}». Живет в Москве.

СОЛОВЬЕВА-НАГИБИНА Ольга родилась в 1986 году в Тобольске, где проживает по сей день. Окончила Тобольский пединститут им. Д. И. Менделеева по специальности «учитель информатики и английского языка», а также Тобольский индустриальный институт по специальности «инженер-энергетик». Более десяти лет проработала в инженерной сфере. Писать начала еще в школьные годы. Первая книга вышла в 2022 году и была предназначена для подростковой аудитории. В настоящее время пишет книги.

СОЛОМОНОВА Софья — член Российского союза писателей. Пишет преимущественно в направлениях фэнтези и магического реализма. Автор книг «Сумерки Баригора» (2024) и «Белый Сокол. Наследие Оманоске» (2025). Последняя книга — этническое фэнтези в кавказском сеттинге «Молоко лани» — в настоящее время находится в статусе самиздата. Живет в Москве.

СТРУГАЦКИЕ Аркадий Натанович (1925–1991) и **Борис Натанович** (1933–2012) — советские прозаики, братья-соавторы, кинодраматурги, классики научной и социальной фантастики, самые известные советские писатели-фантасты за рубежом. Аркадий Стругацкий в 1949 году окончил Военный институт иностранных языков в Москве по специальности «переводчик с английского и японского языков». Был на преподавательской работе в Канской школе военных переводчиков, служил дивизионным переводчиком на Дальнем Востоке. Демобилизовался в 1955 году. Работал в «Реферативном журнале», затем редактором в Детгизе и Гослитиздате. Борис Стругацкий в 1955 году окончил механико-математический факультет ЛГУ по специальности «астроном», много лет проработал в Пулковской обсерватории. С 1960 года — профессиональный писатель. Некоторые известные произведения: «Трудно быть богом», «Пикник на обочине», «Улитка на склоне», «За миллиард лет до конца света».

ХАРИТОНОВА Ольга родилась в 1988 году в Омске. Окончила аграрный и педагогический университеты. Писатель, сценарист, публиковалась в журналах «Новый мир», «Юность», «Москва», «Мир фантастики». Живет и работает в Новосибирске.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ДАРЬЯЛ»

1–6'2025

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

АГУЗАРОВА Саша. Кто и откуда я. *Стихи.* № 5
БАБАЕВА Аида. Сны о Флоренции. *Стихи.* № 5
БИГАЕВ Хетаг. О нескazanном. *Стихи.* № 5
БЛАГОВА Дарья. Их земля. *Рассказы.* № 5
ГАЗДАНОВА Залина. Ближе к небу. *Стихи.* № 4
ГУЧМАЗТЫ Алеш. Пойте по-осетински, парни...
Рассказы. Перевод с осетинского И. Булматы. № 2
ДОГУЗОВА Залина. Я — обретшая бодхи. *Стихи.* № 5
ДУДАЕВ Чермен. Нагорная проповедь. *Стихи.* № 4
ДЫМЧЕНКО Денис. Доверие. *Рассказ.* № 5
ЗУБАИРОВА Индира. При тающей луне. *Стихи.* № 5
ЙИЛЕМНИЦКИЙ Петр. Компас в нас. *Отрывки из романа. Перевод со словацкого В. Лукиша. Литературная редакция И. Хугаева.* № 2–3
КАДИЕВ Сармат. Автопортрет. *Стихи.* № 5
КАРГИНОВ Азамат. Серое скольжение. *Рассказы.* № 5
КИБИРОВ Амурхан. Свои мы в жизни настоящей. *Стихи. Перевод с дигорского К. Гадаева.* № 1
КУБАЛОВ Аслан. «Дождь ударит ямбом». *Стихи.* № 4
МАКОЕВ Амир. Исчадие. *Рассказ.* № 1
МАЛИЕВ Васо. В поезде. *Поэма. Перевод с осетинского М. Синельникова.* № 3
МУСАЕВ Алан. Переспелые грозды. *Стихи.* № 5
МУСАЕВ Магомедрасул. Москва — Итака. *Стихи.* № 5
МУССОВА Мария. Послеоперационный роман. *Рассказ.* № 5
МЯКИНИНА Алена. Привыкай отпускать. *Стихи.* № 5
ПАРАСТАЕВ Сармат. Мой отец Инал Парастаев. № 4
САЛАХАНОВ Адам. На сон грядущий. *Рассказ.* № 5
САПЕГИНА Дина. Ящер. *Рассказ.* № 5
САХРУЕВ Арсен. Вкус жизни. *Рассказы.* № 5
СТАШ Зарема. Рельсы-рельсы, шпалы-шпалы. *Рассказ.* № 5
ТАДТАЕВ Тамирлан. Король Джамбо. *Рассказ.* № 1
ТАМАЕВ Астан. Тайна в Сакире. *Рассказ.* № 5
ТУАЛЛАГОВ Ян. Книгочей. *Рассказ.* № 2
ХАИДОВ Ибрагим. Ландыши. *Рассказ.* № 5
ХАРЕБОВ Батрадз. Моя Москва. *Автобиографическая повесть.* № 2–4
ХОСЕ. Четыре недели, в которые Хосе не одинок. *Рассказ.* № 5
ХУГАЕВ Сергей. Осетинская скрипка. *Рассказ. Перевод И. Хугаева.* № 1
ЦХУРБАЕВ Алан. Что-то, что ты кому-то должен. *Рассказ.* № 2

К 80-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

КУДЗАЕВ Роберт. Зря дядя Петя с войны вернулся. *Рассказ.* № 2
Чье у памяти лицо? *Стихи.* № 2

К 100-летию СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

ГАЗДАНОВА Зара. Предыстория современной осетинской литературы. № 4
ГИБИЗОВ Руслан. Схватка. *Рассказ.* № 4
ТЕДЕЕВ Георгий. Милосердие. *Рассказ.* № 4
ТОТРОВ Руслан. Доброе утро. *Рассказ.* № 4
ХАБЛИЕВ Сафар. Услуга. *Рассказ. Перевод с осетинского О. Хаблиева.* № 4
ХОДОВ Камал. На языке отважных нартов. *Стихи.* № 4

К 125-летию В. И. АБАЕВА

АБАЕВ Васо. Осетины-аланы. № 3
САЛБИЕВ Тамир. Васо Абаев: уроки древнеперсидского. *Очерк.* № 3
САЛАГАЕВА Зоя. В. И. Абаев и литература. *Очерк.* № 3

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ

БУЛКАТЫ Игорь. Хадже. № 2
ГАЛАЗОВ Руслан. Записки эмигранта. *Отрывок из повести.* № 3
ГАСАНОВ Валерий. Его образ в сердце моем навсегда. *Очерк.* № 1
ДЖИКАЕВ Шамиль. Наследие предков. *Стихи.* № 2
ДЖУСОЙТЫ Нафи. Стихи, не сказанные матери. *Перевод с осетинского М. Синельникова и Н. Орловой.* № 1
КИБИРОВ Тимур. Иллюстрации к роману «Негодный». *Стихи.* № 3
Нафи Джусойты. Фотоальбом. № 1
СТРУГАЦКИЕ Аркадий и Борис. Частные предположения. *Рассказ.* № 6
ХУГАЕВ Ирлан. Творцы дворцов. *Стихи.* № 3

«СИСТЕМА ЗНАКОВ»

АМИРОВ Ильмир. Эпос наследника. *Рассказ.* № 6
БОЙЦОВА Соня. ЭКАМИИ. *Миниатюра.* № 6
ВЛАДИМИРОВ Сергей. Эффект наблюдателя. *Рассказ.* № 6
ГЕЛЯСТАНОВ Мурат. Пойдешь — не вернешься. *Рассказ.* № 6
ДАЦАЕВ Магомед. Чума-2300. *Рассказ.* № 6
ДЗЕБОВЕВ Таймураз. Нана. *Рассказ.* № 6
ДУБУРЛАН Курбан. Квантовая душа. *Миниатюра.* № 6

ЖИХАРЕВИЧ Алексей. Димон. Кавказская быль. Рассказ. № 6

ЗАЙКА Алёна. Кси-б-минус. *Миниатюра*. № 6

КАМБЕГОВА Аделина. Кто вернулся? *Миниатюра*. № 6

КЦОЕВ Олег. Суперпозиция Хайрага. *Рассказ*. № 6

ЛУКОЖЕВА Залина. Сын медведя. *Рассказ*. № 6

ЛУКОШКИН Илья. Земная жизнь. *Миниатюра*. № 6

МАДИНОВА Валерия. Город мертвых. *Миниатюра*. № 6

ОМАРОВ Артур. Новый мост. *Рассказ*. № 6

САЛАХАНОВ Адам. Ультрадольмен. *Рассказ*. № 6

СОЛОВЬЕВА-НАГИБИНА Ольга. Башня в тумане. *Рассказ*. № 6

СОЛОМОНОВА Софья. Пять миллисекунд, которые изменили все. *Рассказ*. № 6

ХАРИТОНОВА Ольга. Совпадение частот. *Рассказ*. № 6

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

История кавказской фантастики. № 6

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

МАМСУРОВ Темирболат. Думы. *Стихи. Перевод с осетинского М. Синельникова*. № 3

ИЗ ПОЛЬСКОЙ ПРОЗЫ

ЛЕМ Станислав. Два молодых человека. *Рассказ*. № 3

НАШИ ПЕРЕВОДЫ

ГРАНЕЛИ Терентий. Нечаянное откровенье. *Стихи. Перевод с грузинского В. Светлосанова*. № 2

Из английской поэзии. *Перевод А. Золоева*. № 1

Из немецкой поэзии. *Перевод А. Золоева*. № 3

ПЕРЕВОДЫ

Страсть к созерцанию. *Стихи. Перевод П. Визировой*. № 5

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

АБОЕВ Заур-Бек. Книжная графика. № 4

БЯЗРОВА Людмила. Учитель и ученик: Махарбек Туганов и Василий Глушков. № 4

ОСТАЕВА Татьяна. Аналитическая и экспериментальная пластика Станислава Тавасиева. № 1

ЦОГОЕВ Эльбрус. Георгий Туганов — ученик В. А. Фаворского. № 1

АНТОЛОГИЯ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

АБАЕВА Зара. 27 февраля. № 1

АБОЕВ Заур-Бек. Совесть человека. *Перевод с осетинского З. Басиевой*. № 4

ДЖИКАЕВ Шамиль. Васо Абаев. *Перевод Н. Куличенко*. № 3

КОВАЛЕНКО Елена. «Осень выкрасила леса...» № 5

ЧЕХОВЕВ Сараби. «Я на войне такое видел...» № 2

ГОСТЕВАЯ КНИГА

ВАЩАЕВ Олег. Под ангельскую диктовку. *Стихи*. № 1

ГАДЖИЕВ Тамерлан. Медный всадник. *Рассказ*. № 1

Илли о Черном Ногае. *Из чеченской народной поэзии. Перевод с чеченского А. Преловского*. № 2

КОСТАНДОГЛО Татьяна. И землю врацай, не жалея огня. *Стихи*. № 3

КРАМЕР Александр. В присутствии черного цвета. *Стихи*. № 1

ЛИ Мин Минг. Китайский узел. *Стихи. Перевод с китайского Е. Плетневой (Данченко)*. № 1

ПАРСАНОВА Татьяна. Бесценный клад воспоминаний. *Стихи*. № 3

РЫБИН Александр. Фантомная боль. *Рассказ*. № 1

Тер-АБРАМЯНЦ Амаяк. Я не обижу тебя, Вулкан. *Рассказы*. № 2

ШАОВ Ибрагим. Саксофонист. *Рассказ*. № 3

ДАЛЕКОЕ И БЛИЗКОЕ

ДЖЕНИКАЕВА Алена. От Терека до Турции. *Очерк*. № 2

ЦЕРЕКОВ Артур. Коллекционирование в Орджоникидзе. *Эссе*. № 2

ЭПИГРАММЫ

ТЕДЕЕВ Шалико. «...В погоне за фартом». № 2

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

ЖУК Вадим. «Не слышно мне ни тишины, ни плеска...» *Стихи. Вступительная статья М. Шевелева*. № 2

ШАЛАМОВ Варлам. Сентенция. *Рассказ*. № 2

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И КРИТИКА

БИГАЕВ Хетаг. Эпитафия любви. *Эссе*. № 5

ВЛАДИМИРСКИЙ Василий. Задача решения не имеет. № 6

ГАМИ Диана. Автостопом через тернии к звездам. *Эссе*. № 6

ДЗУЦЕВА Нина. Эстетическое восприятие мира звезд в российской поэзии. № 1

Рецензии студентов СОГУ на книги. № 5

ХЕТАГУРОВА Дзерасса. «Два ворона»: рецепция народной шотландской баллады в русской и осетинской литературе (А. С. Пушкин, Г. М. Цаголов). № 1

ХОЗИЕВ Борис. «Времена не выбирают, в них живут и умирают». № 4

НАУКА И КУЛЬТУРА

ГАЛАЗОВ Аслан. К вопросу этимологии этнонима «руссы»: очерки славяно-иранских культурно-исторических связей. № 2, 3

ХЕТАГУРОВА Дзерасса. Post mortem: феномен образа живого покойника в поэзии модернизма (В. И. Нарбут, Б. Ю. Поплавский, Б. Брехт, Г. Г. Малиев). № 3

СРЕДА ОБИТАНИЯ

АЛАГАТЫ Сергей. Военно-Осетинская дорога. № 1

ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА

Выставка молодых художников в кафе-галерее «Парадная». Живопись. № 5

ГЛУШКОВ Василий. Живопись. № 4

КАСАБИЕВ Андрей. Скульптура. № 2

СЕКИРИН Сергей. Живопись. № 3

ТАВАСИЕВ Станислав. Скульптура. № 1

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

* * *

WWW.DARIAL-ONLINE.RU

Журнал основан в 1991 году и поддерживает традиции
литературной периодики в Северной Осетии.

Издается на русском языке и представляет осетинский и в целом
кавказский литературный процесс русскоязычному читателю.

«Дарьял» стремится соответствовать своему времени
и отвечать на его запросы.

Выходит шесть раз в год.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС
18668

Иллюстрации к рассказам в рубрике «Система знаков»
созданы Муратом Гелястановым при помощи нейросетей

На обложке журнала: схематическое изображение двухщелевого эксперимента, имеющего принципиальное значение для становления квантовой механики. Впервые был проведен Томасом Юнгом со светом в 1801 году. Опыт иллюстрирует корпускулярно-волновой дуализм, то есть способность микрочастиц проявлять свойства как частиц, так и волн, в зависимости от наличия детектора. Это демонстрирует фундаментальное ограничение способности наблюдателя прогнозировать экспериментальные результаты. Эксперимент более известен как «эффект наблюдателя», то есть явление, при котором процесс измерения изменяет саму наблюдаемую систему.

ЖУРНАЛ «ДАРЬЯЛ» — ЭТО:

- Литературно-художественное издание, представляющее культуру и искусство Осетии всему миру
- Поле для исторических и философских дискуссий
- Площадка для молодежных экспериментов и идей
- Дружелюбная творческая среда, объединяющая народы Кавказа

 vk.com/darial.review | t.me/darialreview